PG 3467
.L58 R8
1871
Copy 1

Class PGR 1614

Book .L 2

YUDIN COLLECTION

GPO

РУССКІЙ ЛЮДЪ.

Алексѣй Александровичъ
Арефьевъ.
Lomacherskiĭ, Dmitriĭ Platonovich.
Russkiĭ liûd.

РУССКІЙ ЛЮДЪ,

Д. ЛОМАЧЕВСКАГО.

ИЗДАНІЕ

КОЛЕСОВА И МИХИНА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ ГОГЕНФЕЛЬДЕНА И К°.

(Вас. Остр., 3 л., д. № 44).

1871.

PG3467
.L58R8
1871

Алексей Александров
Арефьевъ

22 8 Марта 74

РЖАВЧИНА.

(истинное происшествіе).

(*Изъ переписки домашняго учителя съ пріятелемъ*).

Письмо 1.

«Широкіе Ручьи», мая 9.

Не ропщи на меня, дорогой Павелъ Петровичъ, за краткость моихъ писемъ. Право, писать рѣшительно пока не о чемъ. Патронъ мой — напыщенная своимъ аристократизмомъ личность, относящаяся ко мнѣ какъ-то глупо-покровительственно. Долговязый Габріэль, ученикъ мой — прототипъ фонъ-визиновскаго Митрофанушки; мамаша его — жеманнѣйшая и надутѣйшая барыня. Рѣшительно, слова сказать не съ кѣмъ, такъ что жизнь моя въ этихъ „Широкихъ Ручьяхъ“ (Завихлячье тожъ) просто невыносима.

Итакъ, мой милый Павелъ Петровичъ, обстановка моей теперешней жизни не представляетъ собою богатаго матеріала для корреспонденцій даже и такому доброму пріятелю, какъ ты. Скука, однообразіе, невозможность побесѣдовать съ кѣмъ нибудь по душѣ, такъ, какъ бесѣдовали мы съ тобой, — вотъ все, что я могу сообщить тебѣ. Единственнымъ пріятнымъ для меня собесѣдникомъ (на безрыбьи и ракъ — рыба) является иногда, въ свободныя минуты, старикашка дворецкій, очень

любящій почему-то потолковать съ „учеными людьми“ и считающій меня чуть-ли не представителемъ ихъ. Въ сущности-же бесѣды наши съ Кирилычемъ не касаются предметовъ, наводящихъ на глубокія размышленія, не затрогиваютъ „матерій важныхъ“, а вертятся, большею частію, около предметовъ самыхъ обыденныхъ. Не успѣешь иногда продрать глаза утромъ, какъ въ дверь моей комнаты осторожно просовывается сѣдая голова Кирилыча. Я такъ уже и знаю, что старикъ намѣревается таинственно сообщить мнѣ что-нибудь новенькое, словомъ — посплетничать. Вѣрный и честный слуга — онъ; въ то-же время, любитъ поточить языкъ насчетъ барской спѣси своихъ господъ, противъ которой является страшнымъ антагонистомъ.

Прощай пока, дорогой Павелъ Петровичъ. Желаю тебѣ всего хорошаго, ты-же мнѣ пожелай одного — августа...

Твой Н. Б.

Письмо 2.

«Широкіе Ручьи», 21 мая.

Два дня тому назадъ, я былъ обрадованъ полученіемъ твоего письма, милый Павелъ Петровичъ. Благодарю за кучу поклоновъ и груду дружескихъ пожеланій. Сообщаемыя тобою петербургскія новости я прочелъ даже Кирилычу, пришедшему въ это время съ какою-то радостною злобою „доложить“ мнѣ о новыхъ барскихъ затѣяхъ моего патрона. Докладъ начался съ того, что старикъ, коварно прищуривъ правый глазъ, таинственно указалъ рукою во дворъ.

— Что тамъ?.. спросилъ я.

— Извольте посмотрѣть-съ — ума помраченье-съ.

Я всталъ и подошелъ къ открытому окну. На дворѣ стояла, окруженная дворнею, зашитая въ рогожи карета.

— Хе-хе-хе!.. еще таинственнѣе произнесъ Кирилычъ. — Изъ Питера только что привезли-съ, тысячу двѣсти заплатили-съ... Нельзя-же-съ!..

Посмотрѣвъ съ выраженіемъ какой-то ненависти на карету, Кирилычъ энергически плюнулъ.

— Голь саратовская!.. добавилъ онъ презрительно-злобно. Да еще гербы-то какіе налѣплены — страсть!..

— Отчего князю не имѣть на экипажахъ княжескихъ гербовъ?.. сказалъ я для того, чтобы что-нибудь сказать.

— Князю-съ?.. Эхъ, сударь, что вы-съ!.. Нешто я не знаю, какіе князья бываютъ?.. Много такихъ князей-то бываетъ, какъ нашъ-то!.. Живалъ-съ я у князей-то. Вотъ, примѣрно, Потемкины, Румянцевы-Задунайскіе, Суворовы-съ, Гагарины, Волокитины, Шаховскіе-съ, Долгорукіе — вотъ это князья-съ. А нашъ что? — одно названіе, что князь-съ!..

— А все-таки князь.

— Эхъ, сударь, сударь!.. Я вамъ доложу — на Кавказъ я ѣздилъ, годовъ семнадцать назадъ, съ графомъ Буруевымъ-съ. Ямщикъ у насъ былъ татаринъ, рожа такая каряваая — рѣпу можно сѣять-съ, а князь-съ, ей-Богу князь-съ. „У насъ“, говоритъ, „кто десять барановъ имѣетъ — князь.“ Вотъ что-съ.

— Ну, это на Кавказѣ!.. успокоилъ я старика.

— Эхъ, сударь, все одно-съ. Гордость большую наши имѣютъ-съ. Вотъ хошь бы молодой князекъ, что у васъ науки происходитъ: вся дворня знаетъ, что Гаврилой крестили, а они все „Габріэль“ да „Габріэль“ — по-княжески!.. Хвастовство одно.

Кирилычъ снова плюнулъ.

— Вотъ, я вамъ доложу, какъ извощикъ... о Николѣ

это было, о зимнемъ.. Какъ извощикъ срѣзалъ нашего молодаго-то князя — страсть!.. Выходитъ, это, онъ съ подъѣзда и идетъ по панели. „Ваше сіятельство!.. извощика требуется?..“ спрашиваетъ извощикъ.—„А ты, говоритъ, почемъ знаешь, что я сіятельство?“ — „Помилуйте-съ, мы всякую шентрапу зовемъ „сіятельствомъ“, потому деликатность съ сѣдокомъ соблюдаемъ...“ Такъ даже до ушей покраснѣлъ нашъто.. Вотъ княжну ждутъ сейчасъ — та попростѣй будетъ, хоша тоже съ душкомъ...

Дѣйствительно, часа черезъ три, передъ самымъ обѣдомъ, я увидѣлъ изъ окна подкатившую на взмыленныхъ ямскихъ лошадяхъ запыленную коляску.

— Сестра пріѣхала, я пойду!... прогнусавилъ занимавшійся со мною Габріэль, откинувъ всторону Корнелія Непота и бросившись внизъ по винтообразной лѣстницѣ.

Княжну Нэлли буквально вынесли изъ коляски. Я не могъ въ подробности разсмотрѣть ея лица, но замѣтилъ все-таки, что оно представляетъ собою рѣзкій контрастъ съ рожей Габріэля. По прямому, античному профилю, чернымъ, какъ смоль, волосамъ и блѣдному, смуглому лицу, она скорѣе была похожа на мать, до-сихъ-поръ еще сохранившую слѣды очень не дюжинной красоты. И знаешь-ли, милый Павелъ Петровичъ: я почему-то внутренно обрадовался пріѣзду этого новаго, свѣжаго лица, хотя и не имѣлъ еще о немъ понятія. Такъ надоѣло мнѣ это ни чѣмъ непрерываемое, доходящее до безобразія, однообразіе, такъ пріѣлись эти казенныя физіономіи, что остановить взоръ на чемъ-нибудь новомъ показалось чрезвычайно отраднымъ. Даже лакей и горничная, пріѣхавшіе съ княжной и занявшіеся, послѣ ея выхода изъ коляски, разборкою и распаковкою чемодановъ, обратили на

себя мое вниманіе. Въ „Завихлячьи“ — новыя лица, слѣдственно новыя впечатлѣнія! Если-бы ты, дорогой мой Павелъ Петровичъ, былъ на моемъ мѣстѣ — тоже обрадовался-бы, обновился-бы нѣсколько.

Третьяго дня и весь вчерашній день я княжну не видѣлъ — причина, по которой до этой минуты не дописывалъ и не отсылалъ письма къ тебѣ. Во-первыхъ, слѣдуя твоей просьбѣ густо начинять свои письма, а во-вторыхъ выучась у Кирилыча сплетничать, я хочу въ подробности доносить тебѣ о томъ, что дѣлается въ „Широкихъ Ручьяхъ“. Не взыщи, поэтому, за вызванное тобою-же многословіе.

Теперь я могу сообщить тебѣ нѣкоторыя, хотя и очень поверхностныя, свѣдѣнія о моей княжнѣ. Я видѣлъ ее, говорилъ съ ней — и вотъ какъ это было.

Часовъ въ восемь утра (сегодня), выпивъ стаканъ чаю и закуривъ сигару, я вышелъ въ садъ. Это время почти единственное, въ которое я могу пошляться и помечтать наединѣ, потому что мой долговязый Габріэль встаетъ не ранѣе девяти часовъ. Пройдя всю главную аллею нашего сада, чуднаго, роскошнаго, далеко непохожаго на ваши подчищенные, дышащіе казенною наружностію, сады, я свернулъ на небольшую боковую аллею и ужъ хотѣлъ было сѣсть на дерновую скамью, уединенно пріютившуюся подъ кустами развѣсистой акаціи, какъ вдругъ...

Однимъ словомъ — я увидѣлъ княжну. Мы столкнулись съ ней въ тотъ самый моментъ, когда я подходилъ къ скамьѣ съ одной стороны, а она съ другой — оба съ намѣреніемъ сѣсть.

— Pardon!... проговорилъ я, нѣсколько смутясь и приподнявъ фуражку.

Извѣстная тебѣ застѣнчивость моя съ женщинами и, въ добавокъ, неожиданность встрѣчи поставили меня въ очень неловкое положеніе. Очень неграціозно расшаркавшись, я хотѣлъ уйдти, но княжна, пристально посмотрѣвъ на меня, мягкимъ, гармоничнымъ голосомъ произнесла:

— Вы... вы, кажется, учитель моего брата?... да?... Очень пріятно познакомиться.

И она протянула мнѣ хотя и не особенно маленькую, но стройную и бѣлую руку.

— Да, я еще въ Петербургѣ занимался нѣкоторое время съ вашимъ братомъ... Теперь сюда пріѣхали...

— Да, да, я знаю... Я прогостила нѣкоторое время у моей кузины... Я думаю, Габріэль часто сердитъ васъ... Онъ лѣнивъ, шалунъ...

— Молодъ еще — будетъ прилежнѣе... произнесъ я.

— О, едва-ли!... Я его очень люблю, но должна откровенно сказать, что, по моему мнѣнію, вамъ должно стоить многихъ трудовъ ладить съ его сибаритскими наклонностями!... Вообразите — и теперь еще спитъ!...

— Гм... Что-же дѣлать... Деревенскій воздухъ располагаетъ ко сну... Да, и, впрочемъ, такъ рано не предстоитъ надобности въ занятіяхъ... сказалъ я.

— Это такъ, но, согласитесь, спать до десяти почти часовъ... Я думаю...

Но нападки княжны Нэлли на моего Габріэля на этотъ разъ не оправдались: послѣднія слова ея были прерваны доносящимся съ террасы чрезвычайно дикимъ и гнусливымъ голосомъ моего питомца, горланившаго что было силы:

— Нэлли!... Нэлли!... Нэлли!...

— До свиданія, меня братъ зоветъ, произнесла княжна,

подавая мнѣ снова руку. — Съ дороги я была не совсѣмъ здорова и потому эти два дня не выходила изъ своей комнаты... Теперь мы будемъ съ вами видѣться часто... Au revoir!...

Привѣтливо кивнувъ мнѣ еще разъ головою, она быстро исчезла за кустами. Я долго слѣдилъ за бѣлѣвшимся между листьями платьемъ ея — слѣдилъ до-тѣхъ-поръ, пока она скрылось за колоннами террасы.

Прощай, голубчикъ Павелъ Петровичъ. Я такъ увлекаюсь въ письмахъ къ тебѣ, такъ засыпаю тебя, отъ бездѣлья и скуки, мельчайшими подробностями моей отшельнической жизни, что, вѣроятно, надоѣлъ моему бѣдному столичному жителю. Прости.

А все-таки не могу не прибавить, что Нэлли произвела на меня хорошее впечатлѣніе. Правда, она вовсе не въ такой степени хороша, какъ мнѣ показалось въ моментъ ея пріѣзда, но, тѣмъ не менѣе, не назвать ее красивой дѣвушкой было-бы безбожно и изобличало-бы во мнѣ очень плохаго цѣнителя изящнаго. Впрочемъ, ея красота до такой степени своеобразна, типична, что не произнести полныхъ разногласія приговоровъ надъ ней могутъ только люди совершенно единомыслящіе, люди одного вкуса. По-моему — она очень хороша. Представь себѣ совершенно смуглое, почти черное лицо, прямой, прекрасно очерченный тонкій носъ, черные какъ смоль волосы и большіе темноголубые глаза, смотрящіе изъподъ нависшихъ рѣсницъ такъ, что любой лапландецъ растаялъ-бы вмѣстѣ со своею Лапландіею.

Прощай, милый Павелъ Петровичъ. Пиши, пожалуйста, скорѣе.

Твой Н. Б.

Письмо 3.

Іюня 14, «Широкіе Ручьи».

Никогда еще я не радовался такъ твоему письму, какъ сегодня, дорогой Павелъ Петровичъ, потому что никогда не нуждался еще такъ въ совѣтѣ, какъ нуждаюсь теперь. Ты такъ терпѣливъ и любезенъ, что не только не претендуешь на излишекъ подробностей въ моихъ письмахъ, но требуешь ихъ еще больше. Душевно радъ, тѣмъ болѣе, что, со времени отсылки тебѣ послѣдняго письма, я переиспыталъ Богъ знаетъ что. Я уже не скучаю, меня уже не заѣдаетъ однообразіе жизни — нѣтъ!... Я, напротивъ, не выѣхалъ-бы теперь изъ Завихлячья ни за что и не оставлю его до-тѣхъ-поръ, пока... пока ты не дашь мнѣ совѣта что дѣлать.

— Эге!... ужь не влюбился-ли мой домашній менторъ въ свою пламенноокую княжну?...“ подумаешь, вѣроятно, ты.

Нѣтъ, не то, но, тѣмъ не менѣе, близко къ этому. Вотъ въ чемъ дѣло, милый мой Павелъ Петровичъ. Читай, суди и дай совѣтъ.

Начну съ того, что, разумѣется, никому не сталъ-бы разсказывать вещей, которыя разскажу сейчасъ тебѣ — не сталъ-бы разсказывать изъ боязни быть заподозрѣннымъ въ хвастовствѣ. Но ты знаешь меня, надѣюсь, — знаешь, что роль фата и хвастуна вовсе не гармонируетъ съ образомъ моихъ мыслей и наклонностями.

Но — ближе къ дѣлу. Нэлли нашла во мнѣ идеалъ свой...

Какъ и почему это случилось — понять не могу. Зная свою наружность, я принималъ сначала и эти вздохи, и эти страстные, жгучіе взгляды, и далеко не тонкіе намеки за самое оскорбительное для меня, неподававшаго повода, кокетство; но часъ за часомъ и день за днемъ увѣряли меня и, нако-

нецъ, увѣрили, что это истинная и серьезная страсть, милый мой Павелъ Петровичъ!... Дай, прошу тебя, совѣтъ!... Для меня эта дѣвушка — огонь, не играть съ которымъ силъ нѣтъ, а играть — опасно: она въ состояніи далеко зайдти. Это не изъ тѣхъ петербурго-нѣмецкихъ натуръ, которыя могутъ продовольствоваться сидѣніемъ рука-объ-руку подъ тѣнью жиденькой акаціи и телячьи-томнымъ смотрѣніемъ въ очи своего идеала — нѣтъ! Это — страсть, огонь, это энергическая натура, способная забыть все на свѣтѣ, необращающая ни на что вниманія. Я-же — я человѣкъ: не чувствуя къ ней ничего особеннаго, я, въ тоже время, не могу выстоять подъ этими жгучими, пронизывающими насквозь взглядами любящей женщины... Что дѣлать?...

Съ минуты на минуту, глядя на часы, жду отвѣта и совѣта. Твой Н. Б.

Письмо 4.

«Широкіе Ручьи», іюня 24-го.

Ты даешь совѣтъ — „быть благоразумнымъ“. Ледяной человѣкъ! Понимаешь-ли ты, что со дня отправленія послѣдняго письма прошло десять дней, и что дѣвушка, съ которой мы играемъ въ опасную игру — Нэлли, а не другая женщина... Понимаешь-ли ты, что я съ ума схожу — понимаешь-ли, что день отправленія письма къ тебѣ былъ для меня днемъ новой пытки — днемъ полученія отъ Нелли записки такого содержанія: „Любите меня хоть сотую долю того, какъ я васъ люблю — иначе я съума сойду?...“ Что мнѣ дѣлать?... Я притворялся дня два, показывая видъ, что не получалъ никакой записки. Я избѣгалъ встрѣчи съ бѣдной дѣвушкой, но, наконецъ... встрѣтился... Она подала мнѣ руку, прожгла насквозь своимъ взглядомъ, но въ это время изъ сосѣдней

аллеи показался старый князь. Нэлли въ смущеніи быстро свернула къ террасѣ. Князь, ничего не подозрѣвая, подалъ мнѣ два пальца лѣвой руки и сталъ, по обыкновенію, душить подробностями своей родословной.

Вотъ въ какомъ положеніи дѣла мои, дорогой Павелъ Петровичъ, а ты пишешь — „будь благоразуменъ!“

Твой Н. Б.

Письмо 5.

«Широкіе Ручьи», іюля 2, 2 часа ночи.

Сейчасъ какъ безумный, какъ съ умасшедшій прибѣжалъ я изъ сада въ свою комнату... Все кончено, Павелъ Петровичъ, можешь презирать меня. Не смотря на ужасное состояніе духа, я сейчасъ-же отсылаю съ этимъ короткимъ письмомъ къ тебѣ нарочнаго въ городъ. Въ полученномъ мною вчера письмѣ твоемъ, ты стараешься уяснить мнѣ смыслъ совѣта твоего быть благоразумнымъ. Ты желаешь мнѣ не забыть долгъ честнаго человѣка, не зайдти слишкомъ далеко. Поздно, Павелъ Петровичъ! Вотъ что произошло часа два назадъ, въ 11 часовъ вечера:

Я сидѣлъ въ самой отдаленной и уединенной бесѣдкѣ нашего громаднаго сада, предавшись мечтаніямъ о возвращеніи въ Петербургъ, какъ о единственномъ выходѣ изъ моего щекотливаго положенія. Меня страшила мысль оставаться долѣе въ „Широкихъ Ручьяхъ“. Страстная натура Нэлли дѣлала для меня это невозможнымъ; ея экзальтированность наэлектризовывала меня иногда до такой степени, что я готовъ былъ признать себя влюбленнымъ. А тутъ вдругъ передъ глазами проносился образъ Марьи Степановны, поджидающей августа. Я закрылъ глаза и въ полузабытьи отодвинулся на спинку дивана.

Вдругъ за бесѣдкою послышался шелестъ, промелькнуло что-то бѣлое и... княжна Нэлли упала ко мнѣ на грудь.

Хотя темнота была непроницаемая, но я узналъ безумную дѣвушку.

— Что вы, что вы, княжна... что вы... лепеталъ я въ смущеніи и дрожащимъ голосомъ.

— Мой... мой милый... Возьми жизнь мою... О, какъ я люблю тебя, произносила она, покрывая лице мое страстными поцѣлуями. Грудь ея тяжело вздымалась, щеки были увлажены слезами.

Не знаю, что со мною сдѣлалось — я упалъ передъ нею на колѣни и, какъ безумный, сталъ цѣловать ея руки, грудь и щеки.

Полуночная тьма стояла надъ нами. Мы забыли все на свѣтѣ...

Когда пришло ко мнѣ сознаніе — я бросился изъ бесѣдки и, пробѣжавъ темный садъ, тихо, какъ воръ, пробрался въ свою комнату.

Я жду утра, чтобы увидѣть Нэлли. Скажи Марьѣ Степановнѣ мое „прости“. Я долженъ искупить свой поступокъ, чтобы не презирать себя. Твой Н. Б.

Письмо 6.

«Станція Пыряево», на другой день.

Милый Павелъ Петровичъ! Я пишу тебѣ съ третьей станціи отъ „Широкихъ Ручьевъ“. Черезъ пять сутокъ мы съ тобой обнимемся — качу въ Питеръ. Намотай уши на макушку, слушай и дивись. Вотъ что случилось:

Отправивъ сегодня ночью къ тебѣ письмо, я остался въ ужасномъ положеніи. Угрызенія совѣсти меня мучили. Я рѣ-

шился, — я ждалъ только утра, чтобы доказать бѣдной дѣвушкѣ свою честность.

Утро, чудное утро настало наконецъ. Я увѣренъ былъ, что моей Нэлли не до сна и что я встрѣчу ее въ саду. Ожиданія не обманули меня: едва я прошелъ всю главную аллею, какъ увидѣлъ издали Нэлли. Она быстро пошла мнѣ на встрѣчу и, взявъ за обѣ руки, безъ малѣйшаго смущенія проговорила:

— Милый мой... я долго ждала тебя.

Мы сѣли. Я взялъ ее тихо за руку и дрожащимъ голосомъ произнесъ:

— Нэлли... Вы меня любите — я это знаю. Вы доказали это.

— Говори мнѣ „ты“, перебила Нэлли.

Я съ чувствомъ пожалъ ея руку и продолжалъ волнующимся голосомъ:

— Нэлли... Я цѣню любовь твою и хочу доказать, что я честный человѣкъ...

— Ну... какъ-то странно произнесла она. Грудь ея вдругъ высоко поднялась.

— Я хочу загладить нашу общую забывчивость... Если-бы даже пришлось и безъ согласія, тайно... Будь моею женою...

Какъ тигрица, ужаленная змѣею, отскочила отъ меня Нэлли. Глаза ея налились кровью и вышли изъ орбитъ. Губы дружали.

— Какъ?... И ты... и вы... осмѣлились мнѣ... княжнѣ... мнѣ дѣлать... дѣлать предложеніе?!...

Я стоялъ ошеломленный, не вѣря ни глазамъ, ни ушамъ своимъ. Нэлли дрожала.

— Я полагалъ... началъ-было я, какъ-то глупо переминаясь съ ноги на ногу.

— Ха-ха-ха!... Какой-нибудь разночинецъ... учителишка... Ха, ха, ха!... Дерзкій...

Я бросился бѣжать какъ съ умасшедшій. Долго еще раздавались за мной эти „ха, ха, ха“ оскорбленной аристократки, но я скоро, не сдѣлавъ даже разсчетовъ съ мамашей Габріэля, мчался вдоль по питерской...

Жди меня къ пятницѣ вечеромъ, милый Павелъ Петровичъ. Кланяйся Марьѣ Степановнѣ, скажи, что мчусь. Да не забудь послать Андріяна своего за полудюжинкой клико: надо выпить намъ за здоровье княжны Нэлли.

Твой Н. Б.

МИЛЫЕ ШАЛУНЫ.

Часъ шестой вечера. Въ довольно комфортабельно обстановленной, хотя и не совершенно опрятно содержимой квартиркѣ, за большимъ раздвижнымъ столомъ, густо уставленнымъ бутылками и заваленнымъ бумагами, сидятъ человѣкъ шесть прилично одѣтыхъ молодыхъ людей. Одинъ изъ нихъ, повидимому хозяинъ, встаетъ съ кресла, запахиваетъ полы халата, комично откашливается и произноситъ:

„Милостивые государи! Теперь, обозрѣвъ дѣятельность Общества нашего за послѣднее полугодіе, я считаю своею нравственною обязанностію выразить вамъ глубокую признательность за благотворную дѣятельность вашу на избранномъ вами пути. Позвольте мнѣ, въ качествѣ предсѣдателя, предложить тостъ за преуспѣяніе нашего Общества и долголѣтіе благородныхъ членовъ его...“

— Урра! урра!.. урррра-а!.. раздаются крики. Всѣ чокаются.

„Всѣ усилія наши“, продолжаетъ ораторъ, „были направлены на служеніе обществу и, смѣло можно сказать, само общество не относилось равнодушно къ нашей дѣятельности. Она, эта дѣятельность, не осталась забытою даже и прессой, неустанно слѣдившей за болѣе крупными проявленіями ея. Такъ, напримѣръ, геройство нѣсколькихъ благородныхъ сочле-

новъ нашихъ, замѣченное публикою въ Строгановомъ саду, было опубликовано во всѣхъ газетахъ и вѣсть объ немъ облетѣла самые отдаленнѣйшіе уголки нашего обширнаго отечества. Если прибавить къ этому, что девизъ нашъ—скромность, и что мы избѣгаемъ опопуляризированія именъ нашихъ, то будетъ понятно, что мы полны самаго благороднаго самоотверженія".

— Браво!.. браво!..

„Особенно плодотворнымъ по дѣятельности—какъ вы можете, милостивые государи, судить по читанному сейчасъ г. секретаремъ отчету — оказывается нынѣшній мѣсяцъ. Болѣе тридцати блистательнѣйшихъ проектовъ, хотя и не вполнѣ еще обработанныхъ, представлены, въ видѣ посильныхъ лептъ, въ общую сокровищницу и, рано или поздно, приведутся въ исполненіе. Г. секретарь! доложите Обществу содержаніе новопоступившихъ и одобренныхъ общимъ собраніемъ проектовъ!.."

Секретарь, молодой юноша лѣтъ двадцати двухъ-трехъ, поправляетъ плотно-охватывающій его носъ pince-nez, беретъ какую-то бумагу, крякаетъ и, принявъ комично-серьезный видъ, громкимъ голосомъ читаетъ:

„1) Проектъ приведенія гг. чиновниковъ въ безсознательное состояніе посредствомъ очищенной водки и разрисовыванія носовъ и прочихъ частей ихъ нѣжнаго тѣла скоровысыхающею масляною краскою Кюна или ляписомъ..."

— Браво!.. къ исполненію!.. слышится вокругъ.

„2) Проектъ о переклейкѣ билетовъ объ отдачѣ квартиръ съ одного дома на другой, дабы приводить ищущихъ квартиры, въ пріятное недоумѣніе и заставить дѣлать полезный маціонъ по лѣстницамъ пятыхъ и шестыхъ этажей..."

— Къ исполненію!..

„3) Проектъ разсыпанія по полу танцовальнаго зала Марцинкевича березинскаго табаку и мелкотолченаго перцу, какъ средствъ приведенія танцующихъ дамъ въ экзальтированное состояніе...“

„4) Проектъ разсылки анонимныхъ любовныхъ писемъ, съ назначеніемъ въ нихъ свиданій — на морозѣ, въ грязи или въ неблагоухающихъ мѣстностяхъ“.

„5) Проектъ...“ и т. д. и т. д.

Докладъ продолжается долго.

„Но что-же это такое?..“ спроситъ читатель.

А это, изволите-ли видѣть, Общество санктпетербургскихъ шелопаевъ, какъ оно и само величаетъ себя. Дюжина развеселыхъ юныхъ созданій, *продолжающихъ*, на папашины или мамашины денежки, воспитаніе ума и сердца въ столицѣ, группируются, подъ видомъ благочестія, вокругъ самаго развеселаго изъ всей среды своей и, вмѣсто прохожденія юридическихъ, военныхъ, философскихъ и иныхъ прочихъ головоломныхъ наукъ, предаются ничегонедѣланію. Это ничегонедѣланіе не слѣдуетъ, впрочемъ, сравнивать съ тѣмъ невозмутимымъ dolce far niente, которымъ пробавляется какой-нибудь лѣнтяй Гидальго или Лацарони, полагающій всю сладость и суть жизни въ жраньѣ макароновъ и дремотѣ подъ звуки баркароллы. Нѣтъ-съ! ничегонедѣланіе моихъ милыхъ героевъ можно бы скорѣе назвать бездѣльною дѣятельностію, и дѣятельностію, кромѣ того, самою кипучею, самою оживленною. День ихъ проходитъ въ усиленномъ измышленіи разнаго рода проектовъ, а ночь—въ приведеніи оныхъ въ исполненіе. Если вашъ знакомый получитъ письмо мистифирующаго содержанія, извѣщающее его, напримѣръ, о полученіи имъ небывалаго наслѣдства или о небывалой смерти его друга—это, повѣрьте,

дѣло моихъ героевъ; если вы прочтете въ „Полицейск. Вѣдом.“ объявленіе о продажѣ кобылы отличныхъ статей и, преисполнившись жаждою пріобрѣтенія движимой собственности, не найдете даже улицы и дома, въ которыхъ оная кобыла продается—знайте, что надъ вами мило подшутили тѣ же вѣчно веселые, вѣчно изобрѣтательные юноши; если, наконецъ, вы услышите о какихъ-нибудь особенно игривыхъ шалостяхъ, учиненныхъ кѣмъ-нибудь на Невскомъ, въ театрѣ, въ циркѣ, или вообще въ какомъ-либо публичномъ мѣстѣ, то повѣрьте. эти „кто-нибудь“—мои милые шалуны, проявляющіе свою развеселую дѣятельность всюду. Можетъ быть, есть не мало и отдѣльныхъ веселаго нрава личностей, любящихъ, какъ и мои герои, веселое время препровожденіе, можетъ быть существуютъ и цѣлыя корпораціи таковыхъ милѣйшихъ весельчаковъ, но мое правило—говорить только о томъ, что я знаю, а потому я и хочу повѣдать міру исключительно только о моихъ забавникахъ, уже болѣе года составившихъ довольно хорошо организованное Общество и измышляющихъ уму непостижимыя развлеченія. Умѣнье „жить и веселиться“—великое умѣнье: мои герои заслуживаютъ полнѣйшаго вниманія моихъ образованныхъ читателей...

— Ха, ха, ха, ха!.. ха, ха, ха!.. Го, го, го, го!..

Читатель, разумѣется, угадываетъ, что мы въ квартирѣ моихъ героевъ—обители вѣчнаго смѣха.

— Ну, Базиль, ловко же ты отдѣлалъ этого нѣмчика!.. Ха, ха, ха!.. Хоть ты и новичекъ еще въ нашей компаніи, а заявляешь себя хоть куда!..

— Браво!.. Бра-аво!.. раздается нѣсколько голосовъ.

— Милорды!.. сегодняшній вечеръ долженъ быть посвященъ, по моему мнѣнію, пришиванію извощиковъ къ подуш-

камъ козелъ. Жертвами этого злодѣянія должно сдѣлаться minimum двадцать пять индивидуумовъ... предлагаетъ юный нижній чинъ, будущій милашка корнетъ, поглаживая верхнюю губу, хотя на ней никогда ничевымъ-ничего не произрастало.

— Нѣтъ!.. нѣтъ!.. лучше займемся усовершенствованіемъ menu въ греческихъ кухмистерскихъ. У нихъ порціонныя карточки составляются очень небрежно.

— Браво!.. браво!..

Предложеніе принято. Черезъ полчаса мои герои въ Малой Морской, въ греческой кухмистерской.

— Циво нада кусать? мрачно спрашиваетъ угрюмый пожилой грекъ.

— А что есть?..

— Вся есть. Сци свѣзи съ капустамъ, соусъ грецискій, макарони сиромъ, битокъ изъ гороскомъ, зрази съ касей... еще мрачнѣе и какъ будто съ ненавистью ничинаетъ перебирать грекъ.

— Ну, мы сами выберемъ... Дайте намъ пока громаднѣйшихъ размѣровъ графинъ очищенной... съ приличной нашему званію закуской... да карточку дайте...

Подаютъ нѣсколько порціонныхъ картъ. Выпивая и закусывая, нѣкоторые изъ героевъ моихъ таинственно вынимаютъ изъ кармановъ карандашики.

— Супъ консомэ... съ чѣмъ писать?.. тихо спрашиваетъ одинъ.

— Пиши: съ лягушками.

— Браво!.. Дальше: гусь съ...

— Валяй: „съ антоновымъ огнемъ“.

— Греческій пилавъ...

— Съ тараканами.

И такъ далѣе. Черезъ пять минутъ порціонныя карты изображаютъ слѣдующее:

Супъ консомэ съ лягушками	10 к.
Говядина-à la хозяинъ дуракъ . . .	15 —
Зразы съ кишками Командоруса . . .	15 —
Греческій пилавъ съ тараканами . . .	15 —
Гусь съ антоновымъ огнемъ	20 —
Бивштексъ изъ старой подошвы . . .	25 —
Винигретъ съ клопами	15 —
Маіонезъ изъ дохлой кошки	15 —
Пирожки изъ Гуано	3 —
Чаю стаканъ, со ждановской жидкостью.	5 —

И такъ далѣе, и такъ далѣе — до совершенно нецензурныхъ названій соусовъ, гарнировъ и подливокъ.

Расплатившись, мои герои выходятъ изъ кухмистерской. Пожилой и угрюмый грекъ, не подозрѣвая учиненныхъ благородными юношами пакостей, довольно нѣжно провожаетъ ихъ глазами и даже приговариваетъ вслѣдъ:

— Зайдите поцасце, у насъ кусанья всегда самы свѣзи...

— Браво!.. браво!.. голосятъ мои веселые герои, выйдя на улицу.

— Ха, ха, ха!.. Что-бы еще сегодня устроить?..

— А вотъ что, господа. Милый Алексисъ! видишь-ли ты, при свѣтѣ тускло-мерцающаго фонаря, эту роскошную двухмѣстную карету, что стоитъ вонъ у того подъѣзда?..

— Ну?.. спрашиваетъ Алексисъ, одинъ изъ отважнѣйшихъ членовъ веселаго Общества.

— Видишь-ли ты брадатое существо, сидящее на козлахъ

и сомкнувшее свои вѣжды во ожиданіи выхода разодѣтой въ шелки и бархатъ прекрасной госпожи своей?..

— Вижу, милорды.

— Не правда-ли, онъ предался, послѣ тяжкихъ дневныхъ трудовъ, безмятежному сну?..

— Да, милорды, онъ дрыхнетъ.

— И такъ... соверши злодѣяніе.

— Съ восторгомъ.

И отважный Алексисъ, оставивъ на углу улицы сотоварищей, какъ тать крадется къ каретѣ, тихо отворяетъ дверцы, влезаетъ во внутрь и еще тише запирается. Проходитъ минуты полторы—дверцы снова тихо отворяются и торжествующій Алексисъ, дорогою приводя въ порядокъ туалетъ, съ сіяющимъ лицемъ предстаетъ передъ друзьями.

— Браво!.. Слѣды этого ужаснаго преступленія скрыты!..

— Ура!.. двадцать пять Лекоковъ не откроютъ злоумышленника!.. Но только одной жертвы мало. Я разохотился и готовъ устроить этотъ пассажъ съ бодрствующимъ... Но только кто-нибудь изъ васъ долженъ развлекать его во время совершенія злодѣянія пріятными разговорами, говоритъ Алексисъ.— Вотъ хоть ты, Пьеръ, отвлеки вниманіе...

— Хорошо.

И вотъ, къ одиноко-стоящей у одного изъ домовъ Моховой каретѣ подходитъ Пьеръ.

— Чьи это, голубчикъ, лошади?.. спрашиваетъ онъ у кучера.

— Купца Толстопузова.

— Гм... Самого привезъ?..

— Нѣту-ти, сама пріѣхала —Толстопузова, значитъ.

— Д-да-а... Папиросочку хочешь?..

— Коли милость ваша будетъ...

— На, покури... Скучно, вѣдь, сидѣть-то? а?..

— Да, скучненько... Бываетъ, соснешь даже.

— Многіе спятъ кучера, а только опасно. Влезетъ ещё пожалуй, какой-нибудь негодяй въ карету — ну, и непріятность. Особенно если послѣ сытнаго обѣда...

— Хе, хе, хе!.. Это точно что дѣлаютъ съ нашимъ братомъ. Вонъ тоже о прошлой недѣлѣ — кучеръ знакомый сказывалъ — къ нему, въ карету, влезла шельма какая-то... Смѣху было!.. барыня, это, выходитъ, влезаетъ въ карету, а тутъ — на-поди!..

— Ай-ай-ай!.. покачивая головой съ соболѣзнованіемъ говоритъ Пьеръ. — И какъ это рѣшаются на такія шутки!.. Это низость!..

Въ это время съ другой стороны кареты тихо-тихо отворяется дверца и скрываетъ за собой отважнаго Алексиса...

— Да, ужь надорвали мы животики, смѣючись, продолжаетъ кучеръ. — Ну, какъ же не дуракъ?.. Коли ты, примѣрно, сидишь на козлахъ — должонъ оглядываться, а то что хорошаго какъ эдакую, что ни есть мерзкую штуку тебѣ устроятъ?.. Первое отъ мѣста откажутъ, а второе — къ мировому, пожалуй, потянутъ, потому этакихъ дѣловъ позволять нельзя...

— Да, да...

Въ это мгновеніе Алексисъ осторожно вылезаетъ изъ кареты и торопливо удаляется.

— Ну, прощай голубчикъ... Не поминай лихомъ... говоритъ кучеру Пьеръ.

— Счастливо оставаться, баринъ. За угощеніе благодаримъ-съ...

— Э, милый, что за счеты!.. Чѣмъ богаты, тѣмъ и рады!..

Пріятели соединяются и предаются самому неистовому восторгу.

Да и какъ не восторгаться?.. Стоитъ только представить себѣ умиленіе купчихи Толстопузовой и дѣтское замѣшательство кучера...

— Алексисъ!.. ты геніаленъ!.. ты великъ сегодня!.. восторженно восклицаютъ мои герои.

— Я самъ сознаю это, милорды, и еще больше постараюсь утвердить васъ въ этомъ лестномъ для меня мнѣніи. Посмотрите, какъ я поѣду вдругъ и въ разныя стороны на двадцати извощикахъ...

И Алексисъ зычнымъ голосомъ кричитъ:

— Извощикъ!!.

Съ громомъ и шумомъ подъѣзжаютъ нѣсколько Ванекъ.

— Въ Коломну, къ Покрову!.. торгуется Алексисъ.

— Сорокъ копѣечекъ!.. Останетесь довольны!

— Тридцать, но только ѣхать какъ можно скорѣе!..

— Пожалуйте!.. Со мной!.. со мной!..

Алексисъ вспрыгиваетъ на пролетку.

— Пошелъ живѣй!..

Горемыка-Ванька, путемъ нещаднаго хлестанія горемыки клячи, мгновенно обращается въ лихача. Пролетка быстро катится по торцевой мостовой, но увы!.. къ великому восхищенію другихъ извощиковъ, Алексисъ съ необыкновенною ловкостію заноситъ лѣвую ногу назадъ, на заднюю ось пролетки, и въ одно мгновеніе ока очутясь на гладкой торцевой мостовой, съ тріумфомъ возвращается къ пріятелямъ. Бѣдняга Ванька, заручась даннымъ сѣдоку обѣщаніемъ ѣхать скоро, немилосердно хлещетъ клячу, воображая, что сзади

все обстоитъ благополучно. Даже громкій смѣхъ встрѣчающихся прохожихъ не разрушаетъ его иллюзіи.

— Ха, ха, ха!.. А гдѣ сѣдокъ-то?!.. кричатъ мимоѣдущіе извощики.—Сѣдока потерялъ, желтоглазый чортъ!..

— Извощикъ!.. благимъ матомъ кричитъ снова Алексисъ.

Какой-то выѣзжающій изъ за угла Ванюха, не видѣвшій происшедшей сцены, съ тихою радостію во взорѣ предлагаетъ себя къ услугамъ коварнаго юноши.

— Къ Симеонію!..

— 25 копѣечекъ.

— Двугривенный, только живо пошелъ!..

— Пожалуйте.

Алексисъ садится — и чахлая кобыленка въ припрыжку пускается въ указываемый Ванькою путь.

Проѣхавъ саженей десятокъ, коварный Алексисъ съ ловкостію почти клоуна соскакиваетъ съ пролетки. Ванюха, ничего не подозрѣвая, продолжаетъ везти пролетку къ Симеонію.

Такимъ образомъ коварнѣйшій изъ юношей откомандировываетъ въ разные концы столицы десятка полтора извощиковъ. Мчатся бѣдняги, не подозрѣвая, что труды ихъ совершенно напрасны.

— Господа!.. теперь самое удобное время привести въ исполненіе давно задуманный нами планъ заключенія обитателей какого-нибудь большаго дома подъ строгій арестъ, предлагаетъ Жанъ Пустолобовъ, одинъ изъ членовъ милаго Общества милыхъ шалуновъ.

— Браво!... Идемъ въ желѣзную лавку...

Пріятели заходятъ въ желѣзную лавку, покупаютъ дюжину замковъ и направляются къ большому пятиэтажному дому, въ которомъ живетъ одинъ ихъ общій знакомый.

— Господа!.. всѣ квартиры по этой лѣстницѣ имѣютъ по одному ходу. Благоразумный домовладѣлецъ, какъ бы предвидя нашъ замыселъ, ввинтилъ во всѣ двери очень прочныя кольца, такъ что много намъ трудиться не прійдется.

Идя по лѣстницѣ, милые шалуны запираютъ на замокъ квартиры всѣхъ этажей и тихо сходятъ во дворъ. Черезъ нѣсколько времени форточекъ изъ десяти высовываются головы.

— Дворникъ!.. дворникъ!.. орутъ арестованные жильцы.

Вскорѣ суматоха дѣлается страшная. Визгъ, пискъ, ругательства раздаются по всему двору. А милые шалуны, пользуясь темнотою, стоятъ въ воротахъ и не чуютъ подъ собой ногъ отъ восторга... Наконецъ, насладившись, они выходятъ на улицу.

— А куда мнѣ, милый человѣкъ, пройдти на Николаевскую?.. спрашиваетъ у одного изъ пріятелей какая-то старушка.

— На Николаевскую?.. А вотъ, тетенька, ступай прямо. Выйдешь къ Лѣтнему саду — черезъ мостъ. Тамъ спросишь Каменноостровскій проспектъ — ну, тамъ и будетъ Николаевская.

— Благодарю, кормилецъ.

И старушка, увѣровавъ въ правоту рѣчей милаго шалуна, направляется въ противоположную отъ Николаевской сторону. Милые шалуны ликуютъ...

Если бы не наступилъ адмиральскій часъ, т. е. время, въ которое обыкновенно благоразумные люди закусываютъ, то я почелъ бы пріятнѣйшею обязанностію своею поразсказать читателю кое-что еще о моихъ милыхъ шалунахъ. Теперь же я оставляю это до болѣе удобнаго случая.

ТЕРНИСТЫЙ ПУТЬ.

ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ ГУВЕРНАНТКИ СЪ ПОДРУГОЙ.

Письмо первое.

Сельцо Черезполосье, августа 26-го, 18** г.

„Здравствуй, моя дорогая, милая, но лѣнивая Зина! Право, дождаться отъ тебя вѣсточки — то-же, что нынѣшнею осенью дождаться свѣтлаго денечка, по-крайней-мѣрѣ у насъ, въ нашемъ далекомъ захолустьѣ. Вообрази, что болѣе двухъ недѣль я и не заглядывала въ садъ — единственное мѣсто, гдѣ можно, какъ говаривалъ нашъ незабвенный monsieur Krasnobaieff, уйдти въ себя, сосредоточиться, помечтать. Дождь, дождь и дождь!... Казалось-бы, пора небу выплакать всѣ свои слезы и проясниться — такъ нѣтъ: что ни день, что ни часъ — лужи все больше и больше покрываютъ собою аллеи, а черныя тучи все сильнѣе обволакиваютъ небосклонъ. И на душѣ, поэтому, какая-то слякоть, извини за вульгарность выраженія. По-крайней-мѣрѣ на меня эта непроглядная тьма, это вѣчно хмурящееся небо и этотъ безпеременный дождь производятъ чрезвычайно грустное и тяжелое впечатлѣніе. Повѣришь-ли — плакать иногда хочется. А тутъ еще твое невеселое письмо, въ которомъ ты такими мрачными красками

рисуешь свое настоящее — просто хоть съ ума сойти, такъ въ ту-же пору!...

„И что это за странная, непонятная, безпричинная хандра овладѣла тобою, моя милая мечтательница? Откуда это недовольство жизнію, это раннее разочарованіе и апатія, въ послѣдній годъ овладѣвшія тобою? Признаюсь, для меня все это совершенно непонятно. И чѣмъ ты мотивируешь свои жалобы на судьбу? Во первыхъ, ты если и не богата, то совершенно обезпечена и живешь въ такомъ довольствѣ, которому позавидовали-бы многія изъ нашихъ общихъ подругъ, обреченныхъ на добываніе куска хлѣба путемъ обязательнаго тяжелаго труда. Это, глядя съ практической точки зрѣнія, самое главное. Потомъ ты сама говоришь, что грѣхъ было-бы назвать твоего *добраго* (твое выраженіе) мужа дурнымъ человѣкомъ. Малютка дочь твоя — прелестное кудрявое созданьице, какъ двѣ капли воды похожее на свою красавицу-мать, — чего-же тебѣ не достаетъ? Перечитывая въ двадцатый разъ твои странныя, полныя противорѣчій письма, я, право, сильно недоумѣваю. Всѣ эти ахи и охи, всѣ эти неопредѣленныя стремленія „dahin“ — меня, увѣряю тебя, даже бѣсятъ. Какой тутъ „dahin“, если ты положительно, по моему, счастлива и только сама стараешься обманывать себя, создавая въ пылкомъ воображеніи своемъ призраки мнимыхъ бѣдъ и горестей? Если и дѣйствительно твой мужъ, какъ ты пишешь, „оскорбительно холоденъ“ въ отношеніи къ тебѣ, то это свойство натуры, не болѣе. Отсутствіе юношеской пылкости и сантиментальности въ человѣкѣ серьезномъ, пожиломъ и вѣчно занятомъ дѣлами не можетъ, мнѣ кажется, считаться окорбительнымъ. А ты между тѣмъ стараешься, по свойственному тебѣ самолюбію, дѣлать изъ мухи слона и доходить въ этомъ

отношеніи до положительнаго абсурда. Ты говоришь, напримѣръ, что обидная невнимательность и холодность твоего мужа заставляютъ тебя считать себя въ его домѣ лишнею, что роль твоя, поэтому, унизительна и что ты завидуешь подругамъ, на долю которыхъ выпали „независимость и самостоятельный трудъ.“

„Зина, Зина!... Позволь мнѣ, какъ одной изъ представительницъ такъ называемаго „независимаго и самостоятельнаго труда“, разочаровать тебя. Семилѣтній горькій опытъ доказалъ мнѣ, что какъ ни сладко поется у насъ обыкновенно о прелестяхъ этого труда — жутко иногда приходится обреченнымъ на него. Гувернантство, разумѣется, главнѣйшій и самый обыкновенный видъ женскаго труда, — объ немъ-то я и хочу поговорить съ тобой подробнѣе обыкновеннаго, не ограничиваясь фразами: „Живу у такихъ-то“, „получаю столько-то“, „учу столькихъ-то“. Моя компетентность, я полагаю, въ твоихъ глазахъ не подвержена ни малѣйшему сомнѣнію: ты знаешь, что въ продолженіи цѣлыхъ семи лѣтъ я содержу себя собственнымъ трудомъ и что къ профессіи своей всегда относилась серьезно и честно.

„Начну съ того, милая Зина, что „славны бубны за горами“ и что невозможно себѣ представить что-нибудь зависимѣе и несамостоятельнѣе этого независимаго и самостоятельнаго труда. Хлѣбъ гувернантки уже потому горекъ, что онъ — чужой хлѣбъ. Ты скажешь, что въ наше время на гувернантку смотрятъ уже не тѣми глазами, какими смотрѣли на нее лѣтъ двадцать назадъ, что ее не третируютъ уже на каждомъ шагу, не колятъ глаза оказываемыми ей благодѣяніями... Неправда, все это бываетъ и теперь, только, разумѣется, въ другой, болѣе галантерейной и, по моему, болѣе

невыносимой формѣ. Скажи, что легче вынести: глупый-ли и выраженный въ самой дубовой, грубой формѣ упрекъ невѣжды-купчины, говорящаго гувернанткѣ: „Ты, матушка, не даромъ харчи ѣшь“, или тонкій, язвительный намекъ галантной барыни, облекающей свой нелѣпобезсмысленный упрекъ въ сладкостелящую форму...

— Я думаю, mademoiselle, что... что вы, такъ сказать... что вы не обижены нами... За столомъ вы вмѣстѣ *съ нами... Наши* дочери держать себя въ отношеніи къ вамъ, можно сказать, подругами... Вы у насъ какъ родная... какъ *равная намъ*...

„Современная гувернантка не гарантирована отъ частаго выслушиванія фразъ такого рода, а иногда еще и почище. Если взять въ соображеніе, что въ большинствѣ случаевъ она стоитъ по развитію если не выше, то никакъ не ниже окружающей ее среды, и что хлѣбъ, который она ѣстъ, не падаетъ на нее съ небесъ въ видѣ манны, а заработывается тяжкимъ и честнымъ трудомъ, то невольно спросишь себя: за что ея жизненный путь въ такой степени тернистъ?

„Я знаю, ты обвинишь меня, дорогая Зина, въ страшной гиперболѣ и заподозришь въ преднамѣренномъ желаніи *нарочно* представлять тебѣ положеніе трудящейся женщины въ самомъ неблагопріятномъ свѣтѣ, чтобы окончательно разочаровать тебя. Нѣтъ, Зина, это не такъ, хотя я легко повѣрю твоему невѣрію. Тебѣ, живущей вѣкъ въ городѣ порядка и цивилизаціи, и въ голову не можетъ прійдти, что все проповѣдуемое мною — голая истина. Въ Петербургѣ, центрѣ просвѣщенія, порядокъ вещей, разумѣется, въ какой-нибудь десятокъ-другой лѣтъ много измѣнился къ лучшему; но вѣдь Петербургъ — не Россія еще. Гувернантка, брезгающая какимъ-нибудь Царевококшайскомъ или Тмутараканскомъ изъ желанія вѣкъ про-

жить въ Морскихъ или Милліонной, похожа на разборчивую невѣсту и выигрываетъ всегда не больше послѣдней. На Петербургъ, гдѣ въ послѣднее время чуть не въ каждомъ домѣ пріютилось какое-нибудь воспитательно-образовательное заведеніе, гдѣ проходящему пестрятъ глаза вывѣски всевозможныхъ училищъ, школъ, гимназій, прогимназій, заведеній элементарныхъ и спеціальныхъ, классическихъ и реальныхъ, — на Петербургъ приходится самый, сравнительно, незначительный процентъ гувернантокъ. Помнишь, я почти цѣлый годъ билась безъ мѣста? — Это потому, что, попавъ случайно на недѣлю въ милый Петербургъ, я, слѣдуя твоему совѣту, хотѣла попытаться найти мѣсто гдѣ нибудь поближе къ тебѣ, въ Коломнѣ эдакъ или на Литейной. Нѣтъ!... гувернантка, желающая быть сытой постоянно, безъ перерывовъ и антрактовъ, очень для нея опасныхъ, обязана покориться тяжелой необходимости и странствовать по свѣту Божію, слѣдуя указаніямъ прихотливой судьбы во образѣ людей, хлѣбъ которыхъ она ѣстъ. Это вѣчно кочующій номадъ, это флюгеръ, поворачивающійся въ ту сторону, въ которую дуетъ вѣтеръ. Для гувернантки не существуетъ ни собственнаго крова, ни даже иногда родины. У нея нѣтъ собственной воли — она вся зависитъ отъ окружающихъ обстоятельствъ, строгое и безпрекословное подчиненіе которымъ для нея безусловно обязательно.

„Вотъ тебѣ, Зина, на первый случай, нѣкоторыя стороны восхваляемой тобой независимости и самостоятельности трудящейся женщины. Утѣшься — это только *нѣкоторыя*.

„Единственное обстоятельство, могущее вывести гувернантку, это безличное существо, изъ подъ давящаго гнета тяжелыхъ жизненныхъ условій и дать ей, такъ сказать, общечеловѣческія права, это — выходъ замужъ, какъ-бы онъ ни былъ мало

удаченъ. Но — Боже мой! — часто-ли это обстоятельство подоспѣваетъ ей на помощь? Гувернантка и невѣста — что тутъ общаго? Ты, можетъ быть, засмѣешься, если я скажу тебѣ, что въ провинціяхъ до-сихъ-поръ еще смотрятъ на гувернантку какъ на бездомную сироту, къ которой и относиться-то можно не иначе какъ покровительственно. Не смѣйся: это дѣйствительно такъ. Кромѣ того, какъ-бы строго и съ какимъ-бы достоинствомъ ни держала себя гувернантка, но если она только хороша собой — репутація ея уже покрыта совершенно незаслуженно пятнышками, а иногда и пятнами значительной величины. Часто даже сами эти строгость и достоинство вредятъ больше всего дѣлу. Оскорбленное самолюбіе какого-нибудь отвергнутаго уѣзднаго ловласа не проститъ никогда бѣдной гувернанткѣ того, что она честна. Въ наказаніе за неидущую къ ея скромной особѣ гордость, она вскорѣ должна бываетъ бѣжать въ другое захолустье, чтобы не выносить двусмысленныхъ взглядовъ и не выслушивать многознаменательныхъ намековъ своихъ „благодѣтелей“ и ихъ дерзкой прислуги.

„Почему для ухаживаній провинціальныхъ денди мишенью служатъ преимущественно гувернантки — этого я объяснить тебѣ рѣшительно не въ состояніи. Знаю только, что всякая недурная собой дѣвушка моей профессіи съ перваго-же дня своего пріѣзда въ какой-нибудь Тмутараканскъ, осаждается гурьбою пошляковъ-ухаживателей, заявляющихъ свои нѣжныя чувства въ самой пошлой формѣ. И это не то исканіе, которое намъ, женщинамъ, такъ нравится, которое щекочетъ наше самолюбіе, не оскорбляя его, и, напротивъ, льстя ему, — нѣтъ!... Это нахально самонадѣянный приступъ, имѣющій въ основѣ своей всѣ данныя къ оскорбленію честной дѣвушки.

Гувернантка и интрижка — понятія въ провинціи нераздѣльныя. Всякій пустоголовый уѣздный франтъ считаетъ себя въ правѣ и словесно и письменно — въ послѣднемъ случаѣ преимущественно въ глупыхъ стихахъ — излагать свои телячьи-страстныя чувства передъ не подавшей къ тому ни малѣйшаго повода дѣвушкой, потому только, что она... гувернантка, т. е. существо въ полномъ смыслѣ слова безащитное. Какъ, повидимому, это ни странно, а между тѣмъ такой порядокъ ведется почти во всей Россіи, за малыми исключеніями. А ревность, поселяемая недурной собою гувернанткой почти въ каждомъ семействѣ?... Увѣряю тебя, милая превозносительница независимаго труда, что тебѣ, при красотѣ твоей, приходилось-бы мѣнять мѣста почти каждую недѣлю. Я, въ сравненіи съ тобой, лепешка — и то насчитываю до трехъ мѣстъ, съ которыхъ сживала меня ревность. Одинъ разъ ревность самой моей повелительницы, въ другой разъ ревность престарѣлой дѣвицы-компаньонки, а въ третій — смѣшно сказать! — ревность горничной... Вотъ какова независимость и самостоятельность профессіи, которой ты такъ наивно, такъ по дѣтски завидуешь!...

„Пока au-revoir, мой милый оппонентъ!... Подумай на свободѣ объ тѣхъ горькихъ истинахъ, которыя высказаны мною въ этомъ письмѣ, и смирись передъ кажущимися невзгодами твоего настоящаго. Я же на досугѣ буду больше и больше знакомить тебя со всѣми плачевными, дикими и, подчасъ, смѣшными сторонами моего настоящаго, чтобы ты, посравнивъ свою судьбу съ моею, перестала-бы послѣдней завидовать... Прощай пока. Пиши скорѣе и подробнѣе.“

Твоя Магіе К.

Письмо второе.

(отъ нея-же къ ней-же).

Сентября 15, того-же года. Городъ К.

„Письмо твое, дорогая Зина, прошло разныя мытарства прежде, чѣмъ попало ко мнѣ.

„Я, Зина, уже не въ Черезполосьѣ, а верстъ двадцать оттуда, въ маленькомъ, но довольно оживленномъ городкѣ К. Ты спросишь почему это такъ скоро случилось? — Очень просто, отвѣчу я: потому, что я — гувернантка. M-me Kotcharigin, у которой я, какъ тебѣ извѣстно, жила послѣдніе восемь мѣсяцевъ, вслѣдствіе жалобы моей на дерзость, сдѣланную мнѣ при всей домашней челяди экономкою, категорически объявила, что я о себѣ очень много думаю, что я-де не Богъ вѣсть что такое сама, что я не умѣю пользоваться благодѣяніями, что ея дочери набрались отъ меня Богъ знаетъ какихъ манеръ, и пр., и пр. въ этомъ пикантномъ родѣ. Я, разумѣется, вся вспыхнула, сказала, что не привыкла выслушивать подобныхъ незаслуженно-оскорбительныхъ словъ — и черезъ три часа была уже на постояломъ дворѣ городка К. Къ счастію, деньги мнѣ были уплачены и потому положеніе мое не оказалось слишкомъ бѣдственнымъ. Я имѣла даже намѣреніе пробраться въ Москву, а можетъ быть и въ милый Петербургъ, если-бы не случай, заставившій меня, благоразумія ради, остаться въ К. Именно, возвратясь, дня черезъ четыре послѣ переѣзда въ К., изъ гостиннаго ряда на постоялый дворъ, я застала у себя въ комнаткѣ очень толстаго пожилаго господина, нѣкоего Заваруева, котораго я прежде

никогда не видывала, но о которомъ слышала какъ о большомъ чудакѣ.

— Заваруевъ-съ, произнесъ онъ, приподнявшись со стула.

— Очень пріятно... Вамъ... меня угодно?...

— Да-съ... Позвольте присѣсть-съ.

— Сдѣлайте одолженіе. Что-же вамъ угодно?...

— Извольте побезпокоиться снять шляпку-съ... Да сядьте сами-съ. Удобнѣе будетъ говорить-съ.

Зная, что это пресловутый Заваруевъ, я не удивилась странности его вступленія, сняла шляпу и сѣла.

— Вотъ-съ, я наслышался, что вы отошли отъ Кочарыгиной-съ. Вздорная женщина-съ. Желаете ко мнѣ-съ?

— А у васъ сколькихъ лѣтъ дѣти?... спросила я.

— Всякіе есть-съ, а только немного — трое-съ. Жена моя, признаться-съ, вотъ ужь второй годъ душу отдала-съ, такъ я бы и того-съ... Балуются очень-съ, потому меня часто дома нѣтъ-съ... Ну, и наукамъ надо учить-съ. Я, знаете-ли, больше на охотѣ-съ...

Съ такими людьми какъ Заваруевъ вести матеріальные переговоры очень не трудно. Онъ прямо отрѣзалъ, что дастъ мнѣ жалованья въ мѣсяцъ столько-же, сколько платила Кочарыгина, и что ежели мнѣ нужно денегъ впередъ, то у него за этимъ дѣло не станетъ. Отъ денегъ я отказалась, на окладъ жалованья согласилась — и вотъ уже двѣ слишкомъ недѣли живу на новомъ мѣстѣ.

Ну, милая Зина, судьба тебѣ рѣшительно покровительствуетъ, хотя прямо въ ущербъ моимъ выгодамъ. Знакомство съ новымъ мѣстомъ моего служенія раскроетъ передъ тобою еще новую сторону неприглядности гувернантской профессіи и заставитъ тебя, я увѣрена, убояться овладѣвшихъ тобою су-

масбродныхъ желаній и навсегда отрѣшиться отъ намѣренія оставить мужа и обречь себя на скитальческую и полную всякаго рода невзгодъ жизнь гувернантки.

Въ лицѣ m-eur Заваруева передо мною раскрылось цѣлое поле родительскаго самодурства — не того обыкновеннаго самодурства, примѣровъ котораго я видѣла въ семилѣтній періодъ своего служенія очень много, а самодурства выходящаго изъ ряда вонъ, самодурства дикаго, нелѣпаго, возмутительнаго.

Что сказала-бы ты, если-бы какой-нибудь забулдыга-помѣщикъ, поручившій тебѣ, ради воспитательныхъ и образовательныхъ цѣлей, своихъ дѣтей, энергично помогалъ-бы тебѣ въ достиженіи этихъ цѣлей путемъ примѣненія къ дѣтямъ, въ видахъ достиженія болѣе блестящихъ результатовъ, особенной системы такъ-называемаго пришиванія памяти, пріученія къ житейской горечи.

Вотъ тебѣ новый мой патронъ. Прозанявшись съ пѣтуховъ и часовъ до восьми утра дрессировкою своихъ охотничьихъ собакъ, онъ приходитъ, не оставляя своей ременной треххвостки, ко мнѣ въ комнату, составляющую также и дѣтскую—и тутъ начинается мое и дѣтское мученье.

— Здравствуйте, барышня-съ. Съ добрымъ утромъ-съ.

— Здравствуйте, и васъ также, отвѣчаю я.

— Ну что, какъ мои ребята?... Колька какъ?...

Особенно вниманіе Заваруева обращеное на Колю, мальчика лѣтъ трехъ, настоящаго купидона. Бойкій и чрезвычайно развязный въ отсутствіи отца, при немъ онъ становится необыкновенно смиренъ и сдержанъ.

— Колинька ведетъ себя очень хорошо, отвѣчаю я, поглаживая мальчика по головѣ.

— Главное — не балуйте ихъ. Это баловство до добра не доведетъ-съ.

— Я ихъ не балую...

— Все-же-съ... Велите-ка имъ раздѣться-съ, да въ лужу-съ...

— Какъ въ лужу?... удивленно спрашиваю я.

— Да такъ-съ. Это у меня ужь такое заведеніе-съ... для здоровья-съ. Въ другой разъ надобно даже пораньше-съ, прямо съ постели-съ. Куликъ. раздѣвайся!...

Коля, котораго Заваруевъ въ веселыя минуты называлъ „куликомъ“, безпрекословно и, повидимому, съ охотою стаскиваетъ свои сапожонки и до колѣнъ засучиваетъ штанишки.

— Ѳедя, ты что же?... обращается Заваруевъ къ старшему сыну, мальчику лѣтъ четырехъ.

Ѳедя — слабый и болѣзненный мальчикъ — также приготовляется къ купанью, но только на большихъ и выразительныхъ глазахъ его показываются слезы.

— Ну, вотъ-съ. пусть въ этой лужѣ передъ окпами-съ и пошляются... только не долго, — не больше, эдакъ, часу-съ...

— Но помилуйте — теперь, вѣдь, глубокая осень, почти зима!... Ночью, говорятъ, снѣгъ шолъ!... въ совершенномъ ужасѣ вскрикиваю я.

— Ничего-съ, надо пріучиться-съ, это для здоровья-съ.

— Но вѣдь они простудяться... могутъ умереть!...

— Не умрутъ-съ. Суворовъ-съ ледъ ѣлъ-съ, зимой водой обливался-съ, а здоровъ былъ-съ. Я самъ-съ моему Государю тридцать лѣтъ отслужилъ-съ и никогда простуды не зналъ-съ, потому что покойный родитель ко всему пріучалъ-съ. Пусть походятъ-съ, побаулются.

Когда Заваруевъ вышелъ, я, разумѣется, предалась силь-

ному раздумью касательно того, — пустить-ли дѣтей въ лужу, или нѣтъ. Какъ я поступила — не въ этомъ дѣло. Я привожу тебѣ этотъ случай въ доказательство щекотливости роли гувернантки.

Вчера шалунъ Коля — мальчикъ по натурѣ, а вѣрнѣе вслѣдствіе дикаго воспитанія, очень капризный — расплакался такъ, что я рѣшительно никакими средствами не могла унять его. Я употребляла всевозможныя ласки, всевозможныхъ цвѣтовъ и вкусовъ леденчики — все напрасно.

— Опять ревешь?... послышался голосъ вошедшаго Заваруева.

— Ничего, онъ перестанетъ... Онъ будетъ умницей, заговорила я, гладя мальчика по головѣ и желая его обезопасить отъ гнѣва папаши.

— Перестанетъ-съ? — Ну, нѣтъ-съ. Вы, я вамъ доложу-съ, не знаете какъ усмирять ихняго брата-съ.

Я думала, что онъ хочетъ пустить въ ходъ свою треххвостку и очень испугалась.

— Никандръ Алексѣичъ!... Онъ не будетъ!... Оставьте!...

— Нѣтъ-съ, вы не безпокойтесь-съ. Я ихъ никогда не бью-съ. У меня и такъ перестанетъ-съ.

И за тѣмъ онъ обратился къ продолжающему ревѣть мальчику:

— Ты ревешь?... а?... хорошо.

Коля продолжалъ реветь.

— Молодецъ!... молодецъ!... Ну, реви громче!... громче, говорятъ тебѣ.

Упрямый мальчишка сталъ стихать понемногу.

— Реви!... Реви, говорятъ, громче!... Ну!...

Ревъ сталъ смѣняться сначала прерывистымъ плачемъ и наконецъ обратился въ сдержанныя всхлипыванія.

— Ну, что-же не орешь?... Ори!...

Коля смолкъ, и Заваруевъ съ торжествующей физіономіей обратился ко мнѣ:

— Вотъ-съ какъ надо съ ними-съ. Вы, извините меня, еще неопытны-съ. Да-съ.

— Я думаю, — отвѣчала я, — что этимъ путемъ можно только развить упрямство въ ребенкѣ.

— Ничего-съ, не будетъ упрямъ-съ. Вы ужъ, извините меня, всегда съ ними такъ-съ. Это ужь мое правило-съ.

Вотъ, Зина, съ какими личностями приходится сталкиваться, вотъ отъ кого случается всецѣло зависѣть!... Я не говорю, чтобы сословіе людей, нанимающихъ гувернантокъ, состояло въ большинствѣ изъ такихъ самодурствующихъ оригиналовъ. Это, разумѣется, было-бы глупо. Я тебѣ хочу только доказать, что трудъ гувернантки — трудъ зависимѣйшій, что вся дѣятельность ея строго обусловлена желаніями и указаніями подъ часъ чрезмѣрно дикими, но не подчиняться которымъ нѣтъ возможности. Смирись-же, прошу тебя, и оставь твое безразсудное идеализированіе женскаго труда, въ послѣднемъ письмѣ твоемъ перешедшее уже въ явное намѣреніе поступить въ гувернантки. Если все сказанное мною не откроетъ еще тебѣ глазъ — я, увѣряю тебя, буду продолжать разочаровывать тебя, наглядно проводя черезъ всѣ тѣ мытарства, которыя мнѣ еще прійдется пройдти самой. Если-бы былъ какой-нибудь исходъ, то, повѣрь, и я и тысячи мнѣ подобныхъ своротили-бы съ этого скитальческаго, неблагодар-

наго и тернистаго пути, но исхода этого — увы! — нѣтъ и не можетъ почти быть.

Прощай. Пиши подробнѣе и вѣрь твоей Мари, что она насквозь проникута желаніемъ добра своей милой, но по натурѣ неугомонной Зинѣ...

КАРЬЕРА АЛЕШКИ.

— Ну гдѣ-же это ты пропадалъ?... Какіе такіе амуры изволило твое свиное, прости Господи, рыло завести?... а?...

Такіе допросы производились франтоватымъ прикащикомъ „ренсковаго“ погреба Алексѣемъ Алексѣичемъ Агаповымъ его подручному Алешкѣ, пугливо мигавшему глазами и едва выносившему молніеносные взгляды своего ближайшаго начальника. Въ сущности „мальчикъ“ Алешка былъ Алехой, въ полномъ смыслѣ этого слова. Любой мясникъ позавидовалъ-бы его атлетической корпуленціи и яркому румянцу физіономіи, похожей на двадцати-копѣечный филипповскій калачъ.

— Али тебѣ хозяйскій хлѣбъ надоѣлъ?... а?... продолжалъ допрашивать франтъ-прикащикъ.

— Я, Ликсѣй Ликсѣичъ...

— Молчать!... Али тебя за вихры давно не таскали?... а?... Говори!...

— Помилуйте, Ликсѣй Ликс...

— Молчать!... Не перечь мнѣ!...

Маленькая пауза.

— Эдакая толсторожая твоя харя, лопоухій чортъ!... продолжалъ прикащикъ. Туды-же — любовь завелъ!... Да

добро-бы еще съ деревенщиной-кухаркой, а то съ горничной!... Ахъ ты фалалей!...

Дверь погреба отворилась и на порогѣ показался очень тучный господинъ.

— Фу, жарко!... произнесъ онъ, вытирая лобъ платкомъ и тяжело усаживаясь на ясеневую лавку. — Дайте-ка лимонадъ-газесу съ лафитомъ... Да что это вы такой сердитой сегодня, Алексѣй Алексѣичъ?...

— Да какъ-же, помилуйте, не быть-то сердитымъ?... Вотъ этотъ фалалей нутро все у меня вытянулъ-съ...

— Кто — Алешка?...

— Да-съ, кому-же больше-съ. Получилъ вчера жалованье, отпросился у меня къ теткѣ, да и былъ таковъ. А мелочникъ Михѣй Ивановъ сегодня разсказываетъ, какъ видѣлъ его подъ ручку съ какой-то мамзелью... Черный передничекъ, говоритъ, съ розанами вышитыми...

— Полно!... Неужели въ самомъ дѣлѣ?...

— Ей Богу-съ. Признаться, оттаскалъ его за вихры, да вѣдь хозяйскаго убытку-то не воротишь этимъ. Генеральша Ѳедяева заказала прислать три бутылки донскаго и одну мадеры, изъ дома Петрова по бутылкѣ лафиту и мускатъ-люнелю требовали, а кого я пошлю?... Вѣдь не самому-же тащить!...

— Ну что-жь!... Молодая кровь у Алешки играетъ!... добродушно хихикая произнесъ тучный гость. — Вѣдь вонъ какой здоровенный, кровь съ молокомъ. Отчего не поволочиться?

Алешка, стоя за прикащикомъ, въ кулакъ скорчилъ рожу, похожую на улыбку.

— Я вотъ ему поволочусь — рѣбры намну ужо, какъ бу-

детъ послободнѣе... одначе извините, Ѳедоръ Петровичъ, мнѣ въ баню надо сбѣгать. Посидите...

Прикащикъ, надѣвъ пальто, вышелъ.

— Что ты все не ладишь ни съ кѣмъ?... спросилъ атлета-Алешку, оставшись съ нимъ наединѣ. тучный гость.

— Да какже ладить-то, Ѳедоръ Петровичъ?... Вѣдь другой, вѣрно говорю вамъ, давно къ мировому пошелъ-бы, а не то чтобы терпѣть — вотъ что.

— Развѣ онъ въ самомъ-дѣлѣ бьетъ тебя?

— А то какъ-же-съ. Все тѣло въ синякахъ. Въ золотой цѣпочкѣ ходитъ, да при часахъ, а никакой образованности не имѣетъ. Нѣшто можно чѣмъ ни попало драться?... Вонъ я у Ѳедосѣя Прохорыча жилъ: какъ разсерчаетъ — благородно ударитъ разъ али два по уху—и чувствуешь, потому въ человѣкѣ чувствительность есть: а этотъ — бутылкой, такъ бутылкой, счетами, такъ счетами... Нѣшто это возможно?... Такъ и наровитъ, чтобы человѣку какое ни-на-есть неудовольствіе сдѣлать. То есть даже смотрѣть скверно.

— Да ужъ что тутъ хорошаго... А ты и въ самомъ-дѣлѣ душеньку себѣ завелъ?... а?...

Алешка снова скорчилъ смѣхоподобную рожу, но уже не въ кулакъ, а на воздухъ.

— Что — завелъ?... а?... переспросилъ гость.

— Точно-съ... Случай такой вышелъ... только не говорите-съ...

— Горничная?...

— Да-съ... Одѣта оченно хорошо... по всему переднику розаны вышиты. Въ третьемъ часу утра домой пришелъ — все гулялъ, значитъ, съ ней...

Въ то же утро въ роскошной, хотя и безвкусно обстано-

вленной спальнѣ у большаго рѣзнаго туалета сидѣла, небрежно развалясь въ глубокихъ креслахъ, очень полная и хотя уже поблекшая, но не старая еще барыня. Сзади нея стояла, съ гребнемъ въ рукахъ, молодая горничная.

— Па-ра-ша... чрезвычайно растягивая и нѣсколько въ носъ проговорила барыня.— Ты се-год-ня чортъ знаетъ какъ дур-но проборъ дѣ-ла-ешь...

— Помилуйте, сударыня... затараторила горничная.

— Нечего ужь тутъ... я на тебя сер-ди-та.

— Помилуйте, Аграфена Терентьевна...

— Полно, полно... Тебя дозваться нельзя было... Откуда ты такъ поздно пришла?... а?... Вѣрно, познакомилась съ кѣмъ-нибудь?... а?...

— Помилуйте. сударыня...

— Полно. Я ужь вижу по глазамъ... Говори, моя милая... Я люблю откро-венность...

Горничная сдѣлала рожу въ кулакъ.

— Го-во-ри... не стѣс-няй-ся. Ты дѣвушка мо-лодая — простительно...

— Точно, сударыня... я познакомилась съ однимъ мужчиной...

— Ну?...

— Ну и... ничего-съ.

— Красивый?...

— Нѣтъ-съ, не красивый... А только такой обходительный... Вотъ мнѣ ужь двацать четвертый пошелъ, а... а такого мужчину не встрѣчала... и горничная, снова скорчивъ рожу, стыдливо закрылась рукавомъ.

— Ша-лунья ты у ме-ня... что-же — онъ, вѣроятно, изъ ла-кеевъ?...

— Нѣтъ-съ, сударыня... онъ въ услуженіи-съ... въ погребѣ въ ренсковомъ живетъ.

— Гм!... И вѣрно далеко?... Тебѣ видѣться съ нимъ неудобно, если далеко...

— Нѣтъ-съ, недалече-съ... Около Литейной-съ, рядомъ съ тѣмъ домомъ, въ которомъ гадалка Ѳіона живетъ.

— А-а!... протянула барыня. — Высокій ростомъ онъ?

— Ростомъ не такъ чтобы ужъ очень-съ, а только видный такой, дюжій...

Барыня томно взглянула въ зеркало, тихо закрыла глаза — и еще больше запрокинула голову на спинку глубокаго кресла.

— Шиньонъ прикажете такъ, какъ вчера, повыше? спросила горничная.

Но барыня не отвѣчала...

Дня два спустя, къ знакомому уже намъ погребу подкатила щегольская коляска, запряженная парою дебелыхъ жеребцовъ. Изъ коляски лѣниво вылѣзла укутанная въ бархатъ тоже дебелая и тоже знакомая намъ барыня и, лѣниво сойдя съ двухъ-трехъ ступенекъ лѣстницы, вплыла въ погребъ.

Франтоватый прикащикъ засуетился, обдернулъ клетчатый жилетъ, быстро пригладилъ волосы, предварительно послюнивъ руку, и сталъ въ почтительно-вопросительную позу.

— А-ахъ, ка-акъ жа-арко!.. протянула въ носъ барыня.

— Да-съ, точно-съ, неизвѣстно для чего шаркнувъ ногою, проговорилъ франтъ-прикащикъ.

— У васъ-то еще ничего... Уфъ!..

— Какъ-же можно-съ!.. На улицѣ точно что припекаетъ

сударыня-съ... А у насъ климатъ въ погребу оченно прохладный... Даже супротивъ другихъ торговыхъ заведеній у насъ бываетъ-съ...

— У васъ хорошія вина? перебила барыня.

— Первый сортъ-съ. Супротивъ нашего нигдѣ не найдете-съ — елисѣевскія-съ. Какъ донское, какъ хересъ, какъ сотернъ, какъ лафитъ — все въ лучшемъ видѣ-съ.

Барыня опустилась на ясеневую скамью и какъ-то пытливо стала поводить кругомъ своими глазами съ поволокой.

— Мнѣ съ собой взять нельзя — ѣду въ гости.., протянула она: — у васъ есть съ кѣмъ прислать ко мнѣ на-домъ?

— Съ нашимъ удовольствіемъ-съ. А далече-съ?

— Н-нѣтъ, не очень... Въ * улицу, рядомъ съ церковью... Мой собственный домъ.

— Сейчасъ. Алешка!

На зовъ франта-прикащика въ дверяхъ выросъ атлетъ-Алешка. Казалось, въ погребѣ сдѣлалось болѣе жарко отъ пылавшаго на его арбузообразныхъ щекахъ яркаго румянца.

— Чиво, Ликсѣй Ликсѣичъ? спросилъ онъ.

— „Чиво"!.. Какого чорта засѣлъ тамъ?.. Вотъ снесешь барынѣ на-домъ вина.

— Слушаю-съ.

— Вотъ по этому списку... деньги тамъ получитъ... проговорила барыня, подавая исписанный кусочекъ бумаги. Главное — лафитъ чтобы былъ хорошій...

— Будьте покойны-съ, завсегда нашими покупателями будете-съ... Все въ лучшемъ видѣ приставимъ-съ...

Такъ-же лѣниво и медленно выплыла дебелая барыня изъ погреба, еще лѣнивѣе и медленнѣе вплыла въ коляску — и дебелые жеребцы заметали по мостовой искры...

— Кусокъ!.. задумчиво проговорилъ себѣ подъ-носъ франтъ-прикащикъ.

Вечеромъ этого-же дня въ погребѣ, за стаканомъ лимонадъ-газеса съ лафитомъ, возсѣдалъ тучный Ѳедоръ Петровичъ. Франтъ-прикащикъ, стоя за выручкой, сердито щелкалъ счетами и повременамъ со злостью отплевывался. Видно было, что онъ очень не въ духѣ.

— Экая ракалія! злобно проговорилъ, наконецъ, онъ, швырнувъ отъ себя счеты и глядя на часы.—Шутка-ли—четыре часа ходитъ!.. То-есть, повѣрите-ли, Ѳедоръ Петровичъ, шкуру-бы кажись сорвалъ...

— Полноте!.. Придетъ.

Но прошелъ еще часъ—Алешка не являлся. Наконецъ, послѣ долгихъ ожиданій, дверь отворилась... По виду появившагося въ ней Алешки замѣтно было, что онъ не совсѣмъ въ нормальномъ состояніи.

— Ты гдѣ шлялся?!.. грозно накинулся прикащикъ.

— Я-то? какъ-то особенно развязно отвѣчалъ Алешка.

— Да, ты-то!... Гдѣ пропадалъ, свиное твое рыло?!

— Гдѣ пропадалъ? — Зачѣмъ пропадать?... Я носилъ товаръ — вотъ что.

— А!... Носилъ товаръ!... Постой-же — я тебѣ пропишу!...

И франтъ-прикащикъ, засучивъ рукава, видимо готовился добраться до привычной цѣли — до вихровъ Алешки. Только присутствіе гостя сдерживало его страстные порывы. Алешка, между тѣмъ, стоялъ въ довольно непринужденной позѣ и, противъ обыкновенія, очень мало обращалъ вниманія на гнѣвъ своего разсвирѣпѣвшаго патрона.

— Гдѣ ты шлялся, свиное твое рыло, я тебя спрашиваю?!... приступалъ послѣдній.

— Какое-же я, примѣрно, свиное рыло?.... огрызся Алешка.

— Что?!... Ты еще разговаривать?...

— Да чего-жъ вы ругаетесь, Ликсѣй Ликсѣичъ?... Чего, и въ самъ-дѣлѣ, носъ-то дерете?... Что цѣпочку-то золотую нацѣпили? Такъ это намъ — тьфу... Только деньги, значитъ, отдать — и не такую нацѣпимъ... вотъ что. Нечего важничать-то!...

Во все время этой энергически произнесенной тирады и прикащикъ и Ѳедоръ Петровичъ какъ-то изумленно глядѣли на переродившагося Алешку, — того самаго безотвѣтнаго досихъ-поръ Алешку, со стороны котораго малѣйшее противорѣчіе казалось немыслимымъ.

— Постой-же, пьяное твое рыло, я съ тобой опосля справлюсь!... дрожа отъ злости и кусая губы прошипѣлъ франтъ-прикащикъ. Я-те шиньонъ расправлю!...

— Ну нѣтъ, Ликсѣй Ликсѣичъ, руки коротки — вотъ что.

— Ты, никакъ, бѣлены объѣлся?... уставившись глазами въ Алешку, спросилъ прикащикъ.

— Нѣтъ, не объѣлся, а только служить не хочу — больно зазнались вы!... Завтра за паспортомъ приду. Прощайте, Ѳедоръ Петровичъ.

И, не сказавъ даже „прощай“ франту-прикащику, Алешка надѣлъ на бекрень шапку и гордо вышелъ изъ погреба....

Прошло недѣли полторы. Въ погребѣ роль получателя подзатыльникомъ перешла отъ Алешки къ Никишкѣ, и все старое скоро забылось, какъ вдругъ однажды, часу въ восьмомъ вечера, и франтоватый прикащикъ и нѣсколько погребныхъ завсегдателей были поражены слѣдующимъ необычайнымъ происшествіемъ.

Къ погребу подкатилъ красивый фаэтонъ — и менѣе чѣмъ черезъ двѣ секунды, передъ изумленными глазами Алексѣя Алексѣевича и его гостей на порогѣ показался... Алешка, одѣтый совершеннымъ франтомъ. Золотыя кольца на рукахъ, коротенькій пиджакъ, пуховая шляпа, „магазинская“ тросточка и другіе аттрибуты франтовства — все это такъ поражало и не вязалось съ понятіемъ объ Алешкѣ, что и гости и прикащикъ буквально вытаращили бѣльма.

— Ликсѣю Ликсѣичу почтеніе!... осклабляясь и протягивая прикащику руку, развязно произнесъ Алешка. Господамъ мое нижайшее-съ!...

Франтъ-прикащикъ совершенно растерялся.

— Какъ-же это... ты... вы... поздравляю... лепеталъ онъ несвязно.

Увы!... Алешкина цѣпочка была въ десять разъ дороже прикащичьей, а его лакированные ботинки и другія принадлежности туалета далеко оставляли за собою таковыя-же прикащичьи. Если прибавить къ этому, что Алешка какъ будто взялъ ванну изъ одеколона и различныхъ амбре, то легко себѣ представить униженіе франта-прикащика.

— Ликсѣй Ликсѣичъ!... Вышлите маму кучеру стаканъ хересу, а намъ давайте полдюжинку...

— Ладно-съ.... какъ-то машинально отвѣчалъ франтъ-

прикащикъ. Поднеся кучеру, онъ поставилъ на выручку шесть бутылокъ пива.

— Что вы, Ликсѣй Ликсѣичъ!... Кто-жь его, это самое пиво, пить будетъ?... я приказалъ полдюжины шипанеи, а не пива!...

И Алешка, поставивъ въ уголъ тросточку и снявъ съ лѣвой лапы перчатку, граціозно развалился на ясеневой скамейкѣ...

— Сиводни нада-ть въ кіатръ, важно произнесъ онъ, глядя на часы. Оченно занятную игру играютъ — „Расприкрасную Илену“...

КАРПЪ САМОЙЛОВИЧЪ НЕЧЕПОРЕНКО.

Была скверная, дождливая и холодная осень. Какъ кроты въ норахъ зарылись обитатели нашего небольшаго домика въ своихъ уютныхъ квартиренкахъ и подъ шумокъ самоваровъ, прерываемый изрѣдка гуломъ проливнаго дождя да порывистыми взвизгиваніями вѣтра, незамѣтно коротали невыносимо-длинные вечера. Если кому-нибудь изъ жильцовъ и могла жизнь показаться слишкомъ монотонною и однообразною, такъ это именно мнѣ, потому что комната моя, по географическому положенію своему, дѣлала эту жизнь совершенно изолированною. Единственное окно мое глядѣло въ очень неприглядный, чахлый садишко, а единственная смежная съ моею комнатою квартира, отдѣленная отъ меня растрескавшеюся отъ старости дверью, была давно уже пустою.

— Что-же это, Митродора Васильевна, у меня все сосѣдей нѣтъ? обращался я частенько къ хозяйкѣ.

— Будутъ, будутъ, не скучайте, — отвѣчала обыкновенно та: — вѣдь теперь не лѣто — живо займутъ.

— Дай Богъ, дай Богъ!.. А только, вотъ, щель-бы въ дверяхъ вы какъ-нибудь, Митродора Васильевна, заклеили-бы, что-ли.... Неловко, вѣдь.

— Да чѣмъ ее клеить-то?.. Не бойтесь—подглядывать къ

вамъ никто не будетъ, на чужое добро никто не польстится. Шестой годъ жильцовъ держу, а этого никогда не бывало, чтобы — оборони Богъ — пропажа случилась.

— Да не въ пропажѣ дѣло, а неловко — видно все. Можетъ быть, дама переѣдетъ... хоть-бы кровать мою переставить...

— Дама?.. Ахъ, какіе вы сумнительные!.. Я сама дама — и могу васъ завѣрить, что это все одни пустяки только. Повѣрьте, каждая дама знаетъ всѣ эти мужчинскія обстоятельства, а только такъ, для виду показываютъ, что мы, дескать, ничего не знаемъ. Если которая дама умишко имѣетъ — въ дѣвицахъ все пойметъ, хошь какъ ты ее ни держи, потому тутъ не деревня, а столица, образованность. Я вамъ скажу, когда я въ первый годъ переѣхала сюда съ Песковъ, жила у меня вотъ въ той комнаткѣ жилица. Отецъ ейный, знаете, е-не-ралъ былъ, не какая-нибудь. Только, вотъ, живетъ она у меня день, другой...

Однимъ словомъ, коснись дѣло хоть грошевой траты со стороны Митродоры Васильевны — съ ней, бывало, не сговоришь. Щель дверная такъ и осталась щелью.

Однажды, возвратясь, послѣ внѣ дома проведеннаго дня, поздно вечеромъ, въ свою обитель, я замѣтилъ, что въ комнатѣ моей, несмотря на темноту осенней ночи, было вовсе не темно: пресловутая щель, существованіе которой такъ горячо было отстаиваемо Митродорой Васильевной, была пронизана яркою полосою свѣта и доказывала тѣмъ, что судьбѣ угодно было дать мнѣ сосѣдей.

Не зажигая свѣчи и не прочитавъ, какъ обыкновенно, нѣсколькихъ усыпительныхъ главъ какого-нибудь усыпительнаго романа, я тихо раздѣлся и улегся подъ одѣяло. Скоро про-

ходившая сквозь щель полоса свѣта исчезла и вокругъ наступили совершеннѣйшія тьма и безмолвіе. Утомленный продолжительною ходьбою, я сталъ засыпать очень сладко.

— Тьфу!.. раздалось вдругъ за дверью среди невозмутимой тишины и мрака.

— Ну!.. И на этой квартирѣ весь полъ заплюетъ!.. сердито отозвался голосъ женщины.

— Тьфу!.. тьфу!.. послышалось снова.

— Ахъ я несчастная!.. Живи съ этакимъ конюхомъ!.. проворчалъ тотъ-же женскій голосъ.

— Тьфу!.. тьфу!.. тьфу!..

— Козелъ!.. хохолъ упрямый!..

— Тьфу!.. тьфу!.. тьфу!.. тьфу!..

— Да перестанешь-ли ты плевать?!. взвизгнула женщина.

— Это отъ васъ зависитъ, чрезвычайно равнодушно отвѣчалъ плевавшій.

— „Отъ васъ за-ви-ситъ!..“ передразнила женщина. Чумакъ упрямый!..

— Тьфу!.. тьфу!.. тьфу!.. тьфу!.. хрр — тьфу!.. тьфу!.. тьфу!..

— У-у. негодный!..

— Тьфу!.. тьфу!.. хрр-тьфу!.. тьфу!.. хрр-тьфу!.. хрр-тьфу!.. хрр-тьфу!.. хрр-тьфу!.. тьфу!.. тьфу!.. тьфу!.. хрр-тьфу!.. тьфу!.. тьфу!.. тьфу!..

Женщина не возражала. Наступило полнѣйшее молчаніе— и я заснулъ сладчайшимъ образомъ.

Проснувшись часовъ въ восемь, я замѣтилъ, что сосѣди уже встали. Стукъ чайной посуды доказывалъ, что они сидѣли за самоваромъ. Каюсь—приходившаяся у самой головы

моей щель соблазнила меня. Я повернулся къ ней — и безъ всякихъ усилій разсмотрѣлъ и сосѣда, и сосѣдку.

Она имѣла лѣтъ двадцать отъ роду и была очень не дурна собой, хотя ея физіономія не представляла собою ничего особеннаго. Что-же касается до лица и всей фигуры сосѣда, то они изобличали въ немъ человѣка съ необыкновенною энергіею. Далеко не красивое лицо его было однакоже очень выразительно.

— Налейте-ка мнѣ, голубка моя, еще чашечку, проговорилъ онъ нѣсколько малороссійскимъ акцентомъ. Въ департаментѣ-то у насъ вѣдь чаемъ не подчуютъ.

— Зато водкой, кажется, не обносятъ — каждый день отъ тебя какъ отъ водочнаго завода несетъ!.. съ сердцемъ проговорила сосѣдка, наливъ и порывисто пододвигая мужу чашку.

Въ отвѣтъ на это сосѣдъ тихонько сталъ насвистывать, по временамъ прихлебывая изъ чашки.

— Ну, опять со своимъ „Персидскимъ маршемъ“!..

— Хорошій маршъ, проговорилъ равнодушно мужъ, затягиваясь папиросой. А впрочемъ, я могу и перестать, ангелъ мой.

Наступила небольшая пауза.

— А что, дрова-то, я думаю, у насъ на исходѣ, Машурочка?.. спросилъ, наконецъ, сосѣдъ.

Гм... А ты думалъ, что цѣлую зиму полу-саженью протопить можно?..

— Нѣтъ, этого я не думалъ.

— Не думалъ!.. Тебѣ-бы только „Персидскій маршъ“ свой свистать!..

— Чтожь!.. Маршъ хорошій; я, пожалуй, еще могу его исполнить.

— Не удивишь—тебѣ законъ не писанъ!..

— Ну, ну, ладно. Вѣдь я не свищу ужь...

— Не свищу!.. Затвердилъ одно — „не свищу“!.. Ужь просвисталъ всѣ уши!..

— Да не горячитесь, солнце мое, — кровь напрасно портится. Вѣдь вы знаете, что я опять засвищу, если вы будете ворчать много.

Сосѣдка не отвѣчала, но сердито швырнула блюдце въ полоскательную чашку.

— Несчастная я! — заворчала она черезъ нѣсколько минутъ.—Живи съ этакимъ!.. Двухъ мѣсяцевъ не прошло со сватьбы, а ужь исхудала какъ кошка!..

— Не замѣчаю. До сихъ поръ ни дать, ни взять—Лурлея полногрудая.

— Да!.. Своимъ „Персидскимъ маршемъ“ душу вытянулъ!.. Безсовѣстный!..

Сосѣдъ сначала тихонько, а потомъ громче и громче, сталъ насвистывать „Персидскій маршъ“.

— О, Господи!.. Хоть на конецъ свѣта бѣги!..

— Лишнее. Я и такъ могу перестать, если желаете.

— Свинья!..

Звуки „Персидскаго марша“ усилились.

— Да скоро ли ты перестанешь!!.. взвизгнула сосѣдка. — У меня нервы лопнутъ!!..

— Я не знаю, скоро-ли. Тогда, когда вы перестанете ворчать.

— Я не могу слышать этого дурацкаго свиста!.. Я до вечера ворчать не перестану!..

— И я до вечера свистать не перестану. Мотивъ этотъ мнѣ очень нравится.

— Я никогда не перестану!..

— Жаль. Вы меня заставите всю жизнь просвистать. Я долженъ буду выйдти въ отставку, потому что въ департаментѣ нашемъ свистать не позволяютъ.

— Чортъ, а не человѣкъ!!..

— Можетъ быть.

Свистъ становился все сильнѣе и сильнѣе. Не обращая уже никакого вниманія на ворчаніе и ругательства жены, сосѣдъ ходилъ изъ угла въ уголъ, выводя такія жалостныя и уму-непостижимо-ловкія трели, фіоритуры и варіаціи, что композиторъ-творецъ „Персидскаго марша“ самъ пришелъ-бы въ умиленіе. По временамъ свистунъ останавливался, позѣвывалъ, присаживался къ столу, набивалъ и закуривалъ папиросу, но звуки марша не прекращались ни на минуту.

— Дуракъ!.. Оселъ!.. Безсовѣстный человѣкъ!.. Чортъ, а не человѣкъ!.. ворчала все это время сосѣдка, не переставая, въ свою очередь, сварливиться ни на минуту.

На моихъ часахъ было семь минутъ одиннадцатаго, когда наконецъ ворчанье, а вслѣдъ за нимъ и звуки „Персидскаго марша“ прекратились. Сосѣдка не выдержала—сдалась.

Минуть черезъ двадцать послѣ этого сосѣдъ ушелъ въ должность и возвратился только часамъ къ семи.

— Жалованье получилъ?—встрѣтила его жена.

— Получилъ, ангелъ мой, а что?...

— Да то, что я такъ и знала...

— Что вы знали, серденько мос?

— Такъ себѣ...

— Однако?

— А то, что какъ получишь жалованье—всегда эта водка. Вѣчно три часа лишнихъ Богъ знаетъ гдѣ пропадаешь.

— Нѣтъ другъ мой,—я, какъ видите, не пропалъ. Что-же касается до водки, то вы знаете, что я не пьяница. Женясь, я предупреждалъ васъ, что люблю выпить рюмки три-четыре хорошей водки за завтракомъ, что дѣлаю это двѣнадцать лѣтъ и что не считаю нужнымъ отвыкать отъ этого. Да и зачѣмъ вы все это говорите?.. Вамъ извѣстно, что въ этомъ шкапу всегда у насъ стоитъ четверть водки, но что, несмотря на это, я никогда не злоупотребляю ею.

— Не хочу я, чтобы ты пилъ—вотъ что! возвысила голосъ сосѣдка.

— Тщетное желаніе. Съ первыхъ-же дней нашего брака я сталъ замѣчать, что еще будучи дѣвушкой вы заручились намѣреніемъ взять будущаго мужа въ руки, главенствовать надъ нимъ. Полноте!.. Эта роль вамъ, какъ женѣ и порядочной женщинѣ, неприлична, да и въ примѣненіи ко мнѣ немыслима: я не тряпка. Вы хотѣли осѣдлать меня, какъ ворона-коня, да только это неудобно.

— Такъ не хочешь-ли ты мною командовать?

— Я?—Нисколько. Мы должны быть *друзьями*.

— Ну, въ нравоученія пустился!.. Водкой такъ и несетъ отъ этихъ нравоученій!..

— Не думаю. А впрочемъ, рюмочку еще, противъ обыкновенія, выпить не мѣшаетъ.

Съ этими словами сосѣдъ мѣрнымъ шагомъ подошелъ къ шкапу, налилъ изъ бутыли рюмку водки, крякнулъ, опрокинулъ ее въ горло и снова сталъ ходить по комнатѣ, тихонько насвистывая свой любимый „Персидскій маршъ“.

— И что онъ хочетъ сдѣлать этимъ дурацкимъ упрямствомъ? — какъ-бы про себя проворчала сосѣдка.

— А вотъ что, серденько мое. Не будь я сынъ моего покойнаго отца, не будь я Карпъ Самойловъ Нечепоренко, коли не сдѣлаю изъ васъ своего друга и не уничтожу сварливости вашей.

— Вотъ воспитатель-то, гувернеръ нашелся!.. Лучше пить водку пересталъ-бы!

— Да, перевоспитать васъ желаю, — продолжалъ Карпъ Самойловичъ, снова подойдя къ шкапу и выпивая рюмку,— потому что вы очень вашей матерью избалованы и получили ложное воспитаніе и извращенныя понятія. Если предположить, — какъ оно и должно быть, — что у меня есть слабости, то вы, какъ жена и другъ, первая должны прощать ихъ.

— Убирайся со своими нравоученіями!.. Пьяница!..

Снова рюмка водки и „Персидскій маршъ“. Долго еще ворчала неугомонная сосѣдка моя, но, наконецъ, прогрессивное исчезновеніе жидкости изъ бутыли испугало ее — она замолчала. Вслѣдъ за этимъ „Персидскій маршъ“ умолкъ и Карпъ Самойловичъ, улегшись на постель, захрапѣлъ такъ, какъ не храпитъ послѣ выиграннаго сраженія ни одинъ храбрый воинъ.

Съ каждымъ днемъ я все больше и больше удивлялся чудаку-сосѣду. Меня поражала необыкновенная сдержанность его и невозмутимѣйшее хладнокровіе, съ которымъ онъ относился къ взбалмошнымъ выходкамъ сварливой и, подчасъ, выходившей изъ себя молодой жены. Противъ желѣзнаго упорства его идти было невозможно — и ворчунья-жена должна была безпрестанно сдаваться и убѣждаться въ неравности боя. Послѣдовательность въ дѣйствіяхъ его была изумительна.

Встрѣчая всякую нелѣпо-деспотичную придирку жены самою предупредительною уступчивостію, онъ, мало-по-малу, переходилъ къ такому упорству, противупоставить отпора которому не было возможности. Случалось, напримѣръ, что ему приходило въ голову пройдтись по комнатѣ тогда, когда жена уже улеглась спать. Какъ ни старается онъ шлепать туфлями тише—неймется ей.

— У, несносный!.. Спать не даетъ!.. ворчитъ она.

— Ахъ, голубка, я не зналъ, что мѣшаю. Вы-бы сказали.

И онъ садится съ свое старое глубокое кресло, закидываетъ голову назадъ и о чемъ-то думаетъ. Проходитъ нѣсколько минутъ молчанія.

— Мало, видите-ли, нашлялся сегодня днемъ! — продолжаетъ снова ворчать жена. — Люди спятъ, а онъ шлепаетъ тутъ!..

— Не буду, не буду, серденько. Я и самъ усталъ.

— Не буду!... Что мнѣ изъ твоего „не буду“!.. Вѣчно кровь только портитъ!..

— Да не буду-же. Не волнуйтесь.

— Ишь какой нравоучитель!.. Лучше-бы не шлялся!..

Карпъ Самойловичъ встаетъ съ глубокаго кресла и совершаетъ нѣсколько рейсовъ по комнатѣ. Ворчанія продолжаются.

— Да долго-ли ты будешь шляться?!..

— Не знаю. Объ этомъ надо спросить васъ. Можетъ быть сейчасъ перестану, а можетъ быть—буду до тѣхъ поръ, пока упаду бездыханнымъ трупомъ.

— Свинья!..

Мужъ подходитъ къ кровати, надѣваетъ, вмѣсто туфлей, сапоги и продолжаетъ рейсы.

Часа черезъ два ворчанія умолкаютъ — и сосѣдъ ложится.

И все съ одинаковой послѣдовательностію. Возьметъ, напримѣръ, Карпъ Самойловичъ ножемъ изъ масляницы масла— „Ай, что это ты столько намазываешь!..“ кричитъ жена.

— Я немного, серденько.

— Безсовѣстный эгоистъ!.. все себѣ одному вымажетъ!..

Мужъ капнетъ ножомъ еще масла.

— Ахъ, дерзкій!.. Обжора этакій!..

— Не люблю я много масла, а надо еще прибавить, отвѣчаетъ Карпъ Самойлычъ—и снова мазнетъ масла, но уже больше. Это продолжается до тѣхъ поръ, пока супруга смолкаетъ.

Случилось однажды Карпу Самойловичу засидѣться до часу ночи. Буря поднялась изъ устъ супруги.

— А!.. Такъ вотъ какъ ты!.. встрѣтила его она.—Хорошо!.. Хорошо!.. Второй мѣсяцъ не прошелъ со сватьбы — ужь во второмъ часу является домой!.. Что-же черезъ пять лѣтъ будетъ?!...

— Извини великодушно, голубочикъ,— засидѣлся.

Цѣлый часъ ворчаній.

— Въ такомъ случаѣ я завтра въ два часа прійду. позѣвывая отвѣчаетъ Карпъ Самойлычъ.

Это было въ воскресенье. На другой день сосѣдъ пришелъ дѣйствительно въ два часа, во вторникъ — въ три, въ среду — въ четыре, съ четверга на пятницу не ночевалъ дома. Возвратясь домой, онъ засталъ жену въ слезахъ.

— Карпъ!.. Ты не уйдешь больше?.. спросила она, повиснувъ ему на шеѣ и спрятавъ голову на груди.

— Нѣтъ, нѣтъ, мое серденько, только не капризься. И

„Персидскаго марша“ свистать не буду, коли перестанешь ворчать на меня.

И дѣйствительно, хотя „Персидскій маршъ“ и повторялся еще иногда, но за то мѣсяца черезъ три въ немъ не было уже надобности. Мелкія домашнія дрязги какъ-бы не существовали у моихъ сосѣдей. Не смотря на недоразвитость свою, сосѣдка моя поняла, что упрямство мужа—не простое упрямство самодура, а ловкій фор тель любящаго человѣка, силою воли рѣшившагося уничтожить сварливость и капризы избалованной воспитаніемъ женщины. Чудакъ Карпъ Самойловичъ зажилъ съ женою припѣваючи.

НЕЧИСТАЯ СИЛА.

(сцена съ натуры).

Часовъ девять вечера. На улицахъ села Колпина темно, холодно и безлюдно. Только въ трактирахъ нѣсколько свѣтлѣе, теплѣе и оживленнѣе. Группы только что возвратившихся съ завода рабочихъ сидятъ за накрытыми грязными и облитыми скатертями столами и, попивая чай и водку, ведутъ пріятельскую бесѣду, отъ которой у непривыкшаго человѣка лопнула-бы барабанная перепонка. У русскаго человѣка натура широкая, да ужь зато и глотка широкая: вѣчно оретъ благимъ матомъ, точно его пріятели сидятъ не за однимъ съ нимъ столомъ, а разсѣяны по огромному дремучему лѣсу. Не хочетъ сообразить русскій мужичокъ, что если Сидоръ говоритъ по человѣчески, да Карпъ ведетъ свою рѣчь тихо, да Андреянъ не горланитъ точно боровъ, то всякій изъ нихъ дослышитъ и все будетъ ладно, а что если и Карпъ, и Сидоръ, и Андреянъ будутъ орать, горланить и перекрикивать одинъ другаго, то ни одинъ изъ нихъ ничего не услышитъ и не выскажетъ.

Особенно шумно въ трактирѣ, ближайшемъ къ заводу. Едва-ли прусскіе военачальники бываютъ принуждены такъ

надсаживать горло, командуя своими побѣдоноснѣйшими зольдатами, какъ надсаживаетъ его буфетчикъ, отдавая приказанія безпрестранно подбѣгающимъ половымъ. Отъ занимающей всѣ столы комнаты цѣлой оравы рабочихъ рѣзко отличается сидящій въ углу мужиченко съ котомкой за плечами. Тоскливо подперевъ не чесаную голову рукою, онъ съ какою-то грустію смотритъ на свою недопитую косушку и видимо думаетъ думу глубокую. Красныя вѣки его маленькихъ слезливыхъ глазъ какъ-то судорожно мигаютъ и вообще во всей фигурѣ его проглядываетъ затаенное безъисходное горе.

— Что, дядя, пригорюнился?... Али жениться хочешь?... спрашиваетъ, подходя къ мужиченкѣ, подвыпившій молодой парень въ небрежно накинутомъ на одно плечо армякѣ.

Горюнъ глубоко вздыхаетъ.

— Коли холостяцкая жизть надоѣла — не тужи: свою Матрешку за тебя отдамъ. Идетъ, что-ли?... продолжаетъ приставать парень.

— Антонъ!... не лѣзь къ человѣку!... вмѣшивается буфетчикъ. Сидишь за своимъ столомъ, такъ и сиди... Чего приставать-то...

— Я ему, значитъ, свою Матрешку сватаю.

— Эка сваха!... Не просятъ тебя...

— Ну, не растабаривай — живо изъ буфетчиковъ смѣню!.. хочешь жить. такъ живи, а нѣтъ — отмѣтку приноси, дружески остритъ парень.

— Не лѣзь, не лѣзь... Не приставай...

Парень, неизвѣстно для чего щелкнувъ языкомъ, отходитъ, волоча по полу полу чуйки.

— Изъ Питера?... спрашиваетъ буфетчикъ горюна.

— Нѣтъ, милый человѣкъ... Тоись точно что жили въ

Питерѣ... въ каматесахъ, значитъ... А только таперь въ деревню иду...

— Новгородскій?

— Нѣту-ти, мы тверскіе... кашинскіе, значитъ...

— Неужьто пѣшкомъ... на липовой машинѣ?...

— А не знаю, милый человѣкъ... Какъ, значитъ, Богъ приведетъ...

— Да ты что-же въ Колпино-то... Какъ сюды попалъ?..

— Съ машины, милый человѣкъ...

— Изъ Питера?...

— Нѣту-ти, милый человѣкъ... Грѣхъ тутъ вышелъ... Я изъ Химокъ ѣду таперь.

— Изъ Хи-мокъ?... Да, вѣдь, Химки подъ самой подъ Москвой?...

— Точно, милый человѣкъ... Это точно что подъ Москвой...

— Гм... И въ умъ не возьму, право... Сюды въ Колпино-то ты зачѣмъ попалъ?...

— Мать Пресвятая Богородица, должно быть, привела... Нашему Батюшкѣ Николѣ Угоднику свѣчку завтра поставлю...

Буфетчикъ пожимаетъ плечами. Заинтересовавшіеся рабочіе перестаютъ орать и тоже обступаютъ горюна-мужиченку.

— Да ты сюды-то какъ попалъ?... вопрошаютъ они.

— Эхъ, други мои!... Неладное со мною приключилось... Навожденіе дьявольское...

Общее любопытство усиливается.

— Разскажи, землякъ, все доподлинно. Какъ ты сюда попалъ, въ Колпино?... допрашиваютъ всѣ.

— Дьяволъ, милые человѣки, путаетъ, путаетъ... Коли

нашъ Батюшка Никола Угодникъ не поможетъ — ни въ жизть не попасть мнѣ въ свою деревню...

— Что такъ?...

— Право-слово не попасть... Такое ужь попритчилось...

— Да ты когда изъ Питера?...

— Изъ Питера-то я, милые человѣки, денъ шесть будетъ... Все ѣду въ деревню, а только, значитъ, дьяволъ одолѣлъ: попасть не могу...

— Какъ-же такъ?...

— Да все такъ-же.

— Да почему-же не попасть?...

— Да все потому-же... потому, значитъ, что ничего не подѣлаешь... Двадцать три цалковыхъ проѣздилъ — ни-ни, никакъ невозможно доѣхать...

— Гм... премудрость...

— И такая-то, други жаланные, премудрость, что и въ жизть не привидывалъ... За грѣхи за лютые Господь Богъ, должно, наказуетъ... Охъ! согрѣшилъ я, окаянный, передъ Господомъ...

— Какъ-же ты таперь будешь?...

— А ужь и не знаю... На свѣчку только и денегъ осталось... Коли Мать Пресвятая Богородица и нашъ Батюшка Никола Угодникъ помогутъ — пѣшкомъ пойду...

— Плохи дѣла!... денъ девять али и всѣ десять пропрешь...

— Эхъ, други милые!... Не въ эфтомъ дѣло!... Хошь-бы только пройдти-то, а то лукавый опуталъ, ничего не подѣлаешь...

— Да разскажи какъ было дѣло-то.

— Видите-ли, други мои жаланные... На машину я по-

спѣлъ въ Питерѣ какъ слѣдывается быть... Только все у меня это, значитъ, подъ сердцемъ — вотъ энто мѣсто — сосало, точно какъ быдто не быть добру. Тетка Акулина — въ куфаркахъ живетъ — провожала меня, да Ермоха Косоглазый, сусѣдъ по деревнѣ... Вотъ хорошо. Съ ними я зашелъ въ заведеніе. Выпили, значитъ. Взялъ, этто, я полуштофъ съ собою — ну и поѣхалъ...

— А билетъ до коихъ поръ взялъ?...

— До Любани, значитъ, потому мы изъ Любани въ сторону...

— Ну?...

— Ну вотъ я и поѣхалъ. Тешки это было у меня съ полфунта, да ситнаго коровай... Какъ вечерѣть стало — полуштофъ у меня весь... И такая это на меня дума напала про деревню, что и сказать нельзя. Легъ я подъ лавку и лежу эдакимъ манеромъ. Соснулъ маленько, глядь — „Химки!...“ кричитъ кондухторъ... Я такъ и ахнулъ, такъ и выскочилъ изъ подъ лавки.

— Ваше, говорю, благородіе!... Вѣдь мнѣ до Любани!...

Всѣ другіе ѣздоки такъ это и хохочутъ хохотомъ.

— Ахъ ты свиное твое рыло!... говоритъ кондухторъ. — Да какже это ты дрыхнешь такъ!...

Взмолился я тутъ.

— Господи!... да что-же мнѣ дѣлать таперя?

— Вылѣзай вонъ, а завтра возьмешь билетъ назадъ. до Любани.

Тутъ это звонить стали. Ну, выпихнули меня на чужую сторону. Темь такая, да морозъ. Проходилъ это я до утра — катитъ машина. Выпилъ съ горя, други жаланные, два полуштофа, взялъ билетъ до Любани и поѣхалъ. Сижу — ничего

себѣ. Только чувствую — такъ это меня дьяволъ подъ лавку и тянетъ. Хорошо. Немного погодимши, просыпаюсь — купецъ сидитъ въ такой лисьей шубѣ...

— А что, почтенный, близко до Любани?... спрашиваю.

— До Любани?... Сейчасъ Колпино, говоритъ.

— Други жаланные! Такъ это меня даже въ слезы бросило!... Всѣ другіе ѣздоки меня на́-смѣхъ.

— Пріѣхали въ Колпино. Всѣ надо мной хохотомъ хохочутъ.

— Ахъ рыло ты, рыло!... говоритъ кондухторъ, — славный такой человѣкъ: ты-бы, свиное твое рыло, въ заграницу лучше уѣхалъ, дрыхнумши!...

— Вижу — дѣло не ладно. Переночевалъ я тутъ на постояломъ дворѣ. Хорошо. Утречкомъ вытянулъ гривенъ на шесть вина — съ горя это — и поѣхалъ опять до Любани. Пыталъ это я и разговоры заводить, и смѣяться пыталъ — нѣтъ!... Ужъ коли нечистая сила одолѣетъ тебя—ничего не подѣлаешь...

— Опять заснулъ?... спрашиваетъ у разсказчика буфетчикъ.

— И такъ-то заснулъ, что мочи нѣтъ. Вотъ, хорошо — сплю я, и видится мнѣ, быдто я махонькимъ сталъ и быдто лежу въ люлькѣ, а матка моя — давно уже померши — качаетъ быдто меня и пѣсню поетъ унывную... Вдругъ кто-то меня толкаетъ. Смотрю — кондухторъ.

— Билетъ давай. Пріѣхали, говоритъ.

— Куды пріѣхали?... спрашиваю.

— Ну, давай, давай скорѣй!... Ты до Клину?...

— Я, говорю, до Любани только.

— Ахъ ты, говоритъ, рыло: назадъ двѣсти верстъ надо ѣхать!...

Ахнулъ я въ тѣ-поры. Еле дождался утречка, напился съ горя клинской водки, помолился святому угоднику, взялъ билетъ до Любани и поѣхалъ. Ѣду, а лукавый меня такъ и подмываетъ...

— Путаетъ, значитъ, вставляетъ одинъ изъ окружающихъ горюна заводскихъ рабочихъ.

— Путаетъ. Такъ это меня, значитъ, и тянетъ подъ лавку. Одначе я сижу, творю молитву. А тутъ вдругъ лукавый подсунулъ какую-то барыню:

— Позволь, говоритъ она, подложить вотъ этотъ мѣшокъ тебѣ подъ голову... У меня мѣста нѣтъ, а тебѣ будетъ удобнѣй.

— Со всѣмъ, говорю, удовольствіемъ, сударыня.

И подложила. Я, это сижу, да думаю объ деревнѣ, а злой духъ такъ меня и тянетъ, такъ и тянетъ... Крѣпился я долго, одначе проти бѣса не пойдешь...

— Уснулъ опять?!... восклицаетъ буфетчикъ.

— Уснулъ, какъ есть уснулъ. Сплю я такимъ манеромъ и слыхомъ слышу — свистокъ. Поднялъ я голову — остановились.

— Колпино!... кричитъ кондухторъ...

— Ай-яй-яй!... восклицаютъ рабочіе-слушатели.

— Эки дѣла!... Навожденіе дьявольское!... говоритъ, крестясь, буфетчикъ.

— Да, родимые, други любезные, вотъ какъ передъ Богомъ, такъ и передъ вами... Что съ дьяволомъ подѣлаешь?... Чатыре раза проѣзжалъ мимо Любани, а нечистый наводилъ на мою грѣшную душу усыпленіе. И все пріѣзжаю я въ Кол-

пино. Поэтому-по-самому я такъ думаю: чтобы избавиться отъ дьявольскаго навожденія, поклонившись, Николѣ Угоднику поставлю свѣчку.

— Это вѣрно, подтверждаютъ рабочіе.

— Безпремѣнно поставь, говоритъ буфетчикъ.

МАЛЕНЬКІЙ КОМЕНДАНТЪ.

(ПЕТЕРБУРГСКІЙ ТИПЪ).

«Какое ни на есть,
да начальство...»

Тотъ комендантъ, съ которымъ я, читатель, хочу тебя познакомить, — дѣйствительно очень маленькій комендантъ, что́ не мѣшаетъ ему, однако-же, въ стѣнахъ своей небольшой крѣпости проявлять силу, вѣсъ и значеніе, легко могущіе возбудить зависть въ душѣ любаго простаго смертнаго. Простота и умѣренность въ одеждѣ и образѣ жизни нисколько не умаляютъ его вліянія надъ обитателями крѣпости: эти послѣдніе твердо знаютъ, что маленькій комендантъ — сила, что онъ имѣетъ надъ ними чуть не vis gladii, и что изъявленіе малѣйшей непокорности ему совершенно немыслимо. Хотя предки его никогда Рима не спасали, и знатностію своего рода онъ похвалиться не можетъ, но, тѣмъ не менѣе, онъ представляетъ собою такого плебея, передъ которымъ преклоняются, при случаѣ, и патриціи... Ничто за желѣзными воротами своей крѣпости—онъ внутри ея полный властелинъ и творитель суда и расправы. Правда, скромное оружіе его

составляютъ лопата, метла и въ рѣдкихъ только случаяхъ дубина, но онъ силенъ и страшенъ. Хотя на обыденномъ языкѣ его называютъ обыкновенно „старшимъ дворникомъ“, но, по его обстановкѣ, дѣятельности и значенію, мнѣ кажется болѣе справедливымъ присвоеніе ему названія хотя и маленькаго, все-таки коменданта. Я такъ и дѣлаю.

Часъ первый темной февральской ночи. Масляница въ полномъ разгарѣ. Ворота одного изъ многолюдныхъ и многоэтажныхъ домовъ Петербурга, проскрипѣвъ ржавыми петлями, медленно заперлись. Черезъ минуту изъ-подъ калитки ихъ, лѣниво побрякивая ключами, выползъ маленькій комендантъ, тяжело опустился на скамейку, зѣвнулъ, перекрестился и, уткнувъ носъ въ шубу, сталъ дремать.

— Кого надать?... спросилъ онъ черезъ нѣсколько минутъ, очнувшись и увидя, что какой-то молодой человѣкъ ищетъ рукою колокольчикъ.

— Нужно въ этотъ домъ...

— Да нѣшто не видите — я тутъ сижу?...

— Темно, не видалъ... Въ которомъ номерѣ живетъ Амалія?

— Какая такая Амалія?

— Бѣлокурая такая... остренькій носикъ?

— Много ихъ тутъ, бѣлокурыхъ-то, — отседова до Москвы не перевѣшаешь.

— Скажи, пожалуйста, мнѣ очень, очень нужно... Еще, знаешь-ли, пупырышекъ у нея эдакій вотъ на самомъ этомъ мѣстѣ...

— Не знаю; много ихъ тутъ шляется—не запримѣтилъ.

Молодой человѣкъ въ отчаяніи чмокнулъ объ нёбо языкомъ.

— Ахъ ты, Господи! Просто, до крайности нужно... Амалія ее зовутъ...

— Не знаю: много ихъ, этихъ Амаліевъ, у меня въ дому.

— Ахъ ты, Боже мой!... Еще фамилія ея какъ-то эдакъ Штрикъ, Брикъ, Дрикъ, что-ли... или, эдакъ, Брумъ, Трумъ, Крумъ, Срумъ... Остроносенькая такая?...

— Не знаю.

— Пупырышекъ у нее вотъ тутъ... бородавочка эдакая...

— Не знаю — сказано вамъ.

И маленькій комендантъ еще глубже уткнулъ носъ въ шубу.

— Ахъ ты, Господи!... еще отчаяннѣе произнесъ молодой человѣкъ, въ раздумьи медленно отходя отъ воротъ. Неужели надула?... Нѣтъ!... не можетъ быть!... Нечего дѣлать — надо отдать послѣднюю мелочь.

Черезъ секунду маленькій комендантъ ощутилъ въ рукѣ своей двѣ серебряныя монеты.

— Небольшаго, знаешь-ли, росту... Пупырышекъ эдакій... пролепеталъ молодой человѣкъ.

Медленно и съ достоинствомъ поднялся маленькій комендантъ со своего сѣдалища, еще медленнѣе отперъ калитку, и, указывая въ темное пространство, произнесъ:

— Ступайте въ 86 номеръ, на право въ уголъ, по лѣстницѣ, въ четвертый этажъ. Только дворомъ осторожнѣй — не угодите въ помойную яму. Въ-обходъ, значитъ, по лѣвѣй берите... Точно-что остроносенькая... и пупырышекъ есть... Фамилія ейная мамзель Штрукъ. Изъ Риги съ теткой пріѣхала...

На улицѣ стало рѣдѣть. Маленькій комендантъ, назѣвавшись вдоволь и соскучившись преслѣдованіемъ ночныхъ Ванекъ, случайно останавливавшихся у тротуара его дома, зѣвнулъ въ послѣдній разъ во всю ширину рта, взошелъ въ калитку, заперъ ее и улегся на стоявшемъ подъ воротами подобіи дивана. Но недолго ему пришлось пользоваться этимъ dolce far niente: къ воротамъ подошла съ улицы парочка — какой-то франтъ въ пуховой шляпѣ и со стеклышкомъ въ глазу, ведшій подъ руку бѣлокурую дѣвицу, съ огромнѣйшимъ шиньономъ на головѣ.

— Ворникъ! Вари воротъ!... закричала дѣвица.

„Ишь ее!...“ проворчалъ, позѣвывая, маленькій комендантъ, и перевернулся на другую сторону.

— Дворникъ!.. сердито вскричалъ франтъ, дергая звонокъ.

„Не велика фря — подождешь!...“ рѣшилъ про себя маленькій комендантъ и еще слаще зѣвнулъ.

— Ворникъ!... Ворникъ!... пищала дѣвица, звоня очень сильно.

„Ишь — угорѣла барыня въ нетопленной горницѣ! Приспичило ее, окаянную!...“ промелькнуло въ головѣ маленькаго коменданта.

— Экіе черти, можно сказать!... Дворникъ!... совершенно выйдя изъ себя, заоралъ франтъ.

Медленно поднялся маленькій комендантъ и калитка отперлась.

— Что-же ты это, братецъ, такъ долго не отпираешь?

— Чаво долго? Вѣдь не въ прошломъ году звонили!

— Плохо, плохо, братецъ, свою обязанность исполняешь!...

— Ничаво не плохо — знаемъ мы свою обвязанность!..

А вотъ вы, господинъ, на чаекъ-отъ лучше пожаловали-бы — завсегда вамъ какъ слѣдъ отворялъ-бы...

— На чаекъ?!.. экъ ты, любезный, загнулъ!... Полчаса держитъ на морозѣ — и на чаекъ!... Опомнись, другъ любезный!...

И франтъ, влекомый за руку своею бѣлокурой подругой въ темное пространство, очень мило улыбался легкомысленности маленькаго коменданта.

— Сюди, сюди, тамъ упадейтъ... помойный ямъ... твердила заботливая спутница его. Держійтсь за моя рука.

„Ишь шалодрыжный!...“ проворчалъ себѣ подъ носъ маленькій комендантъ. „И на чай не даетъ! Погоди-жъ ты— проморю я тебя, какъ ужо назадъ пойдешь!... Самъ уйду, а подъ ворота Арапку пущу!...“

И дѣйствительно, не болѣе какъ черезъ четверть часа франтъ со стеклышкомъ ощупью спускался по темной лѣстницѣ съ пятаго этажа. Боязнь смерти была въ такой степени присуща этому молодому человѣку, что онъ, не жалѣя своихъ палевыхъ перчатокъ, совершалъ путешествіе внизъ на четверенькахъ и съ чрезвычайною медленностію. Наконецъ, причинивъ себѣ нѣсколько незначительныхъ ссадинъ на лбу, не обѣщающихъ, впрочемъ, вредныхъ послѣдствій для его здоровья, и отвѣдавъ немного помойной ямы, онъ добрался таки до воротъ и довольно смѣло углубился подъ темную и длинную арку ихъ.

— Рррррр... послышался вдругъ голосъ Арапки.

Франтъ бросился назадъ.

— Дворникъ!... Дворникъ!... моллъ онъ.

„Хе, хе, хе!...“ подсмѣивался маленькій комендантъ, лежа на жарко-натопленной печи дворницкой.

— Дворникъ!... Дворникъ!... О, Господи!... Холодъ какой!...

А маленькому коменданту тепло. Лежитъ-себѣ, да посмѣивается...

Пробовалъ ужъ несчастный молодой человѣкъ бросать сердитому Арапу оказавшіеся въ пальто конфекты, взятые утромъ у Рабона, пробовалъ дѣйствовать даже лестью, называя Арапа „хорошенькою собачкой“, но сей послѣдній оказался неподкупнымъ, какъ Фабрицій.

Черезъ два съ половиною часа маленькій комендантъ сжалился и отперъ ворота крѣпости неопытному и неосторожному въ обращеніи молодому человѣку...

Утро. Въ ворота многоэтажнаго дома тихо вползаетъ возъ съ домашней рухлядью небогатаго чиновника. На возу, съ самоваромъ въ одной рукѣ и двумя канареечными клѣтками въ другой, помѣщается увѣшанная кардонками миловидная горничная чиновника, она-же и кухарка.

— Откуда?... лаконически спрашиваетъ маленькій комендантъ, высовываясь изъ своей подворотни и обращаясь къ ломовому въ красной генеральской жилеткѣ.

— Съ Песковъ, зничитъ.

— Ладно. Вороти на лѣво въ уголъ, въ 44 номеръ. Сьчасъ подрушному велю ключи принесть.

Къ вечеру смазливая горничная съ ямочками на щекахъ черезъ каждыя пять минутъ забѣгала мимо рѣшетчатаго окна дворницкой, кокетливо повиливая хвостомъ и, къ великому соблазну лакеевъ, почти до колѣнъ открывая толстыя лапы, обутыя въ сѣрые и не по сезону легкіе ботинки.

— Какія у васъ, барышня, антиресныя ямочки... закидываетъ стоящій у подъѣзда генеральскій лакей.

— Пожалуйста, безъ глупостевъ, низкій мужчина!... огрызается горничная.

— Я, вѣдь, не на счетъ чего-нибудь... на щечкахъ ямочки...

— Сами себя не безпокойте—животъ не надрывайте!..

Еще два-три дня — и чиновничья горничная дѣлается предметомъ воздыханій трехъ лакеевъ, двухъ поваровъ и даже одного кучера. Сердца трещутъ, нѣмые, страстные взгляды пронизываютъ прелестную дѣву насквозь, но прелестная дѣва остается неприступна и добродѣтельна.

Если вы, милостивые государи, подумаете, что маленькій комендантъ остается равнодушнымъ зрителемъ красотъ чиновничьей Дуняшки, то, смѣю васъ увѣрить, жестоко ошибетесь онъ далеко не врагъ истинно-эстетическихъ побужденій, и если, повидимому, довольно пассивно относится къ чарующей цѣлый околодокъ прелестницѣ-горничной, то это именно потому, что онъ — маленькій комендантъ. Ему кажутся смѣшными вздохи всѣхъ этихъ обожателей; онъ твердо знаетъ, что одно его могучее слово имѣетъ значенія гораздо больше, нежели всѣ эти сладкія рѣчи, грецкіе орѣшки и воздыханія.

— За сливочкамъ?... съ достоинствомъ и очень сдержанно вопрошаетъ онъ вечеркомъ Дуняшу, наткнувшись на нее подъ темною аркой воротъ.

— Ай, страсти!... Кто это?!..

— Не пужайтесь, это я — старшій, значитъ, дворникъ.

— Ахъ ты, Господи!... Страсти, какъ содрогнулось все тѣло!...

— Ничаво — хе, хе, хе!... Очинно часто васъ господа-то гоняютъ...

— Черти проклятые!... Самъ-то еще ничто, а ужъ

ейному карахтеру не потрафишь ни въ жисть, право ну, ей-Богу!...

— Главная причина — за однимъ разомъ не посылаютъ — вотъ что!...

— Да, именно. То въ мелочную, то въ сливочную. то письмо отнеси, то въ булочную — срамъ просто, всѣ ноги отобьешь...

— Варвары!... Такого анделочка мучаютъ.

И лапа маленькаго коменданта, вмѣстѣ съ вонючимъ рукавомъ тулупа, ищетъ страстныхъ объятій...

— Душа-анделъ... Дай разокъ... поцаловать... Пцалуй...

— Ахъ, чтой-то вы!... какой мужчина...

— Пцал-уй... Дай щеку-то розову...

И даетъ, бѣдняга, даетъ щеку розову, потому ничего не подѣлаешь — сила... Хоть отвернувъ рыло, а все-таки подставитъ щеку: никакъ невозможно иначе. Попробуй-ка оппонировать въ этомъ случаѣ маленькому коменданту—эге!... Все равно, значитъ, что отмѣтку приноси. Двухъ дней не дастъ жить — выживетъ изъ дома.

Да-съ! Истинно говорю вамъ, милостивые государи, что какой-нибудь владѣтельный князекъ какого-нибудь Саксенъ-Мейнингенъ-Гильзъ-Бургсъ-Гаузена не пользуется во владѣніяхъ своихъ такимъ вліяніемъ и силою, какими пользуется въ своихъ мой маленькій комендантъ.

Извѣстно, напримѣръ, что нѣкоторыя дѣвицы, пріѣзжающія къ намъ изъ Пруссіи или Остзейскихъ губерній, очень любятъ кавалеровъ. Слова нѣтъ — люби кавалеровъ, на это запрету въ образованномъ государствѣ нѣтъ, да только знайже и честь, уважай предержащія власти. А то припретъ въ

Петроградъ на послѣдніе зильберъ-гроши какая-нибудь Клара, Августа или Кунигунда, да туда-же въ амбицію вламывается.

— Зайдите, барышня, папиросочку покурить, говоритъ, напримѣръ, маленькій комендантъ какой-нибудь эдакой новопріѣзжей Кунигундѣ, лукаво подмигивая на дворницкую, — тамъ поцалуемся...

— Ахъ ти мужикъ съ грязный сапога!... Какъ-ти меня смѣйль такой вещь гавайрить!?.. Балванскій рожь!!..

— Я, вѣдь, только такъ... предлогъ одинъ дѣлаю, не серчай — бархатенъ бурнусъ лопнетъ!... Почище тебя видали!...

— Фуй!... русскій швейнъ!...

— Ладно, финдирюха поганая!... Принесешь у меня отмѣтку, коли жить по чести не умѣешь!... пускаетъ въ слѣдъ разфраченой Кунигундѣ маленькій комендантъ.

— У-у-у русскій зобакъ!!.. оборачиваясь, зло шипитъ Кунигунда.

Такимъ неделикатнымъ обращеніемъ неопытная Кунигунда подписываетъ приговоръ свой. Маленькій, но грозный комендантъ рѣшилъ уже въ умѣ своемъ, что непокорной нѣмецкой дѣвѣ жить у него не слѣдъ. За измышленіемъ путей къ изгнанію гордой иноземки изъ своихъ владѣній маленькому коменданту ходить далеко нечего: два три дня — и кончено. Воду, по порученію маленькаго коменданта, подручный приноситъ тогда, когда несчастной Кунигундѣ слѣдовалобы уже быть умытой и пить кофе; дрова-же въ то самое именно время, когда габеръ-супъ, штокфишь, форшмакъ и картофель должны-бы были упрѣть, а прелестныя для нѣмецкаго желудка блюда „гутъ-моргенъ-видеръ“ и „шпекъ-кухенъ“ — совершенно развариться, разжариться и обра-

титься въ ничто, то-есть въ „гаръ-нихтсъ“. Кунигунда плачетъ, Кунигунда злится, Кунигунда негодуетъ на своего эксплуататора, и не знаетъ, бѣдная, что этотъ послѣдній только началъ свое гоненіе.

— Не знаешь-ли, любезный... тутъ, въ 22 номерѣ, дѣвица Кунигунда жила?... спрашиваетъ, напримѣръ, какой-нибудь ловеласъ.

— Выѣхадши, нѣтути. Отвѣчаетъ маленькій комендантъ.

— Куда?

— За-городъ выписалась — въ нѣмечину, значитъ, взадъ уѣхала.

— Экая досада!... И ловеласъ удаляется.

Случалось, напримѣръ, что какой-нибудь молодой джентльменъ, выпивъ у гостепріимной Кунигунды нѣсколько лишнее и подравшись съ товарищемъ, высадилъ лбомъ оконную раму, — что тутъ дѣлать?

— Пожальстъ, неси сюди стэкольный мастеръ! молитъ Кунигунда принесшаго воду подручнаго.

— Ладно. Ужо скажу старшому.

Три дня и три ночи въ квартирѣ Кунигунды дуютъ вѣтры буйные и трещатъ морозы крещенскіе, да ничего не подѣлаешь — сила.

Или, напримѣръ, подходитъ непокорная иностранка ко владѣніямъ маленькаго коменданта не одна, а подъ руку съ какимъ-нибудь Донъ-Жуаномъ.

— Вамъ, господинъ, нельзя, загораживая дорогу, говоритъ маленькій комендантъ.

— Какъ ти смѣйшь?! взвизгиваетъ Кунигунда.

— А такъ и смѣю — нельзя, ночная пора.

— Ти есть глюпій!... Сейчасъ Берта ходилъ съ ка-

вальеръ, Клара, Фредерика, Іоганна — всѣ съ кавальеръ ходилъ!

— У тѣихъ билеты есть — хошь десятокъ приведи.

— Какой бильетъ?

— А такой, что коли у тебя нѣтъ, такъ сьчасъ въ участокъ отправлю — вотъ тебѣ и сказъ! Коли любишь мущинскую компанію, такъ билетъ должна имѣть.

Кунигунда, какъ вѣрная подруга жизни, не хочетъ покинуть своего спутника и насильно тянетъ его подъ ворота.

— Ладно, веди! говоритъ, язвительно улыбаясь, маленькій комендантъ.

Кунигунда торжествуетъ, но не надолго: не успѣетъ она еще скинуть пальто, какъ въ квартиру ея является маленькій комендантъ въ сопровожденіи подручнаго и городоваго.

— Вотъ энта самая, говоритъ онъ, указывая на трепещущую иностранку: — пачпортъ ейный чистый, а кавалерію водитъ.

— Веди въ участокъ,—лаконически произноситъ городовой, обращаясь къ подручному.

Необдуманно поступившая иноземка упирается и ногами, и руками, а Донъ-Жуанъ, уперевъ руки въ бока, грозно накидывается на маленькаго коменданта.

— Какъ ты смѣешь!! оретъ онъ.

— Не орите, баринъ, горлышко надорвете, спокойно отвѣчаетъ маленькій комендантъ. — Бери ее!

Донъ-Жуанъ входитъ въ паѳосъ.

— Не смѣть! Я беру ее на поруки!

— Не орите, господинъ, —въ части-то мѣсто и про васъ есть.

— Ахъ ты олухъ! Ты знаешь — я генеральскій сынъ!

— Намъ все одно... Тащи ее!

Кунигунда, растрепанная и дико сверкающая глазами, вырывается изъ объятій подручнаго и городоваго. Донъ-Жуанъ мечетъ зрачками молніи, отталкиваетъ дерзкихъ, бьетъ себя кулакомъ въ грудь и кричитъ, что онъ генеральскій сынъ.

— Э, да чего съ ними возиться!... Бери обоихъ на бичевку! провозглашаетъ маленькій комендантъ...

— Вы меня звали, баринъ? говоритъ маленькій комендантъ, входя въ одну изъ небольшихъ квартиръ дома и обращаясь къ занимающему ее господину ухарской наружности.

— Да-а... Видишь-ли, любезный, тутъ есть маленькое обстоятельство... Одинъ мерзавецъ... Да ты свободенъ-ли?

— Ничего-съ, слободенъ.

— Видишь-ли... Одинъ мерзавецъ... Не хочешь-ли водочки?

— Если милость ваша будетъ.

— На, выпей. Видишь-ли: одинь мерзавецъ вздумалъ подать на меня мировому судьѣ исковую жалобу...

— Тэкъ-съ.

— И по этой жалобѣ... Не хочешь-ли еще рюмочку?

— Коли милость будетъ. Потребляемъ.

— Пей, пей. И по этой жалобѣ получилъ, свинья эдакая, исполнительный листъ. Понялъ?

— Тэкъ-съ.

— Ну, теперь онъ, какъ я слышалъ, хочетъ меня на казенныя квартиры... Понялъ?

— Хе-хе, какъ не понять!

— Такъ вотъ, видишь-ли, нельзя-ли какъ-нибудь это обдѣлать... Вотъ тебѣ пока красненькая.

— Благодаримъ покорно. Небели-то у васъ точно-что есть малая толика, да только это ничего: въ полковницкій сарай велю поставить.

— Нѣтъ, душа моя, не то. Этотъ мерзавецъ, видишь-ли, имѣетъ на меня неимовѣрнѣйшую злобу и непремѣннѣйше хочетъ усадить въ Тарасовку... Понялъ?

— Тэкъ-съ. Ну, если на этотъ манеръ, такъ выпишу васъ за́-городъ, подальше куды-нибудь.

— Вотъ, вотъ именно. Въ Иркутскъ, эдакъ, или, тамъ, въ Тифлисъ, въ Нахичевань — подальше.

— Въ Аршаву много насчетъ этихъ дѣловъ выписываются. А только вы, баринъ, не очень долго...

— Нѣтъ, нѣтъ, голубчикъ!... Я вѣдь, собственно, на нѣкоторое время только, а то я въ самомъ дѣлѣ думаю уѣхать... климатъ здѣшній мнѣ вреденъ, видишь-ли... Такъ выпишешь?...

— Будьте благонадежны.

И на другой день по справкамъ адреснаго стола ухарь оказывается уѣхавшимъ въ Варшаву, хотя преспокойно продолжаетъ жить во владѣніяхъ того-же маленькаго коменданта. Проходитъ такимъ образомъ недѣля.

— На чаекъ-бы, коли милость ваша будетъ... произноситъ маленькій комендантъ въ началѣ слѣдующей недѣли, при возвращеніи ухаря съ поздняго гулянья.

— На, на, голубчикъ, морщясь говоритъ ухарь.

Проходитъ еще дня три. Ухарь живетъ, но ни на чай, ни на водку не даетъ.

— Баринъ... Пора-бы вамъ, значитъ, выѣхать... Того и гляди — влопаюсь я, говоритъ ему снова маленькій комендантъ, при встрѣчѣ въ воротахъ.

— Скоро, скоро, душа моя... Видишь-ли: вещей нѣкоторыхъ не успѣлъ еще закупить... Да и тетка, знаешь-ли, больна — неловко...

— Опять-же намъ до этого нѣтъ дѣла... Шутка-ли— вторая недѣля...

— Ну, ну, полно шутить... Вотъ тебѣ полтинничекъ.

— Благодаримъ покорно.

Ухарь насвистываетъ пѣсенку и спокойно возвращается домой. Но вѣдь въ Петербургѣ, при дороговизнѣ жизни, полтинникомъ долго не проживешь: еще три дня — и маленькій комендантъ снова заговариваетъ, но уже рѣзче:

— Господинъ!... Сказано вамъ — выѣзжайте!... Не могу-же я безъ прописки держать васъ!... У меня головато, вѣдь, одна!...

И пойдутъ, такимъ образомъ, мелькать полтинники, пока карманъ ухаря и терпѣніе маленькаго коменданта не истощатся. Тогда приходитъ время ухарю перестать беззаботно насвистывать веселыя пѣсенки и отлынивать отъ Тарасовки. Маленькій комендантъ рѣшаетъ выжить его изъ своихъ владѣній — и несчастный, преслѣдуемый злыми людьми, молодой джентльменъ попадаетъ въ лапы неумолимаго врага — кредитора, если только не успѣетъ, раздобывшись у добряка Карповича деньжатами, умаслить оными коменданта другой крѣпости и укрыться за ея желѣзными запорами...

И такъ всегда и во всемъ. Маленькій комендантъ не спускаетъ никому изъ непокорныхъ обитателей его крѣпостцы, если только установленныя имъ, и освященныя временемъ, контрибуціонныя правила выполняются плохо. „Хочешь жить—

такъ живи, а нѣтъ — такъ отмѣтку приноси“ — девизъ маленькаго коменданта, которымъ онъ заручается въ примѣненіи ко всѣмъ безразлично.

У васъ, напримѣръ, читатель, есть жена, дѣти, хорошенькая квартирка, и нѣтъ только одного — лишнихъ денегъ (чего, впрочемъ, вамъ не желаю, потому что самое слово „лишнія“, по отношенію къ деньгамъ, немыслимо: чѣмъ ихъ, милыхъ сердцу каждаго гражданина, больше — тѣмъ лучше). Вы, положимъ, ведете такую бесѣду съ вошедшимъ къ вамъ маленькимъ комендантомъ:

— Что скажешь, голубчикъ?...

— Да за прописочку, значитъ...

— А-а!... А сколько слѣдуетъ?...

— Сколько, значитъ, положить изволите.

— Какъ!... Да, вѣдь, есть такса?...

— Такъ то такъ, а только старшему дворнику на чаекъ-бы...

— Ну, это, братъ, извини: лишнихъ денегъ нѣтъ.

Первый шагъ къ немилости маленькаго коменданта сдѣланъ. Вы уже попали въ опалу и выйдти изъ нея очень, очень трудно. Стóитъ вамъ, поздно возвращаясь изъ гостей, изъ клуба или отъ Марцинкевича (смотря по тому, гдѣ вы больше бываете), нѣсколько разъ не оплатить причиненное коменданту безпокойство — и вы должны искать другую квартиру. На васъ станетъ сыпаться цѣлый рогъ изобилія нападокъ и притѣсненій. Воду и дрова вамъ будутъ приносить такъ-же исправно и своевременно, какъ несчастной Кунигундѣ; у воротъ, звоня во всѣ колокола, вы будете простаивать подъ дождемъ или на морозѣ по цѣлому часу; собачка вашей супруги, красивенькая Амишка или Бьюти, будетъ тер-

пѣть всякаго рода преслѣдованія и даже, наперекоръ правиламъ Общества для покровительства Амишкамъ, въ одно прелестное утро не досчитается одной задней ноги; ваша вѣрная кухарка Марѳа, такъ хорошо приготовляющая пирѳги съ капустой, будетъ сманена къ сосѣду-чиновнику, а печки, замки, крючки и прочее будутъ у васъ въ такой исправности, въ какой они пребываютъ въ домѣ Вяземскаго. Вы не врагъ себѣ — и до такой опалы себя, вѣроятно, не доведете. Выходя утромъ изъ дома, вы скажете, разумѣется, маленькому коменданту:

— Здравствуй, голубчикъ. Постаиваешь?...

— Да-съ, ужъ наше дѣло такое...

— Да-а... Погодка славная...

— Точно такъ-съ...

А возвращаясь изъ гостей или изъ клуба, вы, какъ зла себѣ не желающій, позвоните и потомъ, входя въ калитку, промолвите:

— Извини, голубчикъ, часто тебѣ спать не даю... Вотъ тебѣ двугривеничекъ...

И совѣтую, потому что маленькій комендантъ это очень любитъ. Онъ къ этому привыкъ съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ добился до сана маленькаго коменданта; ему иначе и быть нельзя, потому что, пожалуй, пробывъ нѣсколько лѣтъ сряду въ своемъ почетномъ званіи и поѣхавъ въ деревню, онъ не могъ-бы себѣ выстроить двухъ-этажнаго дома съ зелено-красно-синими ставнями, а это ужъ куда-какъ не хорошо...

Ну, — не сила-ли маленькій комендантъ?...

„НИКОГДА НЕ БУДУ!!!“

Лошади, казалось, сочувствовали моему нетерпѣнію, дружно свертываясь клубкомъ и обдавая кибитку густымъ облакомъ снѣжной пыли.

— Э-э-эхъ, други!... вскрикивалъ невыразимо громко и нараспѣвъ ямщикъ, мѣрно поводя рукавицею и по временамъ такъ исправно дѣйствуя плетью, что я ни за что не хотѣлъ бы быть его другомъ.

Чуя близость станціи, и мой возница, и лошади все болѣе горячатся. Отъ быстроты ѣзды буквально духъ захватываетъ.

— Ну-у-у, умерла, что-ли!... Э-эхъ!

Ямщикъ оборачивается, кокетливо приподнимая шапку.

— Позвольте, баринъ, душу отвести.

— Какъ „душу отвести?“

— Разудалую, батюшка, затянуть, коли не противно вашей милости.

— Затягивай, затягивай.

Ни а-ды-на-то въ по-о-ли
Дорожка проли-га-а-а-а-ла-а!

— Эхъ, съ горки на горку — дастъ баринъ на водку!... У-лю-лю-лю-лю!...

Проѣхали длинную лѣсную просѣку — дорога повернула вправо, а вдали, на горизонтѣ, завиднѣлся домикъ съ красной крышей — станція.

Гаркнулъ Ларіонъ, медленно проплыла въ воздухѣ рукавица и какъ угорѣлыя бросились лихія лошади въ гору.

— Э-э-э-эхъ, душегубцы!...

Круто повернули черезъ мостикъ... Тиррру!...

— Ай-да Ларивоха!... послышалось изъ собравшейся кучки ямщиковъ. — Кульеръ!.. право слово, кульеръ!.. Чайку накушаетесь, батюшка, али сейчасъ закладать?...

— Запрягайте. Я зайду только трубку выкурить.

Зашелъ. На станціи Митяево комната для проѣзжающихъ — не въ обиду будь сказано другимъ станціямъ — такая чистенькая, теплая, уютная; псиной совсѣмъ не воняетъ и лицо у станціоннаго смотрителя такое доброе... Вообще очень пріятно, хорошо и уютно, а главное — нѣтъ ничего этакого обыденнаго, надоѣвшаго своею неизмѣнностію, казеннаго: маятника совсѣмъ не слышно, на стѣнѣ не ѣздитъ Кутузовъ въ зеленыхъ штанахъ и на голубой лошади, а на глазахъ смотрителя тафтянаго зонтика какъ не бывало... Вообще — прекрасная комната для проѣзжающихъ.

А въ другой, рядомъ съ нею, на столѣ, накрытомъ красивою цвѣтною скатертью, кипитъ чистенькій самоваръ, и чай разливаетъ такая смотрительская дочка, что, не будь тутъ батюшки, сейчасъ-бы, кажется, сдѣлалъ предложеніе...

Черезъ пять минутъ я уже сидѣлъ за чаемъ и толковалъ со смотрительской дочкой, черномазенькой и черноглазой Мотей.

Въ комнату вошелъ красивый мужикъ; остановясь въ дверяхъ, онъ сталъ переминаться съ-ноги-на-ногу и какъ-то умильно посматривать на меня. Ясно было, что онъ пришелъ ко мнѣ.

— Что тебѣ надо? спросилъ я.

— Староста на чаекъ пришелъ просить, батюшка...

— Гдѣ староста?...

— Я самый и есть.

— Да за что-же тебѣ на чаекъ?

— Ларивонъ прокатилъ вашу милость, сами изволите знать, лихо... Чалую, что на правой пристяжкѣ шла, индо запалилъ совсѣмъ. Корму не пріймаетъ: гораздъ умаялась, сердешная...

— Но вѣдь ты не Ларіонъ?

— Такъ-то такъ...

— Такъ за что-же тебѣ на чай?

— Да коли милость ваша будетъ...

Но моя милость посовѣтовала старостѣ обратиться къ законамъ логики. Даже на щеки хорошенькой Моти, привыкшей къ подобнымъ сценамъ, набѣжали ямочки.

— Ступай, Сидоръ, какой ты безсовѣстный, сказала она довольно строго.

Староста почесалъ за ухомъ, неохотно повернулся и вышелъ.

Едва вышелъ Сидоръ, въ комнату какъ угорѣлый вбѣжалъ ямщикъ съ сумкой на груди, парень лѣтъ шестнадцати, ѣздившій, вѣроятно, съ эстафетой.

— Барышня! никакъ окаянный ѣдетъ!

Бѣдная Мотя поблѣднѣла.

— Врешь!... произнесла она недовѣрчиво.

— Право слово, ѣдетъ! сейчасъ умереть — ѣдетъ! божился оторопѣвшій ямщикъ. Недалече отъ Растеряева мужички балабинскіе повстрѣчались, — встрѣчу, значитъ, шли... „Мотрико, говорятъ, Тереха, вашъ-отъ расприкрасный, да разлюбезный катитъ“. А мнѣ то не въ догадъ, выходитъ... Какой-такой, думаю, разлюбезный? Анъ глядь — четверикъ это такъ и накачиваетъ, паръ такъ и валитъ. Смотрю — Микитка Карноухій, кажись, на козлахъ сидитъ. Я вижу — дѣло не хвали. Взялъ это, прицѣпилъ покрѣпче штафету, да сломимши голову сюды... Скажите тятенькѣ скорѣича!...

— Да ты, можетъ, обознался, Тереха?...

— На этомъ мѣстѣ провалиться — не обознался!... Воронка взмылилъ совсѣмъ. Скажите, барышня, тятенькѣ!...

Мотя бросилась въ дверь разбудить отца.

Я остался одинъ и въ совершенномъ недоумѣніи. Какая причина испуга моей миленькой собесѣдницы, что̀ заставило Тереху взмылить Воронка и наконецъ, кто этотъ „окаянный“ — для меня это осталось совершенной тайной.

Наконецъ, скоро все объяснилось. Въ комнату вошелъ ямщикъ съ чрезвычайно пасмурной и угрюмой наружностью.

— Смотрителя нѣту-ли? спросилъ онъ у меня флегматически.

— Нѣтъ; а зачѣмъ тебѣ?

— Пришелъ сказать, что хоша и мой чередъ, одначе я съ каторжнымъ не поѣду. Хошь убей — ни въ жизть не поѣду.

— Почему?...

— Да все потому-же.

— То есть почему?...

— Да потому, что какъ ежели которому человѣку, при-

мѣрно, разобьютъ морду, такъ энтотъ самый человѣкъ, послѣ всего этого обстоятельства, никуда не должонъ годиться.

Философъ сквозь зубы плюнулъ.

— Ты правъ, сказалъ я, — но какъ-же онъ смѣетъ драться и за что?

— За что?... Да все за тоже.

— То есть, за что?

— А за то-же за самое, что ты наровишь ему всякое угожденіе сдѣлать.

— Онъ не смѣетъ драться, повторилъ я.

— Не смѣетъ?... Нѣтъ ужь мнѣ не впервой ѣздить съ нимъ, видалъ я энти виды-то. Вотъ и лѣтось онъ мнѣ неудовольствіе сдѣлалъ: рожа и по-таперь не засохла, такъ искровянилъ.

— Гм... Странно... Но кто-же онъ такой?

— Кто, онъ-то?... А шутъ его знаетъ. Надо быть, помѣщикъ, а по нашему — чортовъ сынъ.

— Но кто-же ему позволяетъ?

— Кто позволяетъ?... Извѣстно, самъ себѣ позволяетъ. У собаки собачьи и обстоятельства. Эко диво — помѣщикъ! скрозь насъ и генералы ѣздятъ — и тѣ ничего. Какъ разсерчаетъ — благородно ударитъ разъ али два по уху, и чуствуешь, потому въ человѣкѣ чуствительность есть. А энта собака такъ и наровитъ, какъ-бы человѣку какое ни наесть неудовольствіе или тамъ непріятность сдѣлать. Что съ него возьмешь?... Лошадь загонитъ — деньги на столъ. „Хошь всю тройку“, говоритъ, „загоню“. А у самаго пѣна такъ изо рта и валитъ, словно у чалаго, что съ вами на пристяжкѣ шелъ.

Сказавъ послѣднія слова, заключавшія тонкій компли-

ментъ моей особѣ, философъ обратился къ вошедшему смотрителю.

— Скажите, батюшка, Пантюхѣ-Колчаногому, али Васькѣ протасовскому ѣхать: я не поѣду.

— Какъ не поѣдешь?

— Да такъ и не поѣду. Сегодня не охота быть битымъ.

— Да вѣдь твой чередъ?

— Что энто мой чередъ?... Быть битымъ-то? А эво-на что?

Философъ указалъ пальцемъ на щеку.

— Кого-же я пошлю? съ отчаяніемъ спросилъ старичекъ-смотритель.

— Какъ, кого? Васька протасовскій не битъ — пущай отвѣдаетъ... А то жеребіи бросить...

Но въ комнату ввалилась куча ямщиковъ.

— Я не поѣду, провозгласилъ одинъ изъ нихъ, выступивъ впередъ.

— И я не поѣду!

— И я!

Смотритель растерялся.

— Я васъ перепорю всѣхъ! закричалъ онъ.

— Какъ угодно вашей милости, воля ваша. Завсегды готовы сдѣлать удовольствіе вашей милости, а съ каторжнымъ не поѣдемъ. Сказано: не поѣдемъ — и не поѣдемъ.

— Твой чередъ — ты долженъ ѣхать, обратился смотритель къ философу.

— Не поѣду, мрачно и лаконически отвѣчалъ тотъ.

— Такъ что-же это, наконецъ? Самому мнѣ ѣхать, что-ли?...

— Опять-таки я энтаго не знаю, потому какъ вашихъ дѣловъ мнѣ не слѣдъ знать; но одначе какъ онъ можетъ мнѣ убивство причинить или рѣшить меня жизни — и, значитъ, я не поѣду.

Долго еще продолжался споръ между смотрителемъ и ямщиками. Не смотря ни на увѣщанія, ни на угрозы начальника, ни Пантюха-Колченогій, ни Антонъ-Зубодеръ, ни Васька протасовскій рѣшительно не изъявляли желанія ѣхать, говоря, что имъ „не охота быть битыми“. Больше-же и рѣшительнѣе всѣхъ отстаивалъ свою независимость философъ, хотя на него, какъ очереднаго, напали всѣ ямщики. Во все продолженіе сцены онъ сохранялъ видъ невыразимо мрачный, апатичный и, вмѣстѣ съ тѣмъ, рѣшительный: отвѣты его были коротки, но отъ нихъ вѣяло такимъ упорствомъ, что даже я, человѣкъ посторонній, заранѣе былъ увѣренъ въ безполезности нападеній.

— Я тебя отдеру! топнувъ ногою, кричалъ смотритель.

— Дерите, Макаръ Сидорычъ, потому мнѣ не въ примѣръ пріятнѣе для васъ удовольствіе сдѣлать, ничѣмъ какъ подражать окаянному. Вотъ что.

— Да чтожь ты, и впрямь, Ермоха, куражишься! напали ямщики.

— Не куражусь я, а только какъ, значитъ, нѣтъ маво жаланія ѣхать — и не поѣду. Вотъ что.

— Да наплевать-те въ бороду, что не поѣдешь! чортова голова, право!...

Но ничто не помогало, ничто не могло поколебать геройскій стоицизмъ Ермохи. Онъ повторилъ еще нѣсколько разъ свое „не поѣду“, подтвердилъ это рѣшительнымъ „вотъ что“ — и отошелъ въ сторону, какъ человѣкъ, сдѣлавшій свое. Зная

уже, вѣроятно, характеръ Ермохи, ямщики оставили его въ покоѣ и продолжали ругаться между собою.

Мое удивленіе съ каждой минутой возрастало: я никакъ не могъ понять причины такого упрямаго и единодушнаго сопротивленія ямщиковъ приказаніямъ смотрителя. Я съ любопытствомъ слѣдилъ за дальнѣйшимъ ходомъ препинаній цѣлой кучи ямщиковъ между собою.

— Спрячьтесь, тятенька! кажется, ѣдетъ! пугливо закричала вбѣжавшая Мотя.

„Тятенька“ оторопѣлъ. Видно было, что онъ далеко не прочь отъ желанія улизнуть.

— Да что это за господинъ? спросилъ я у Моти.

— Ужасный!... Вообразите, онъ прошлаго года хотѣлъ у тятеньки носъ оторвать!...

— Но-о-о-съ отор-ва-а-ть? спросилъ я очень протяжно.

— Да-съ. Тятенька ужъ въ чуланъ спрятались. Пѣна, знаете-ли, изо рта, какъ у сумашедшаго, а самъ такъ и лезетъ, такъ и лезетъ... „Я“, говоритъ, „тебя съѣмъ и въ тартарары упрячу!“ и разныя этакія непріятности говоритъ, что даже дѣвицѣ слушать нехорошо... А разъ прибилъ. Ну, сами посудите, вѣдь тятенькѣ это непріятно: они все равно, что чиновникъ!... Слышите-ли: вези его непремѣнно тридцать верстъ въ часъ! человѣкъ вдвое умнѣе лошади и то не можетъ бѣжать 30 верстъ въ часъ.

— Но какже носъ-то онъ смѣетъ оторвать?

— А вотъ, подите-же, комически-важно началъ смотритель: — такъ и лезетъ. „Я, говоритъ, носъ тебѣ оторву!...“ ну, вникните вы: какъ онъ можетъ этакую пакость сдѣлать?

вѣдь я пользуюсь правомъ четырнадцатаго класса, вѣдь это мнѣ непріятно!...

Смотритель разгорячился.

— А ругательствовъ сколько надѣлаетъ, вмѣшалась хорошенькая Мотя: — Всякихъ этакихъ мерзостей наговоритъ, облаетъ, что ни есть хуже.

— Лошади готовы, сказалъ вошедшій ямщикъ.

Я простился съ Мотей и пользующимся правомъ четырнадцатаго класса тятенькой ея и вышелъ. Въ темномъ коридорѣ остановилъ меня молодой парень.

— Что-же на чаекъ-то, батюшка, сказалъ онъ, вертя въ рукахъ шапку и потупившись.

— За что тебѣ на чаекъ?

— Да Ларивоха, выходитъ, мнѣ сусѣдъ по деревнѣ...

— Да ты-то что?

— Кто, я то-съ?... Да я ничего...

— Ну, такъ что-же?

— Да ничего... А только коли милость ваша будетъ...

Я засмѣялся и пошелъ дальше. У подъѣзда уже стоялъ дорожный рыдванъ свирѣпаго проѣзжающаго. Нѣсколько поодаль отъ него стояла освѣщенная фонаремъ группа ямщиковъ, съ участіемъ окружавшая собрата своего по профессіи, привезшаго, какъ видно, рыдванъ, потому что лицо его было въ слезахъ и мѣстами въ крови.

Я сѣлъ въ сани.

— Такъ что-же на чаекъ-отъ, батюшка... услышалъ я изъ глубины окружавшаго меня мрака.

— Кому?

— Да мнѣ-то-съ...

— До кому „тебѣ?“

— Старостѣ, значитъ...

— Садись скорѣе, ямщикъ! сказалъ я, оставивъ безъ вниманія голосъ изъ глубины мрака.

— Такъ, значитъ, и не дадите?...

— Такъ и не дамъ.

— Эхъ-ма!... скупые господа, проговорилъ, почесывая заухомъ, староста: — А вотъ Терехѣ, баринъ, надать-бы дать по крайности хоть что ни-на-есть: онъ переплетъ вашей милости сдѣлалъ...

— Пошелъ! сказалъ я своему ямщику.

Два парня, державшіе подъ уздцы кореннаго, отскочили въ стороны.

— Ну, соколики, поворачивайся! Эхъ, сестры!...

Мѣсяцевъ черезъ семь или черезъ восемъ — не помню хорошенько — мнѣ привелось снова подъѣхать къ станціи Митяево. Разумѣется, я давно забылъ и встрѣтившія меня тутъ произшествія, удивительныя по своей новизнѣ, и ямщика философа, и даже Мотю.

Въ Митяевѣ порядокъ вещей совершенно измѣнился. Во-первыхъ — Мотя болѣе полугода уже была замужемъ, во-вторыхъ — станціоннымъ смотрителемъ былъ уже мужъ Моти, благообразный и съ виду нервный молодой человѣкъ, лѣтъ тридцати двухъ. Несмотря на худощавость новаго начальника станціи, при первомъ взглядѣ на него, можно было безошибочно рѣшить, что это былъ замѣчательный силачъ. На руки его, обтянутыя въ непомѣрно короткіе и узкіе рукава, рѣшительно страшно было смотрѣть. Онѣ представляли собою сплетеніе напряженныхъ мускуловъ, совершенно синихъ и густо поросшихъ волосами, что̀ дѣлало ихъ похожими на лапы медвѣдя.

Нечего и говорить, что для привала, хотя и непродолжительнаго, я выбралъ Митяево. Мотя сейчасъ-же узнала меня и, какъ видно, обрадовалась старому знакомому. Тотъ-же самый чистенькій самоваръ закипѣлъ на овальномъ передиванномъ столѣ, вокругъ котораго расположились я, старичекъ Макаръ Сидоровичъ, жившій на-покоѣ при дѣтяхъ, Мотя и ея мужъ. Бесѣда завязалась самая оживленная. Больше всѣхъ, разумѣется, болтала Мотя.

— Скажите, пожалуйста, спросилъ я смотрителя: — вы, должно быть, очень сильны?

Смотритель сконфузился.

— Нѣтъ-съ, какое тамъ... То-есть, маленькую силу имѣю, скромно отвѣчалъ онъ.

— Хороша-же должна быть эта маленькая сила! вы, я думаю, съ медвѣдемъ справитесь.

— Не пробовалъ-съ... Не было такого случаю...

„Гм... Значитъ, только за пробой дѣло", подумалъ я.

Часа черезъ три я снова поѣхалъ...

На половинѣ станціи навстрѣчу намъ попался дорожный возокъ, запряженный четверней... Черезъ обмерзшія и запотѣвшія стекла его я различилъ физіономію спавшаго господина съ огромными усами. Мой ямщикъ лукаво перемигнулся съ ямщикомъ усатаго барина, скосивъ глаза во внутренность возка.

— Ишь, каторжный! проговорилъ онъ, привставъ и оглянувшись черезъ верхъ кибитки на удалявшійся возокъ.

— Развѣ ты знаешь этого проѣзжающаго? спросилъ я.

— Кто, я-то? — Какъ не знать!...

— Кто-же это?

— Кто онъ-то? — Извѣстно кто: лѣшій.

— Какъ лѣшій?

— Да такъ, что. лѣшій. Одно слово — лѣшій.

Я замолчалъ.

— Ну, голубчики!... Эхъ, чтобъ-те лопнуть!... Ну, Господь съ тобой!...

Я хотѣлъ уже заснуть, но вдругъ ямщикъ произнесъ:

— Можетъ запримѣтили, какъ въ тѣ-поры проѣзжали, зубы-то онъ починилъ ямщику нашему?

— А!... Такъ это онъ, кровопійца! сказалъ я.

— Онъ самый и есть.

— Что-же онъ такъ тихо ѣдетъ?

— Что тихо ѣдетъ?... „Время не то стало, спѣсь съ мила дружка спала“, пословица говорится. Ну, работай, что-ли!...

— Да кто онъ такой?

— А кто его знаетъ. Мы все „ваше присходительство“, да „ваше присходительство“, потому напугалъ очень. Одначе не знаемъ, кто онъ такой есть.

— И теперь дерется?

— Ну, нѣтути; понѣ энтаго и въ заведеніи нѣтъ. Проучили, голубчика.

— Кто проучилъ?

— Новый митяевскій смотритель, Матрены Макаровны, значитъ, родной супругъ.

— Разскажи.

— Извольте-съ. Ужь какой его непріятный ндравъ и скверное обхожденіе было — энтаго я говорить не буду, потому какъ вы сами видѣли.

— Знаю; ты говори какъ проучилъ.

— Извольте-съ. Пріѣзжаетъ это онъ на станцію.

— „Лошадей!“

— „Лошадей нѣтути-съ“, говоритъ Борисъ Петровичъ.

— „Знатъ“, говоритъ, „ничего не хочу: лошадей!“

— „Откуда-же я возьму, ваше присходительство?“

А они были въ комнатѣ одни. Больше никого не было.

— „Я тебя“ — кричитъ — „съѣмъ!“

— „Подавитесь, ваше присходительство“.

— „Какъ!“

Да какъ наскочитъ на него. А Борисъ Петровичъ не будь глупъ: по свѣчкѣ какъ ударитъ, затушилъ ее, да и ну проклажаться. Ужь онъ возилъ его, возилъ по полу, а самъ и кричитъ: „Ай! ваше присходительство! ай! ай! караулъ!“ а самъ-то, знаете, лупитъ, лупитъ. Прибѣжалъ народъ — Борисъ Петровичъ кричитъ: „помогите! караулъ!“ а самъ-то все жаритъ, потому въ комнатѣ темно. Ужь онъ его лупилъ, лупилъ. А какъ фонарь внесли — его присходительство вскочилъ это, да и говоритъ:

— „Такъ тебѣ и нужно! такъ тебѣ и нужно, мошенику!“

Борисъ Петровичъ у насъ шельма. Заплакалъ на-взрыдъ. Ну, въ тѣ-поры катарожный заплатилъ ему еще пятьсотъ рублевъ. Было смѣху! Опосля энтаго случаю — тише воды, ниже травы. Я ономнясь съ нимъ ѣхалъ, такъ говоритъ: „Не гони ты такъ, голубчикъ, пожалѣй лошадокъ-отъ“. И на чай когда гривеникъ, а когда и больше даетъ.

— Эхъ, сердешныя, поваливай, что-ли!...

ПЕРВАЯ НОЧЬ НОВОБРАЧНАГО.

Былъ часъ восьмой вечера. Къ одной изъ церквей Петербурга приползъ, скрипя по снѣгу колесами, громадный и неуклюжій извощичій рыдванъ, запряженный парою полудохлыхъ клячъ. Спустя минуту, изъ внутренности рыдвана высунулся сперва довольно пріятныхъ и правильныхъ формъ носъ, а потомъ и вся голова губернскаго секретаря Василія Ивановича Кутузкина, припомаженная и завитая лучшимъ парикмахеромъ той патріархальной мѣстности, въ которой обиталъ Василій Иванычъ. Съ ловкостію сибирской кошки и съ милою улыбкою на миловидномъ лицѣ, выскочилъ герой мой изъ рыдвана и граціозно протянулъ во внутренность его, обтянутую въ бѣлую, какъ первый пушистый снѣгъ, перчатку, руку свою. Еще мгновеніе — и на рукѣ этой, дрожавшей отъ восторга, повисла пухленькая, бѣленькая и сдобненькая Катерина Ивановна Синичкина, дочь титулярнаго совѣтника, дѣвица благонравная, готовившаяся черезъ какихъ-нибудь полчаса сдѣлаться нѣжной супругой Василія Иваныча, т. е. г-жей Кутузкиной.

Широко разступилась передъ женихомъ и невѣстой со-

бравшаяся на паперти нищая братія. Ведя подъ руку заалѣвшуюся Катерину Ивановну, Василій Иванычъ съ какою-то особенной торжественностію поглядывалъ по сторонамъ и пріятною улыбкою отвѣчалъ на сыпавшіяся вокругъ изъявленія восторга.

Обрядъ вѣнчанія совершился тихо и безмятежно. Василій Иванычъ сіялъ, искоса поглядывая на прелестную Катерину Ивановну, и вообще былъ въ такомъ веселомъ настроеніи духа и умиленіи, что даже самъ тихонькимъ и легонькимъ теноромъ подпѣвалъ пѣвчимъ, когда тѣ затянули „Ісаія ликуй“!

— Вася!... Поздравляю!

— По-о-здравляю!

— Позволь тебя поздравить!

— Поздравля-а-ю! слышалось со всѣхъ сторонъ.

Василій Иванычъ переходилъ изъ однихъ жаркихъ объятій въ другія, изъ другихъ — въ третьи, такъ что процессъ поздравленій продолжался не менѣе получаса. Катерина Ивановна, съ своей стороны, краснѣла какъ маковъ цвѣтъ, принимая пожеланія многочисленныхъ поѣзжанъ.

Наконецъ рыдванъ двинулся — и черезъ четверть часа счастливецъ Василій Иванычъ неистово кружился, подъ звуки скрипки и флейты, въ вихрѣ вальса, обхвативъ полненькій станъ обворожительной новобрачной и по временамъ только оставляя ее для запивки донскаго болѣе существенною влагою, въ изобиліи помѣщавшеюся въ сосѣдней съ залою комнатѣ. Вокругъ стола, уставленнаго разнокалибернѣйшими водками и закусками, толпились гости счастливца Кутузкина и обильными возліяніями привѣтствовали совершившееся событіе.

— Уррра! уррра! уррра!... кричали поздравители, приподнимая рюмки.

— Уррра-а!...

— Василію Иванычу съ молодой супругой — многая лѣта!

Мно-о-гая, мно-о-гая

Лѣ-е-е-е-та!..

Губернскій секретарь Кутузкинъ блаженствовалъ. Хотя онъ получилъ за невѣстой кушъ немаленькій, — именно триста рублей деньгами, двѣ сюртучныхъ пары, двѣ перины, салопъ и много прочаго добра,—но справедливость требуетъ сказать, что главнымъ двигателемъ въ дѣлѣ его женитьбы была страстная и пламенная любовь къ очаровательной Катеринѣ Ивановнѣ, а ужъ никакъ не низкій разсчетъ. Это подтверждалось уже однимъ тѣмъ, что на свадебный пиръ Василіемъ Иванычемъ было добровольно ассигновано болѣе половины полученныхъ въ приданое денегъ — обстоятельство, не допускающее возможности заподозрить моего героя въ алчности и корыстныхъ видахъ на Катерину Ивановну.

Пиръ былъ въ полномъ разгарѣ. При всякомъ совѣтѣ „подсластить“ донское, Василій Иванычъ какъ вампиръ впивался въ пухленькія губки раскраснѣвшейся новобрачной, чувствуя себя на седьмомъ небѣ Магомета.

— Вася! Милый Вася! Ва-а-ся!.. Чокнемся-ка мы еще... еще за твое, можно сказать, счастье... обращался къ нему кто нибудь изъ пріятелей.

Вася чокался.

— И со мной, голубчикъ... Ты знаешь вѣдь, какое тебѣ, то есть, блаженство предстоитъ... антикъ-морэ.... Чокнемся...

Вася снова чокался.

И начокался, наконецъ, Вася до того, что въ вальсѣ сталъ рѣшительно бѣсноваться и выдѣлывать ногами уму непостижимыя штуки.

— Одно жаль — Аристарха Львовича нѣтъ, замѣтилъ кто-то изъ гостей. Гордость свою захотѣлъ показать — мы-де начальники отдѣленія!

Кутузкинъ встрепенулся.

— Гордость?.. Какую такую гордость?.. Нѣчто мы хуже его?...

— Такъ-то такъ, отвѣчалъ Ѳедя Хвостиковъ, шаферъ со стороны новобрачной, — а все-таки...

— Что „все-таки“? спросилъ Кутузкинъ.

— Да начальникъ — ну и гордится...

— Пустое!... Знаешь что, Ѳедя?

— Что?..

— А вотъ что, только по секрету. Тяпнемъ съ тобой на дорожку по рюмочкѣ, да и того...

— Къ нему-то?..

— Ну, да. Пройдемъ тихонько черезъ кухню, возьмемъ извощика, да и махнемъ... Въ-полчаса назадъ вернемся.

— А ну онъ не пріѣдетъ?...

— Пріѣдетъ, коли обѣщаніе далъ... Опять-же я скажу, что, молъ, сдѣлайте такую честь, Аристархъ Львовичъ...

Черезъ нѣсколько минутъ и безъ того уже тяпнувшіе новобрачный и шаферъ тянули рюмки по три какой-то зеленой настойки и незамѣтно вышли черезъ кухню на улицу.

— Извощикъ!!.. крикнулъ новобрачный.

— Извощикъ!!! Изво-о-щикъ!!! во все горло заоралъ шаферъ.

Но искомаго не оказывалось — и пріятели, покачиваясь и дружно обнявшись, долго еще скрипѣли подошвами по обмерзлому снѣгу.

— Из-ввощикъ!!? заорали они, выйдя на болѣе людную улицу.

— Господинъ!.. Чего орете!.. отозвался стоявшій на углу городовой.

— Изз-ввощикъ!!!

— Вамъ говорятъ — не дерите глотку!.. повторялъ стражъ сердитѣе.

— А вамъ что?.. Нѣшто нельзя звать извощика?..

— Звать — зовите, запрету на это нѣтъ, а только наша обязанность, чтобы крику не было.

— Да коли холодно, — измерзли.

— Измерзли, такъ погрѣйтесь.

— А!.. И то правда!.. Ѳедя!... Зайдемъ-ка въ этотъ погребъ.

— Идетъ!.. А особливо... какъ тебѣ такое блаженство предстоитъ... Ты сегодня, Вася... ты сегодня въ раю будешь... и все такое...

Черезъ пять минутъ мы видимъ съ тобой, читатель, нашихъ пріятелей въ сильно опьянѣломъ состояніи. Сидя за уставленнымъ водкой столикомъ, они плохо-слушающимися языками разсуждаютъ о предстоящемъ блаженствѣ Кутузкина.

— Прошу ослобонить, господа, запираемся!.. произноситъ прикащикъ.

— Ну, храшо!.. Мы ужь... ужь и къ Аристарху не поѣдемъ... Велика птица — начальникъ отдѣленія... Я къ Катѣ... Ангелъ...

— Изз-ввввощикъ!!?

— Господинъ!.. Не орите, сказано вамъ??.

— А тебѣ... тебѣ, что?..

— А то, что животъ не надрывайте!..

— А!.. Ты гру-у-бить?.. Покажи бляху!..

— Ладно — завтра объ эту пору приходи...

— Покажи!..

— Проваливай, а то — въ участокъ...

— Мменя?.. меня — въ уча... въ участокъ?..

— Ну-же, проваливайте, не орите!...

— Фарраонъ!!.

Не стерпѣло сердце стража этой нелюбимой клички: одною рукою ущупавъ лацканъ взятаго Кутузкинымъ на прокатъ фрака, другою онъ вытащилъ изъ-за пазухи свистокъ и, вытянувъ во мракѣ губы на полъ-аршина, извлекъ изъ него такіе печальные звуки, что сердце новобрачнаго дрогнуло...

— Господинъ... господинъ городовой... молилъ онъ, предвидя бѣду и нѣжно отнимая отъ фрачнаго шиворота широкую длань врага.

— Постой, постой!.. вотъ въ участкѣ разберутъ...

— Госпо... господинъ... городо... милостивый государь...

— Погоди, погоди, — будетъ тебѣ фараонъ!..

Послышалось подобіе конскаго топота... Во мракѣ ночи стала обрисовываться довольно стройная фигура бѣгущаго подчастка...

— Исайка!.. сведи-ка вотъ этихъ... За буйство и шумъ...

Отчаяніе и образъ Кати придали бѣдному Кутузкину энергію, свойственную героямъ древней Трои: рванувшись, онъ оставилъ въ рукахъ стража лацканъ фрака и уже ринулся по направленію къ милой улицѣ, но — увы! стражъ мчался за нимъ быстрѣе вихря... При поворотѣ несчастный рѣшился на отчаянное средство — сбросилъ съ плечъ шинель, но и это не удалось: изощренный въ поимкѣ бѣглецовъ стражъ, съ легкостію серны перепрыгнувъ черезъ плащь Василія Иваныча,

радушно принялъ въ правую руку лѣвую фалду его фрака... Новобрачный въ отчаяніи попробовалъ рвануться впередъ, но тормазъ оказался слишкомъ прочнымъ...

— Господинъ... господинъ городовой...

— Ладно, ладно... Исайка!... Дай-ка сюда веревку!..

Плачь, чувствительная читательница, плачь за судьбу моего злосчастнаго героя, ибо Исайка на замедлилъ вынуть изъ-за обшлага нетолстую, но прочную бичевку — точь-въ-точь такую, какою обвязываютъ въ магазинѣ Корещенко сахарныя головы...

Кровь кинулась въ голову бѣднаго Кутузкина.

Я... я... не позволю себя вязать!..

— Дда-а!.. Спросимъ, вишь ты, ваше благородіе!..

— Да какъ ты смѣешь!..

— Ладно!.. Пожалуйте-ка вонъ тую ручку!..

— Не смѣй... не смѣй-же, городовой... Я тебѣ... я тебѣ вотъ, что... возьми синенькую....

— Ладно!.. Намъ не приказано брать, а вотъ вашего брата-дебошира брать — это сколько угодно!.. Пожалуйте ручку....

Судьба однако сжалилась надъ бѣднягой Василіемъ Иванычемъ: городовой нашелъ удобнымъ на пути слѣдованія моего героя къ участку придерживать его за фалду, причемъ—надо отдать справедливость—не злоупотреблялъ своею обязанностію и даже не дергалъ и не затягивалъ безъ надобности фалду, такъ, что герой мой, слегка пошатываясь, довольно свободно могъ идти до цѣли путешествія...

— Катя... Катя... безсознательно твердилъ онъ, понуря голову, слѣдуя по тому направленію, которое было указываемо

ему сзади легкими подергиваніями фрачной фалды, то въ ту, то въ другую сторону...

Второй часъ ночи. Въ канцеляріи участка, слабо освѣщаемой одною свѣчей, можно разглядѣть фигуры нѣсколькихъ арестованныхъ въ этотъ вечеръ гулякъ, бродягъ и тому подобныхъ личностей, и между ними моего бѣднаго, моего несчастнаго Василія Иваныча... Переходъ съ двадцати градуснаго мороза въ теплую атмосферу канцеляріи участка опьянилъ его совершенно,—опьянилъ до такой степени, что онъ, за часъ передъ этимъ почти отрезвѣвшій, теперь находился чуть не въ безсознательномъ положеніи. Налитые кровью глаза какъ-то дико блуждали кругомъ, останавливаясь то на строчившемъ что-то лысомъ писцѣ, то на часахъ, то на приведшемъ его городовомъ.

— Ты франта этого откуда взялъ?.. обратился писецъ къ городовому.

— Съ улицы. Шумѣлъ, значитъ, а потомъ убѣгать сталъ...

— Я... я... я ничего... лепеталъ Кутузкинъ.

Писецъ не удостоилъ отвѣтомъ моего героя и только, внимательно посмотрѣвъ на него, насмѣшливо произнесъ:

— Ишь ты, гусь какой лапчатый! Еще въ перчаткахъ... во фракѣ...

Вошелъ помощникъ пристава. Все переполошилось и встало.

— Этого господина кто взялъ? спросилъ онъ, указывая на Василія Иваныча.

— Я-съ, вашескородіе... Они шумѣли, и когда я, значитъ, пригласилъ въ участокъ—буянить стали...

— Изъ танц-класса?

— Никакъ нѣтъ-съ, съ улицы.

— Гм... Ваше званіе, фамилія?

— Моя-съ?.. Гу... губернскій... секре... секретарь... Я ничего...

— Фамилія?

— Ку...Кутузкинъ...

— Не хорошо, г. Кутузкинъ... я васъ долженъ въ кутузку до завтраго...

— Помилуйте... Я изъ танц-класса... я... мнѣ... Я человѣкъ женатый...

— Тѣмъ стыднѣе-съ. Обыщите ихъ.

Четыре рослыхъ полисмэна обступили героя моего и стали шарить у него въ карманахъ, въ голенищахъ и вездѣ, куда вели ихъ опытность и благоразуміе...

— Деньги есть? спросилъ помощникъ.

— Есть-съ: 12 р. 63 к.

— А еще что?

— Цвѣты, вашскородіе.

— Какіе цвѣты?

— Пукетъ, значитъ.

Несчастный Кутузкинъ! какъ-то случайно попавшій въ карманъ его шинели шаферскій букетъ, предназначавшійся для Катерины Ивановны, очутился въ части!

— А ужъ этого... этого не отдамъ! неистово крикнулъ Кутузкинъ, прижимая къ сердцу карточку Катерины Ивановны.

— Сколько тутъ всѣхъ? спросилъ помощникъ.

— Девятеро, вашскородіе.

— Маршъ!

Оцѣпленная четырмя городовыми поплелась по улицамъ Питера партія арестантовъ, а въ числѣ ихъ и мой несчастный герой. Во все продолженіе пути до части онъ былъ мишенью для бесѣды между своими оборванными и веселыми забулдыгами-партнерами. Несмотря на сильное опьяненіе, слезы прошибли бѣдняка Кутузкина, когда на его просьбу идти отдѣльно отъ гонимой оборванной сволочи, ему отвѣчали, что исключеній не дѣлается никому. Жестокую нравственную пытку терпѣлъ онъ въ то самое время, когда его перевязанные по двое сопутники (съ меловыми крестами на спинахъ) весело острили надъ его фракомъ и шляпой. Еслибы это было днемъ — онъ, разумѣется, не вынесъ-бы этого публичнаго позора, равносильнаго путешествію на извѣстной колесницѣ — онъ умеръ-бы отъ стыда и униженій. Путешествіе по улицѣ рука-объ-руку съ ворами, бродягами и мошенниками, было для его честной натуры невыносимымъ.

Но и въ мѣстѣ заточенія бѣднягу ожидала не лучшая доля: не успѣлъ онъ своею тяжелою, опьянѣлою головою опуститься на голыя нары (тюфяковъ не полагалось), какъ надъ нимъ начались разнаго рода глумленія.

— Кого привели? послышался хриплый голосъ изъ темнаго угла арестантской.

— Барчука какого-то, прохрипѣлъ кто-то изъ другаго угла.

— Чубарь!.. зажги-ка ночникъ — посмотримъ, что̀ за птица.

По арестантской медленно разлился тусклый и непривѣт-

ный свѣтъ ночника. Дикій, неистовый хохотъ раздался надъ тяжело спящимъ героемъ моимъ.

— Ой, батюшки!... Моченьки нѣту!... Четвертый годъ сижу — дива такого не видывалъ!.. Кургузый какой — во фракѣ!..

— Въ перчаткахъ — хо, хо, хо!..

Изъ сосѣдней арестантской зашлепали туфли — и скоро возлѣ бѣдняка-новобрачнаго собралась цѣлая ватага небритыхъ и хрипящихъ личностей.

— Ха, ха, ха!.. Ну-ка — рожу ему сажей!..

Билль единодушно принятъ. Бѣдному Василію Ивановичу, вѣчно до-сихъ-поръ брившемуся аккуратнѣйшимъ образомъ, были выведены сажей усы очень почтенныхъ размѣровъ.

— Семеновъ!.. Тащи швабру!

Минуту спустя, Кутузкинъ являлъ себя, къ восторгу арестантовъ, лихимъ воиномъ, съ длиннѣйшими усами и подобіемъ алебарды въ рукахъ.

— Катя... Катя... ангелъ... лепеталъ онъ во снѣ, складывая губы въ форму поцѣлуя и свободною отъ швабры-алебарды рукою стараясь поймать въ воздухѣ незримый образъ обворожительной Катерины Ивановны...

Ужасно было пробужденіе моего героя. Открывъ припухшіе глаза, онъ какъ-то тупо и безсмысленно повелъ ими вокругъ. Эта грязь, эти нары, эти валяющіяся на полу оборванныя существа, — что́ все это значитъ? Василій Иванычъ долго не могъ собраться съ мыслями и опредѣлить, гдѣ онъ. Наконецъ смутныя воспоминанія обстоятельствъ предшествовавшаго вечера тяжелымъ молотомъ ударили его въ голову... Съ отвращеніемъ отбросилъ онъ отъ себя швабру, вскочилъ съ наръ и отчаянно бросился къ дверямъ.

— Пустите, пустите меня! неистово завопилъ онъ, силясь дрожащими руками оторвать щеколду двери.

— Ха, ха, ха!.. Фрачникъ-то домой захотѣлъ — въ гостяхъ, значитъ, хорошо, а дома лучше! послышалось изъ-за рѣшетки.

— Какого дьявола дрыхнуть не даешь, чо-ортъ!—кричали изъ всѣхъ угловъ.—Ложись, шельмецъ, коли трепки не хочешь!

Какъ-то машинально побрелъ бѣднякъ на свое убогое ложе, присѣлъ на него и сталъ думать думу горькую. Мало-по-малу сознаніе стало приходить къ нему. Онъ вспомнилъ, что женитьба его не сонъ—и громкія рыданія вырвались изъ груди несчастнаго. Вся жизнь его, до этого времени такъ привѣтливо улыбавшаяся, показалась ему разбитой, уничтоженной.

— Чего орешь, шельмецъ! Дрыхни, коли въ гости пришелъ! ворчали арестанты.

Кутузкинъ замолкъ и тоскливо повѣсилъ голову. Взоръ его тупо уперся въ колѣни и онъ замѣтилъ, что, вмѣсто взятаго имъ на прокатъ вмѣстѣ съ фракомъ щегольскаго чернаго нижняго платья, на немъ надѣты какіе-то безобразные, оборванные зеленые панталоны. Но это обстоятельство не произвело на него такого тяжелаго и потрясающаго впечатлѣнія, какъ видъ валявшейся на полу карточки Катерины Ивановны: фотографическому изображенію прелестной madame Кутузкиной были выколоты глаза, пририсованы богатырскіе усы и разныя неидущія къ дѣлу украшенія. Василій Иванычъ затрясся и... еще ниже опустилъ увлаженные слезою глаза.

У дверей загремѣли ключи.

— Ну, сколько васъ тутъ? На перекличку! произнесъ отворившій двери солдатъ.

— Шаснадцать, милый человѣкъ, отвѣчали арестанты.

— Ну, маршъ!

Не зная куда глядѣть глазами, спустился Василій Иванычъ, вмѣстѣ со своими импровизированными товарищами, на широкій дворъ частнаго дома. Началась перекличка.

— Бродяга Иванъ! кричалъ унтеръ-офицеръ по списку.

— Здѣсь!

— Ну, становись, свиное рыло, скорѣй!.. Сапожный подмастерье Ѳедоръ Сизой!

— Здѣсь!

— Бродяга Тулупъ!

— Здѣся!

— Губернскій секретарь Василій Кутузкинъ!

Общій хохотъ. Дрожа всѣмъ тѣломъ, вышелъ бѣдный Василій Иванычъ на середину двора и поисоединился къ кучкѣ перекликнутыхъ арестантовъ.

— Смотрите, усы-то! Кто это намалевалъ барину? грозно проговорилъ унтеръ-офицеръ.

— Самъ!.. самъ!.. Вечеромъ пьянъ былъ, какъ привели... танцовалъ даже!.. послышалось изъ кучки.

Злосчастный Кутузкинъ полѣзъ въ карманъ за платкомъ— его не оказалось.

Притащили хлѣбъ и началась раздача краюхъ. Всѣ азартно вырывали свои порціи и еще азартнѣе стали уписывать ихъ, но когда очередь дошла до моего герою — онъ отстранилъ рукою подачку: ему было не до завтрака.

— Ну, маршъ! произнесъ унтеръ-офицеръ, разсортировавъ арестантовъ на партіи для препровожденія въ участки.

— Я не пойду!—отчаянно вскричалъ герой мой.—Ради Бога сжальтесь!.. я не привыкъ!.. я отдѣльно!..

— Нельзя, правилъ такихъ нѣтъ. И радъ бы, да не могу—вмѣстѣ надо, отвѣчалъ унтеръ-офицеръ.

— Но вѣдь, помилуйте... У меня знакомые... Умоляю васъ... Я не убѣгу... Сдѣлайте ми...

— Нельзя-съ, не могу. Пожалуйте въ контору получить деньги и вещи ваши—и съ Богомъ-съ.

Не стану описывать чувствъ Василія Иваныча во время путешествія до участка... Бѣднякъ, прикрывая лицо рукою, шелъ какъ по иголкамъ и охотно провалился-бы сквозь землю, еслибы за поведеніемъ гонимаго стада не наблюдали пастыри его—конвойные городовые.

Привели въ участокъ.

— Я васъ долженъ отправить по мѣсту жительства, сказалъ дежурный офицеръ Василію Иванычу.

— Ради Бога...

— Не могу-съ, для удостовѣренія въ личности. Ваша фамилія притомъ... Не можетъ быть такой случайности...

— Ей-Богу-съ, я Кутузкинъ!

— Не могу-съ. Все, что можно сдѣлать, это—препроводить васъ для удостовѣренія въ личности не по мѣсту вашего жительства, а въ тотъ участокъ, гдѣ вы живете.

Въ сопровожденіи городоваго пошелъ герой мой удостовѣрять въ своей личности, и только къ половинѣ втораго часа пополудни вырвался на свѣтъ Божій.

Что сказала Катерина Ивановна — объ этомъ я умолчу, ибо не имѣю дурной привычки разсказывать семейныя тайны.

Скажу только, что тучи пріятелей, сейчасъ-же по выходѣ изъ должности, стеклись поздравить моего героя съ блаженствомъ, которое онъ испытывалъ...

Да-съ, милостивые государи! Иногда человѣкъ предполагаетъ, а городовой располагаетъ!

ФИЛАНТРОПЫ.

(РАЗСКАЗЪ).

Въ одномъ изъ самыхъ глухихъ и отдаленныхъ переулковъ Выборгской Стороны, въ покривившемся и вросшемъ въ землю маленькомъ одноэтажномъ домишкѣ, жила и маялась семидесятилѣтная вдова Арина Прохоровна Теряева. Что она маялась — это не составляло, впрочемъ, большой диковины: у жителей отдаленныхъ и глухихъ петербургскихъ окраинъ точно въ обычай, точно въ моду вошло маяться. Обитатели того переулка, въ которомъ жила Арина Прохоровна, всѣ безъ исключенія перебивались, что называется, съ хлѣба на квасъ, а при такихъ условіяхъ—жизнь куда какъ не приглядна. Впрочемъ, взрослому на огурцахъ да на рѣдькѣ и съ малолѣтства кутавшемуся въ крашанину сравнительно легко и въ зрѣломъ возрастѣ переносить отсутствіе филейныхъ жаркихъ и тонкаго бѣлья — и на этомъ основаніи почти всѣ жители переулка хотя и бились какъ рыба объ ледъ, но сносили довольно терпѣливо время своей полной лишеній жизни. Аринѣ-же Прохоровнѣ, выросшей и явившей три четверти

своей жизни при совершенно другихъ условіяхъ, мириться съ некрасивымъ настоящимъ было почти не подъ-силу. Ей живо помнилась еще квартира въ пять большихъ и свѣтлыхъ комнатъ, въ одной изъ лучшихъ улицъ Семеновскаго полка, гдѣ она въ совершенномъ довольствѣ жила со своимъ незабвеннымъ Антономъ Тихонычемъ, однимъ изъ зажиточнѣйшихъ мебельныхъ торговцевъ Апраксина двора до-пожарной эпохи. Чего-чего у нихъ только не было! и коровенки свои, и лошадка, и мебель первый сортъ, а ужъ въ кладовую когда хочешь загляни — всегда всего полнехонько. Даже сосѣдка Ѳедосья Захаровна — ужъ на что гордая и завидливая — и та по пяти разъ на день говаривала: „Чтой-то, матушка Арина Прохоровна, какъ васъ Господь Богъ-то взыскалъ своей милостью!... Не домъ у васъ, а чаша!... Кофей у васъ не переводится, сливки свои — ложка въ сливочникѣ стоитъ; опять-же Антонъ Тихонычъ человѣкъ степенный, непьющій,— благодать Господня!“... Да, было времячко: есть чѣмъ помянуть!... А теперь что?... Когда и сваришь кофеишко изъ переварокъ, да, почитай, почти изъ одной цикоріи, такъ и то паровишь лишней чашечки не выпить, чтобы недѣлю безъ кофею не сидѣть... Да и сливки-то какія? — вода болтанная, а не сливки...

Арину Прохоровну сгубилъ пожаръ Апраксина двора. Мебель — не галантерейный товаръ: какъ ни старался Антонъ Тихонычъ, какъ ни бросался онъ со своими молодцами въ охватившее его имущество пламя, но ничего не могъ спасти, потому что, съ утра поѣхавъ по объявленію за покупкой мебели на Васильевскій островъ, подоспѣлъ къ мѣсту бѣдствія слишкомъ поздно. Правда, могли-бы добрые сосѣди кое-что повытаскать, да вѣдь это какъ-то не водится, потому

своя рубашка къ тѣлу ближе и всякій долженъ самъ себя выручать. И запилъ бѣдный Антонъ Тихонычъ съ горя чашу горькую, потому что всѣ добрые пріятели, сосѣди по лавкамъ, восхвалявшіе когда-то его радушіе и хлѣбосольство, въ помощи ему отказали. Арина Прохоровна въ два года побѣлѣла, какъ лунь, и изъ здоровенной и толстой купчихи обратилась въ тщедушную, съежившуюся, сморщенную, какъ старый грибъ, и согбенную старушенку. Пошли заклады и продажа вещей, а тамъ явился и результатъ этого вѣчно тяготѣющаго надъ бѣдствующимъ людомъ процесса — полнѣйшее раззореніе и нищета. Отдавъ, такимъ образомъ, послѣднія крохи свои Карповичамъ, Антонъ Тихонычъ еще больше запилъ и, наконецъ, получивъ delirium tremens, умеръ гдѣ-то въ больницѣ.

На бѣду Арины Прохоровны, на рукахъ ея осталась еще пятнадцатилѣтняя внучка, дѣвочка постоянно больная и круглая сирота. На долю Теряевыхъ изъ пожертвованныхъ пострадавшимъ отъ пожара денегъ досталось всего рублей сорокъ, такъ что послѣ смерти Антона Тихоныча не осталось, естественно, ни копѣйки, и Арина Прохоровна очутилась въ самомъ бѣдственномъ положеніи.

Со времени грустнаго и крутаго переворота въ жизни Арины Прохоровны до того момента, съ котораго мы начали свой разсказъ, прошло очень много лѣтъ. Старуха Теряева до того обрюзгла, согнулась и сморщилась, что уличные мальчишки, при проходѣ ея по переулкамъ Выборгской Стороны, кричали цѣлой компаніей:

— Смотри, ребята, — кусокъ стараго драпу идетъ!...

Однажды, именно въ началѣ апрѣля прошлаго года,

къ Аринѣ Прохоровнѣ зашла покалякать и посудачить одна изъ старухъ-сосѣдокъ, такая-же бѣднята.

— Здравствуйте, матушка Арина Прохорова, какъ живете?... сказала она, входя.

— Спасибо, Устинья Андревна... Я-то ничего, а вотъ Наташа моя хвораетъ. Все лежитъ, все лежитъ...

— Грѣхи тяжкіе!... Да и какъ ей, голубушкѣ, не хворать-то — ишь, сырость у васъ какая...

— Да, такъ и течетъ... Вспомнишь, какъ при голубчикѣ моемъ Антонѣ Тихонычѣ, царство ему небесное... Пя-ять комнатъ, голубушка вы моя, передняя, ангелъ вы мой, кухня, душенька вы моя...

— Да, да, Арина Прохоровна... Я ужъ и отъ добрыхъ людей наслышана.

— И су-ухая-пресухая квартира была. Выкушайте чашечку, Анисья Андревна. Только ужъ извините — сливки ничего не стоятъ...

— Да, и я вотъ у Михѣича беру. Вчера ему сказала, что, коли ежели будетъ такія отпущать, — нога моя не будетъ: къ Ивану Иванычу ходить буду.

— У всѣхъ у нихъ водой переболтаны, да кислыя. Ахъ, Анисья Андревна!... Какъ вспомнишь, какія, бывало, сливки у меня бывали при голубчикѣ Антонѣ Тихонычѣ!... Повѣрите-ли — ложка въ сливочникѣ стоитъ: провалиться на этомъ мѣстѣ!...

— Да ужъ что и говорить, Арина Прохоровна, — жили вы въ свое удовольствіе. Не вы сами — добрые люди говорили.

— Отъ сво-ихъ ко-ровъ, Анисья Андревна. Точно масло.

Ужъ Ѳедосья Захаровна на что завидлива, а и та, бывало...

Въ это время за грязной и полинялой ситцевой занавѣской, игравшей роль драпри, послышался глухой, удушливый кашель.

— Ишь, какъ ее, голубушку... замѣтила гостья, понизивъ голосъ.

— Да, напасть Божія... Наташенька, не хочешь-ли чашечку?... спросила Арина Прохоровна у больной.

— Нѣтъ, бабушка, благодарю... Ужъ очень кашель...

— Бѣда, просто, съ этимъ кашлемъ, покачивая головой, тихо отнеслась къ гостьѣ Арина Прохоровна. — А что будешь дѣлать?... Лечить-бы надо, потому грудью совсѣмъ бѣдняжка изстрадалась, а тутъ не только на доктора, да на лекарства — на хлѣбъ не хватаетъ.

— Такъ, такъ, Арина Прохоровна, — ужъ какое тутъ леченіе!.. Вязать чулки, да шить въ рынокъ подштанники съ пары — не много заработаешь. Вотъ развѣ на счетъ пособія вамъ подать просьбу...

— Думала, думала, голубушка Устинья Андревна... Безъ этого ничего не подѣлаешь — хошь по міру ступай. Вотъ пока мы еще обѣ съ Талей ковыряли иголкой — ну, тогда еще можно было кое-какъ перебиваться, а теперь-то какъ?... Вѣдь вотъ Свѣтлое Христово Воскресенье близехонько, разговѣться чѣмъ ни-наесть надо, а у меня всего и капиталу-то рубль шесть гривенъ... Какъ-же тутъ не подать-то? Безпремѣнно завтра-же подамъ, только кому отдать сочинить-то...

— А вотъ я вамъ скажу, матушка Арина Прохоровна: въ Астраханской улицѣ, въ кабачкѣ у Ефремыча, кажинный день бываетъ, да почесть что и сидитъ тамъ цѣлехонькій

день, авокатъ одинъ... Кому надо какое сочиненіе — сейчасъ сочинитъ, и такъ складно, да жалостно, что другому — куды!.. Да вотъ Мичурихѣ написалъ — четыре съ полтиной получила, сьчасъ умереть!... Авокатъ первый сортъ.

— Пойду, безпремѣнно завтра-же пойду...

— Ступайте, Арина Прохоровна, ступайте. Только далече идти-то вамъ будетъ подавать — вѣдь мосты-то разведены и перевозу нѣтъ... черезъ Петербургскую, черезъ Островъ, да и въ самый, почесть, конецъ Невскаго — шутка-ли при вашихъ-то лѣтахъ!...

— Никто какъ Богъ, Устинья Андревна, — авось дотащусь... посижу кое-гдѣ...

На другой день Арина Прохоровна дѣйствительно ранымъ-ранехонько отправилась въ Астраханскую улицу розыскивать хваленаго *авоката*.

— Ходитъ, ходитъ сюда, заявилъ Ефремычъ, — только посидите: еще сегодня не бывалъ.

Теряева опустилась на лавку.

— А что, батюшка, хорошо онъ сочиняетъ?...

— Вамъ прошеніе, что-ли?...

— Прошеніе, голубчикъ, прошеніе.

— Да ужъ такъ-то сочинитъ, что на-поди; а только вы его перво-на-перво угостите. Онъ это любитъ.

Знаменитый адвокатъ не заставилъ себя ждать, — голова, должно быть съ похмѣлья, трещала. Взойдя въ дверь, вдохнувъ въ себя всею грудью ароматъ сивухи и подойдя къ выручкѣ, онъ хриплымъ голосомъ произнесъ:

— Дай, Ефремычъ, осьмушку, Христа ради. Башку, братъ, такъ разломило, что хошь въ воду... Ей-же Богу вечеромъ отдамъ...

Вмѣсто отвѣта, Ефремычъ подмигнулъ адвокату на старуху Теряеву и сказалъ:

— Вотъ, Антипъ Ермолаичъ, барыня по дѣламъ васъ спрашиваетъ.

Арина Прохоровна встала и несмѣло подошла къ оборванному адвокату.

— Да, батюшка, прошеньице-бы составить... Да не угодно-ли рюмочку выпить... повднѣй будетъ...

— Это ничего, можно, прохрипѣлъ адвокатъ. — Ефремычъ!... косушку!...

Адвокатъ крякнулъ, выпилъ, опять крякнулъ и, закусивъ нежданную выпивку кусочкомъ селедки, лаконически спросилъ:

— Вамъ, мадамъ, куда?...

— Пособіе нужно выпросить...

— А!... Будетъ стоить не дорого — одинъ рубль.

Теряева всплеснула руками.

— Рубль... серебра?... въ недоумѣніи спросила она.

— А то какъ-же!... На ассигнаціи теперь счету нѣтъ.

— Голубчикъ вы мой!... Пишутъ, вонъ, другіе по двугривенному, да по пятиалтынному...

— Эге!... экъ васъ угораздило!... Ну, и пишите у нихъ. Иной не то что за двугривенный — даромъ напишетъ, да что толку-то?... Возвратятъ только назадъ прошеніе, такую ахинею тамъ выведетъ.

— Такъ-то такъ, да ужъ больно не подъ-силу, голубчикъ... Копѣечекъ-бы тридцать.

— Полно тебѣ, старуха, жаться-то, вставилъ Ефремычъ. Вѣдь ты возьми въ умъ, что они — адвокатъ: дѣло свое туго знаютъ, не то что какая ни-на-есть шушера. Тутъ,

брать, надо всякую статью понимать и умственность имѣть, а не то чтобы что нибудь такое... потому какъ, значитъ, что совралъ, такъ и пиши пропало. Поняла?

— Такъ, такъ... А только ужъ не подъ-силу... Тридцать я дамъ ужъ, чтобы складно было... и жалостливо...

— Да ужъ во какъ будетъ, одно слово — расплачутся тамъ. Такъ, молъ, и такъ — вдовая сирота, старуха старая, глаза не видятъ, ноги не ходятъ, ѣсть нечего...

— Такъ, голубчикъ, да только дорого, не подъ-силу...

— Ну, вотъ что. Сорокъ копѣекъ деньгами и еще косушку, прохрипѣлъ адвокатъ.

Арина Прохоровна въ такой степени увѣровала въ силу и могущество предстоявшаго передъ нею адвоката, что, поклянчивъ еще нѣсколько времени, порѣшила съ нимъ на тридцати пяти копѣйкахъ и косушкѣ водки.

— За бумагой надо послать, обратился адвокатъ къ Аринѣ Прохововнѣ.

Старуха Теряева должна была раскошелиться на покупку бумаги, послѣ чего была приступлено адвокатомъ къ составленію прошенія.

— Чернилъ намъ давать не позволено — штрафъ за это возьмутъ, въ отвѣтъ на просьбу дать чернилъ, сказалъ Ефремычъ.

— Да ну, дай!... Тащи ихъ сюда, чортовъ сынъ!... прохрипѣлъ адвокатъ.

— Не дамъ, не дозволено.

— Экій чортъ!... Да ну его — дайте ему пяточекъ на чай!... обратился адвокатъ къ Аринѣ Прохоровнѣ.

Началось составленіе прошенія. Опрокинувъ въ глотку еще одинъ большой стаканъ и распросивъ Теряеву объ ея имени,

званіи и обстоятельствахъ дѣла, адвокатъ Антипъ Ермолаичъ поникъ небритою рожею надъ бумагой и началъ строчить прошеніе самымъ неистовымъ образомъ. Все это время Арина Прохоровна съ какимъ-то благоговѣніемъ стояла возлѣ, слегка наклонясь надъ выручкой и слѣдя за непонятными ей іероглифами.

— Готово, подпишитесь, — произнесъ, наконецъ, адвокатъ.

— Я грамотѣ, голубчикъ, не училась... наше дѣло темное, отвѣчала Арина Прохоровна.

— Ну, ничего, я подпишу... „А по незнанію ею грамати, отставной губернскій секретарь Антипъ Ермолаичъ Бабашкинъ руку приложилъ.“

„Купеческой вдовы Арины Прохоровой Теряевой прошеніе. Состоя я вдовою и по дряхлости лѣтъ со слабостію зрѣнія не могши заработать для насущнаго хлѣба и пропитанія, то прошу о человѣколюбивомъ вспомоществованіи мнѣ передъ праздникомъ пресвятой Пасхи. Имѣю смѣлость припасть къ стопамъ по случаю Свѣтло-Христова Воскресенія“, и пр.

— Ну, что?... Гладко?...

— Спасибо, батюшка, спасибо... лепетала Арина Прохоровна, дрожащими руками развязавъ уголъ платка и вынимая изъ него тридцатикопѣечный гонорарій адвокату.

— Съ васъ еще слѣдуетъ тридцать одну копѣйку-съ, любезно отнеся къ ней Ефремычъ.

Старуха ахнула.

— Трид-цать одну копѣйку?... протянула она изумленно. За что-же, батюшка?...

— Двѣ косушки водки — двадцать, бумага — три, три

папироски Антонъ Ермолаичъ выкурили — еще, значитъ, три, да за чернила обѣщали пять копѣекъ... итого-съ тридцать одна.

— Голубчикъ... вѣдь я бѣднѣй всякаго бѣднаго...

— Да ужъ нельзя-съ — съ насъ хозяинъ спрашиваетъ. Товаръ деньги любитъ.

Бѣдная Арина Прохоровна снова должна была раскошелиться, но адвокатъ и этимъ еще не удовлетворился.

— Вотъ теперь, матушка, на счастье надо выпить стаканчикъ. Безъ этого нельзя, потому пути не будетъ,!— сказалъ онъ.

— Пей, голубчикъ, а только денегъ-то у меня и на хлѣбъ не хватитъ... внучка больная... бѣдняюсь очень... сконфуженно лепетала старуха.

Но съ адвокатами ладить трудно. Антипъ Ермолаичъ сталъ наикатегоричнѣйшимъ образомъ доказывать, что жалѣть пятачекъ — значитъ не жалѣть себя, потому что пути рѣшительно не будетъ, если для счастія не пропустить стакашекъ. Ефремычъ, съ своей стороны, тоже доказалъ свою способность убѣждать.

— И чего жмешься-то, старуха?... сказалъ онъ. Вѣдь пятачекъ—тьфу!... Ты посмотри, какъ онъ отвалялъ-то прошеніе — антикъ-марэ, пальчики оближутъ.

Арина Григорьевна, вынувъ неотвязчивому адвокату еще пять копѣекъ, вышла, наконецъ, изъ Астраханской улицы и направилась къ цѣли путешествія. Черезъ часъ, усталая и почти обезсилѣвшая, она сидѣла уже на бульварѣ Средняго проспекта Васильевскаго острова, еще черезъ часъ — на Адмиралтейскомъ бульварѣ и, наконецъ, еще часа черезъ два

доплелась до благотворительнаго учрежденія, отъ котораго чаяла хотя временнаго облегченія своей горькой участи.

Прошеніе приняли и приказали навѣдаться дня черезъ четыре.

Часамъ къ семи вечера вползла, держась за карнизы, старушенка въ свой переулокъ. Въ эти минуты она дѣйствительно была похожа на кусокъ стараго драпа, такъ изношена, такъ измята и съежена была вся ея фигура. Не смотря на то, что время было далеко не жаркое, сѣдые волосы старухи липили къ сморщеннымъ вискамъ ея, а покрытыя сотнями морщинъ щеки прорѣзывались по-временамъ быстро катившимися изъ-подъ волосъ крупными каплями пота.

— Это вы, бабушка?... послышался слабый, прерываемый кашлемъ, голосъ изъ-за занавѣски, скрывавшей за собою постель больной.

— Уфъ!... я, я, голубчикъ Таля.

— Устали, небось, бабушка?...

— Нѣтъ, ничего... посижу маленько...

— Бѣдная бабушка!... кругомъ... этакою даль...

— Что дѣлать, Наташенька, — авось Господь Богъ и воздастъ за труды... Свѣтъ не безъ добрыхъ людей — помогутъ. Что дѣлать!... Вотъ при голубчикѣ Антонѣ Тихонычѣ не приходилось такъ маяться — своя лошадка таскала... да...

На пятый день Арина Прохоровна, проснувшись съ пѣтухами и приготовивъ Наташѣ уготій кофеишко, собралась снова въ далекій путь. Нельзя-же — велѣно было „понавѣдаться“. Опять та-же исторія, тѣ-же отдохновенія, тѣ-же усталость и изнеможеніе, тотъ-же и результатъ: велѣли идти домой и ждать посѣщенія члена благотворительнаго учреж-

денія. А между тѣмъ средства бѣдной старухи совершенно изсякли, потому что хотя и можно было достать кое-какую работишку, но кругосвѣтныя хожденія за золотымъ руномъ и обязательное сидѣніе дома ради поджиданія члена благотворительнаго учрежденія дѣлали изъ этого „можно“ совершеннѣйшее „нельзя“. За работой нужно было идти далеко, а потому Арина Прохоровна, боясь пропустить посѣщеніе члена, голодала, но сидѣла дома.

Наконецъ, давно-жданный часъ насталъ: въ квартиренку Арины Прохоровны постучался членъ благотворительнаго учрежденія, во образѣ старой, высокой и необыкновенно-сухощавой дамы, одѣтой во все черное.

— Вы госпожа Теряева?... спросила она у Арины Прохоровны, когда та отворила дверь.

— Я, матушка, я, — пожалуйте...

— Я къ вамъ по порученію общества „Гуманность“,— продолжала черная дама совершенно въ носъ и страшно растягивая каждое слово. Вы, кажется, подавали прошеніе о пособіи?...

— Подавала, матушка, потому какъ я, оставшись послѣ мужа при больной внучкѣ... и все такое...

— Да, да-а, прогнусявила дама, опускаясь на деревянный табуретъ возлѣ стола, на которомъ стояло блюдце съ хвостомъ селедки, составлявшей въ послѣднее время исключительную добавочную къ кофею пищу старухи Теряевой. Арина Прохоровна очень сконфузилась этимъ обстоятельствомъ.

— Извините, матушка, я тутъ маленько закусывала... дѣло житейское.

— Ничего, ничего... Это селедка, кажется, у васъ не простая?...

И дама наклонилась близорукими глазами къ остаткамъ старухиной трапезы. Арина Прохоровна еще больше сконфузилась.

— Что это... не простая, кажется, селедка у васъ?... пропѣла вопросительно дама.

— Нѣтъ, матушка, это шотландка изъ мелочной. Она хоть и поменьше, а помягче для зубовъ... дѣло мое старое...

— Гм... А это вы, кажется, кофей пили?...

— Да, матушка, кофеишка грѣшнаго нельзя не выпить... А только сливки хуже молока... Вотъ при моемъ мужѣ, бывало, ложка въ сливкахъ стоитъ, потому свои коровки были...

Дама пытливымъ взоромъ обвела коморку.

— Гм... А это у васъ комодъ краснаго, кажется, дерева?...

— Точно такъ, матушка, — единая память по мужѣ... Мой голубчикъ Антонъ Тихонычъ всегда говорилъ: „все, Ариша, продай, а ужъ комодъ — ни-ни!...“ Вотъ мнѣ пять съ полтиной давали — не отдала. Для внучки берегу, коли Господь продлитъ ей вѣку.

Дама встала.

— Гм... А!... И кофейникъ у васъ есть мѣдный?...

— Тоже послѣ мужа, матушка... Все нужда съѣла, все распродала, а ужъ комодъ и кофейникъ ни въ жизнь не продамъ.

— Гм... Прощайте... прогнусавила барыня — и уѣхала.

Еще дней черезъ пять Арина Прохоровна, вставъ часовъ въ 6 утра, разбудила внучку.

— Наташа... Вотъ тутъ я поставила тебѣ вчерашній

кофеишко... Ужъ извини, что холодный — дровецъ нѣту. Я иду получать пособіе. Авось Господь Богъ пошлетъ намъ поправиться...

— Прощайте, бабушка... Только эта дама что-то...

— Чево такое?...

— Да не понравилась мнѣ... Ужъ очень строгая... любопытная...

Наташа закашлялась. Старуха, простившись съ ней, поплелась совершать въ третій разъ кругосвѣтное путешествіе. На этотъ разъ къ сильному физическому утомленію присоединилась еще и нравственная пытка во образѣ неизвѣстности будущаго. Сильное душевное волненіе, овладѣвавшее Ариною Прохоровною все больше и больше, по мѣрѣ приближенія ея къ цѣли путешествія, заставляло ее лишній разъ присаживаться на карнизы заборовъ и съ трудомъ унимать сердцебіеніе. Наконецъ, путь былъ оконченъ. Арина Прохоровна, преодолѣвъ волненіе, съ опущенными глазами, какъ приговоренная къ смерти, подошла къ столу справокъ.

— Вдо-ва куп-чиха Теряева... Вы?...

— Я, батюшка...

— Вамъ назначено пособія одинъ рубль семьдесятъ пять копѣекъ...

Арина Прохоровна точно обратилась въ мумію. Она не вскрикнула, не вздохнула, даже не ахнула, а стояла какъ пораженная громомъ — безъ движенія, почти безъ чувствъ.

— Потрудитесь росписаться и получить, говорилъ письмоводитель.

Тогда только у старухи Теряевой захлопали вѣки глазъ — и она вдругъ залилась слезами.

— Батюшка!... Что-же я буду дѣлать?... Я двѣ, по-

честъ, недѣли ходила сюда... сама издержала больше рубля на хлопоты и на бумагу... работу потеряла...

— Ничего не знаю-съ.

— Сдѣлайте божескую милость!... Вѣдь у меня внучка прежде смерти умретъ!...

— Ничего не знаю-съ. На резолюціи написано, что у васъ въ квартирѣ замѣчены признаки нѣкотораго довольства и даже слѣды нѣкоторой роскоши...

— Господи!... Что-же мнѣ дѣлать то?!...

— Ничего не знаю-съ, сухо отвѣчалъ чиновникъ — и сталъ выкликать другихъ...

ТРЕЗОРЪ.

(быль).

Если ты, читатель, и не особенно избалованъ судьбою, если фортуна и не надѣлила тебя возможностію жить въ роскоши и знаться съ бель-этажами и экипажами, то и въ такомъ случаѣ ты двухъ дней не прожилъ-бы при той жизненной обстановкѣ, какая выпала на долю заштатнаго чиновника Трифона Кузьмича Бражкина: больно ужъ она неприглядна.

Двѣ крошечныхъ комнатки, или, вѣрнѣе, одна небольшая комната, раздѣленная далеко недоходящею до потолка тоненькою перегородкою — вотъ квартира Трифона Кузьмича. Неуклюжій, со всѣхъ сторонъ оборванный и облупленный, краснаго дерева диванъ, таковыхъ-же свойствъ комодъ, неказистый столишко и нѣсколько отжившихъ вѣкъ соломенныхъ стульевъ—составляютъ все ея убранство.

Далѣе — домочадцы Трифона Кузьмича. Возьмемъ, читатель, счеты и будемъ выкладывать.

Супруга Трифона Кузьмича Анна Прохоровна — разъ; старшая дочка его двѣнадцатилѣтняя Поля — два; золо-

тушный и вѣчно-ковыряющій въ носу десятилѣтній сынишка Егорушка — три; Вася — четыре; Ваня — пять; Катя — шесть; Евгеша — семь; Антоша — восемь; котъ Васька — девять.

Итого, вмѣстѣ съ котомъ Васькой, цѣлый десятокъ. Вся эта орава просила хлѣба — трудно было Трифону Кузьмичу. Четыре тяжелыхъ года прошло съ-тѣхъ-поръ, какъ его постигла участь, погубившая многія сотни людей: оставленіе за-штатомъ совершенно измѣнило характеръ Трифона Кузьмича, согнало навсегда съ добродушной физіономіи его вѣчно веселую улыбку, преждевременно убѣлило его волосы, согнуло спину и сдѣлало жизнь его рядомъ самыхъ тяжелыхъ мученій. Онъ не упалъ, впрочемъ, совершенно, какъ упали многіе другіе, не спился съ горя и не махнулъ на все рукою, и только спустя три года послѣ случившейся съ нимъ катастрофы сталъ недовѣрчиво относиться къ возможности выхода изъ своего ужаснаго положенія. „Буду имѣть въ виду“, „понавѣдайтесь черезъ недѣльку“, говорили ему разныя важныя особы, которыхъ онъ обходилъ со слезною просьбою о мѣстѣ, а между тѣмъ онѣ не догадывались, эти важныя особы, что для человѣка голоднаго эта „недѣлька“ — цѣлая длинная недѣля страданій и горя. И возвращался Трифонъ Кузьминъ, послѣ безуспѣшнаго посѣщенія десятка важныхъ особъ, усталый и голодный къ своему холодному домашнему очагу, садился на убогій диванъ краснаго дерева и, тоскливо подпершись рукою голову, думалъ о слѣдующей „недѣлькѣ“. А „недѣльки“ проходили длинною вереницею одна за другой и не приносили ничего, кромѣ новыхъ страданій.

— Охъ, Господи! да когда-же жисть-то эта окаянная кончится! хоть-бы помереть скорѣе! ворчала, переполаскивая

дѣтское бѣлье, Анна Прохоровна. Трифонъ Кузьмичъ молчалъ.

— Трифонъ Кузьмичъ! а Трифонъ Кузьмичъ! или не слышишь!

— Чего тебѣ?

— Я говорю — долго-ли маяться такъ будемъ? Вѣдь ты смотри — у Егорушки сапожишки совсѣмъ свалились, дырявые.

— Знаю, матушка, знаю...

— Ты только и знашь — „знаю!“ Вѣдь на голенищахъ ходитъ! Поля тоже вся въ дырьяхъ — надѣть на нее нечего. Всѣхъ дѣтей золотуха одолѣла; который день на однѣхъ селедкахъ, да на квасу сидимъ.

Трифонъ Кузьмичъ глубоко вздохнулъ.

— Ты-бы хошь къ генералу Вурсту сходилъ — авось.

— Былъ матушка, — велѣлъ навѣдаться. Разъ сорокъ былъ.

— А у этого начальника отдѣленія — у Миллера?

— Разъ двадцать былъ. Черезъ недѣльку сказалъ.

— А у этого, какъ его.

— У Пфеферпфенига? — былъ. На этой недѣлѣ покрайности у двадцати начальниковъ былъ, прибѣгалъ къ ихъ стопамъ. У Пржепржепсицкаго—былъ, у директора департамента Кальтвассера—былъ, у Шумахера—былъ, у Штифельмахера—былъ, у Курца, у Шмурца, у Дрейера, у Мейера, у Фрейра, — почесть у всѣхъ начальниковъ въ Петербургѣ перебывалъ.

— Ахъ ты Господи!... Просто хоть топись — отъ голоду дѣти, прости Господи, околѣваютъ!...

И, продолжая полоскать бѣлье, Анна Прохоровна зали-

лась обильными слезами. Слезы капали въ корыто и исчезали въ дѣтскомъ бѣльѣ.

— Полно, матушка, слезами бѣльишко-то мыть... Не отчаявайся. Я схожу еще сегодня къ нѣкоему Коменъ-зиморгену... утѣшилъ бѣдную мать Трифонъ Кузьмичъ...

У каждаго гражданина, читатель, бываетъ своя большая или маленькая страсть. Иной, напримѣръ, особенно любитъ оперу, а иному опера совсѣмъ не нравится — ему подавай макароны съ сыромъ. Есть граждане, которымъ вовсе не нравится, когда у нихъ кто-нибудь спрашиваетъ взаймы денегъ, и есть, въ то же время, такіе, которые и сами непрочь попризанять, если представится удобный случай. Иной любитъ панталоны узкія, иной — широкія, иной — блондинокъ, иной — брюнетокъ. Иной ни въ щи, ни въ кашу щепотки соли не любитъ положить, а иной насолитъ и себѣ, и другимъ насолитъ, да такъ насолитъ, что вѣкъ друга милаго не забудешь (какъ, напримѣръ, мнѣ недавно насолилъ одинъ мой благопріятель подъ формою И. А. К., каналья естественная). Рѣшительно — вкусы у смертныхъ чрезвычайно своеобразны. Недаромъ римляне измыслили пословицу „de gustibus non est disputandum“, а московскія модистки — четверостишіе:

У всякаго своя манера,
У всякаго свой вкусъ:
Иной любитъ офицера,
А иной — арбузъ.

Итакъ-съ — всякъ молодецъ на свой образецъ, или, другими словами, никому не запрещается любить, что̀ ему

угодно. Что-же касается до моего героя, то и у него была своя зазнобушка... Онъ до безумія любилъ собачекъ. Впрочемъ — увы! — жизненная обстановка Трифона Кузьмича рѣшительно не гармонировала съ этой невинной страстью и не позволяла ему держать ни единаго, какъ есть, пса — даже изъ самой благороднѣйшей расы. Не разъ Трифону Кузьмичу случалось приласкать на улицѣ во какое псище, просто объяденье, но по водвореніи во-своясяхъ Анна Прохоровна начинала запѣвать на такой ладъ, что мой бѣдный собаколюбивый герой долженъ былъ, скрѣпя сердце и чуть не проливая слезъ, выпроваживать приведенное имъ „благородное животное“.

— Помилуй, Трифонъ Кузьмичъ!... Бога ты не боишься!... Вѣдь самимъ жрать нечего, а онъ еще животовъ наводитъ!...

— Да вѣдь это, матушка, благородное животное...

— Гони, гони вонъ!... Креста на тебѣ нѣту!... Дѣти и то въ каростѣ!...

— Онъ, матушка, чистенькій... Ты посмотри, пудель-то какой — красота...

— Вонъ, вонъ!...

— Шерсть—что твой шелкъ. Если выстричь, такъ это...

— Гони, Трифонъ Кузьмичъ! Прошу тебя!

— Послушай, матушка, вѣдь можетъ быть купятъ... цѣну хорошую дадутъ, хитрилъ Трифонъ Кузьмичъ.

— Гони, гони!... И Васька-то ужъ лопаетъ!... гони!...

Привыкнувъ, въ продолженіе своего слишкомъ тридцатипятилѣтняго служенія, къ повиновенію властямъ, Трифонъ Кузьмичъ съ грустію выводитъ благородное животное за

врата своего убогаго жилища, предварительно взявъ съ кухонной полки украдкою кусочикъ хлѣба.

Но вотъ однажды случилось моему герою встрѣтиться на улицѣ и сойдтись съ отличнѣйшимъ бульдогомъ. Какъ нарочно, минуты жизни были въ это время самыя отчаянно-трудныя. И тутъ, при эдакихъ-то обстоятельствахъ, такая находка!... Не взирая, однако, на совершенную почти безполезность всякихъ разсчетовъ на согласіе Анны Прохоровны, Трифонъ Кузьмичъ сказалъ отличнѣйшему бульдогу „ало-иси“ — и направился къ своему пепелищу.

„ Въ сѣняхъ привяжу... въ темномъ уголкѣ... продержу денька три, а потомъ, можетъ быть, Анна Прохоровна и попривыкнетъ...“ разсуждалъ онъ дорогою.

Дѣйствительно, отличнѣйшій бульдогъ вскорѣ очутился привязаннымъ въ сѣняхъ квартиры Бражкина.

— Что это ты, Трифонъ Кузьмичъ, такъ часто выходишь въ сѣни? спросила Анна Прохоровна.

— Да нельзя-же, матушка, не выходить совсѣмъ. Вѣдь я человѣкъ.

— Да что-то ужъ очень часто... Я съ утра одинъ разъ ходила.

Отличнѣйшій бульдогъ велъ себя весь вечеръ отличнѣйшимъ образомъ, но ночью ему взгрустнулось, должно быть, по родинѣ — и онъ, сначала тихо, а потомъ все громче, началъ оную тоску по родинѣ выражать звуками.

— Слышишь, Триша, тамъ въ сѣняхъ кто-то?... спросила впросоньи Анна Прохоровна.

Сердце Трифона Кузьмича екнуло.

— Полно, матушка, кому тамъ быть!...

— Слышишь?... Вотъ опять сейчасъ!...

— Э, матушка, такъ кажется.

Супруги успокоились.

— Трифонъ Кузьмичъ!... Слышишь?... пугливо спросила черезъ нѣсколько минутъ Анна Прохоровна.

— Полно, матушка, одно воображеніе.

Но вдругъ отличнѣйшему бульдогу вздумалось показать вполнѣ свои голосовыя средства — и онъ тоску свою по родинѣ выразилъ въ такихъ душу трогающихъ звукахъ, что все семейство Бражкиныхъ вскочило со своихъ убогихъ постелей.

— Мама!... боюсь!... Тамъ амсинька!... запищали дѣти.

— Трифонъ! Это ты пса привелъ опять?... завопила Анна Прохоровна.

— Что ты, матушка!

— Ахъ ты безбожникъ! Шаладырный ты человѣкъ! Непутястая твоя голова!...

— Что-же-бы это тамъ... растерянно говорилъ Трифонъ Кузьмичъ, стоя въ нерѣшительной позѣ у кровати.

— Песъ!... говорятъ тебѣ, песъ!...

— Не можетъ быть...

— Гони сейчасъ вонъ!... гони!...

— Это... это, Аннушка, отличнѣйшій бульдогъ... Можетъ быть купятъ...

— Вонъ его!... гони въ сію минуту!... Я его ухватомъ!...

— Позволь, матушка, до утра...

— Ни ни!... Гони сейчасъ!...

Бѣдный Трифонъ Кузьмичъ, почесавъ затылокъ, сталъ одѣваться, боясь, чтобы Анна Прохоровна не привела въ исполненіе свою ухватскую угрозу. Одѣвшись, выйдя въ сѣни

и запечатлѣвъ самый дружескій поцѣлуй на челѣ отличнѣйшаго бульдога, мой бѣдный герой потянулъ веревку, произнесъ „ало-иси“ и пошелъ по темному двору. Подходя къ воротамъ, Трифонъ Кузьмичъ въ раздумьи остановился. Доброе сердце его разрывалось при мысли, что сей прелестный Трезоръ можетъ попасться безсердечнымъ фонарщикамъ и мученическою смертію заплатить за свое знакомство съ нимъ, титулярнымъ совѣтникомъ и кавалеромъ Бражкинымъ. Подъ вліяніемъ такой мысли Трифонъ Кузьмичъ рѣшился привязать отличнѣйшаго бульдога на дворѣ въ маленькомъ дровяномъ чуланчикѣ, съ тѣмъ, чтобы рано утромъ отвести его куда-нибудь.

Дѣйствительно, на другой день онъ отвелъ Трезора на Адмиралтейскій бульваръ, неизвѣстно почему особенно любимый собаками, и, закуривъ окурокъ сигары, сѣлъ съ нимъ на одну изъ скамеекъ. Лаская своего собесѣдника, мой герой замѣтилъ остановившуюся у бульвара щегольскую карету и высунувшуюся изъ нея голову барина. На лицѣ барина было написано: „я у-у какой“. Юпитеровскій взглядъ барина былъ устремленъ прямо въ упоръ на отличнѣйшаго бульдога, что привело Трифона Кузьмича въ неописанное смущеніе.

„Ну что, какъ этотъ отличнѣйшій бульдогъ принадлежитъ его превосходительству?...“ промелькнуло у него въ головѣ.

Въ это время по знаку, данному „у-у какимъ бариномъ“, къ дверцамъ кареты подбѣжалъ соскочившій съ козелъ халуй въ щегольской ливреѣ. Баринъ сказалъ нѣсколько словъ халую и, приподнявъ густыя брови, подмигнулъ на Трифона Кузьмича.

„Его превосходительство изволило указать на меня!...“ въ ужасѣ прошепталъ мой герой, измѣнясь въ лицѣ.

Спустя секунды три, ужасъ Трифона Кузьмича еще больше усилился: поддерживаемый халуемъ, старый баринъ вылѣзъ изъ кареты и направился прямо къ дрожавшему уже какъ листъ Бражкину. Тотъ вспрыгнулъ со скамейки.

— Это вашъ бульдогъ?...

— Ваше... ваше превосходительство... я не имѣлъ счастія предполагать... случайность.

— Отличнѣйшій, отличнѣйшій бульдогъ. У меня такой точно есть — только посвѣтлѣе. А какого это пола?...

— Прекраснаго, ваше превосходительство... т. е., нѣтъ-съ, кобель-съ.

— А!... это хорошо, это я люблю. Не старъ еще?... а?...

— Скоро, передъ Покровомъ-съ, два года будетъ, ваше превосходительство, совралъ на удалую, нѣсколько ободрившись, Бражкинъ.

— А?... Два года?...

— Точно такъ.

— А?...

— Два года-съ.

— Гм... Я его желаю погладить... Не укуситъ?...

— Помилуйте-съ, ваше превосходительство!.. какъ-же онъ осмѣлится укусить ваше превосходительство!...

Баринъ погладилъ.

— Отличнѣйшій, отличнѣйшій бульдогъ. Складъ чертовски хорошъ. Моя Теолинда нѣсколько пониже только. Григорій!...

Подбѣжалъ халуй.

— Что, Григорій, годится?...

— Преотличнѣйшая природа будетъ-съ, преотличная.

— А?...

— Хорошая природа будетъ — лучше чего и требовать нельзя, одно слово: будетъ — антикъ.

— Да, да, отличнѣйшій бульдогъ... Вы чиновникъ?...

— Точно такъ, ваше превосходительство! Самъ-десятъ, пятый годъ за штатомъ, потому безъ случаю-съ... Семейство претерпѣваетъ бѣдствіе-съ...

— Да, да. Ну, ничего. Если порода выйдетъ хороша — я вамъ дамъ... да, да... дамъ у себя частное занятіе...

— Ваше превосходительство!... Благодѣяніе вашего превосходительства, которое ваше превосходительство оказываете, заставитъ меня и мое семейство молить о вашемъ превосходительствѣ и всѣхъ членахъ дома вашего превосходительства. Я превознесу молитвы, ваше превосходительство... мои слезы, ваше превосходительство, т. е. мой долгъ, ваше превосходительство...

— Да, да... Вотъ что. Приходите съ этимъ отличнѣйшимъ бульдогомъ завтра ко мнѣ, въ Морскую. Спросите тамъ фонъ-Зейденштюкердринтенгауза. Я живу въ домѣ купца Фишера.

— Слушаю-съ.

— Отличнѣйшій, отличнѣйшій бульдогъ. Да, да. Такъ приходите-же.

— Слушаю-съ.

Баринъ сѣлъ въ карету. Ливрейный халуй вскочилъ на козлы, и карета помчалась вдоль по улицѣ.

Утромъ, попріопрятившись и попримазавши волосы деревяннымъ масломъ, Бражкинъ отправился въ путь.

— Здѣсь живетъ... онъ сталъ припоминать: Зейштюк... Зейштюкдрюк...

— Зейденштюкердринтенгаузъ?... Здѣсь.

Бражкина ввели, вмѣстѣ съ отличнѣйшимъ бульдогомъ, въ роскошную переднюю.

— А!... Да, да. Это хорошо. Люди!... скажите, чтобы барыня вышла изъ моего кабинета... Пойдемте. Эй, Теолинда!... ісі...

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. По кабинету барина, весело играя, бѣгали два крошечныхъ и красивыхъ, точно амурчики, щеночка-бульдоги, а титулярный совѣтникъ Бражкинъ, сидя въ одной изъ барскихъ комнатъ, журилъ какого-то молодаго человѣка за неисполненіе какихъ-то приказаній по имѣнію собаколюбиваго барина.

КАРЬЕРА ЕВЛАШКИ.

(невымышленный разсказъ).

Часъ десятый темнаго осенняго вечера. Въ одномъ изъ небольшихъ петербургскихъ трактировъ средней руки, и безъ того неотличающемся особенною бойкостью торговли, по случаю поздняго времени, почти всѣ комнаты пусты. Только „у машины“, т. е. въ комнатѣ, гдѣ старый, охрипшій и давно сбившійся съ панталыку органъ, до милліона разъ отколовшій на своемъ вѣку „Лучинушку“, услаждаетъ слухъ потребителей яствъ и питей своими мелодичными звуками, похожими на душу раздирающіе вопли прижатаго въ воротахъ поросенка, — только тамъ сидятъ еще человѣка три-четыре бородатыхъ купца, мѣрно прихлебывающихъ съ разрисованныхъ блюдечекъ тепленькую водицу и изрѣдка пересыпающихъ антракты между глотками бесѣдою въ родѣ слѣдующей:

— Тэкъ-съ, Антонъ Спиридонычъ...

Глотокъ.

— Д-да-съ, Ананій Прохорычъ...

Глотокъ и вздохъ.

— Да еще кабы не того...

Глотокъ.

— Что и говорить, Ананій Прохорычъ...

Глотокъ.

— Одна канитель... потому ежели, къ примѣру... и все такое...

— Ничего не подѣлаешь — Москва близко...

Пауза. Сосредоточенное глотанье и вздохи.

— А коли-бы такъ — любезное-бы дѣло, Антонъ Спиридонычъ...

— Какъ можно!... Не въ примѣръ вольготнѣй.... А то труба!...

И такъ далѣе, все въ той-же простонародно-аллегорической формѣ, доступной пониманію исключительно однихъ бесѣдующихъ.

Только у буфета нѣсколько оживленнѣе. У двухъ оконъ, расположенныхъ по обѣ стороны входныхъ дверей, сидятъ за чаемъ группы синихъ чуекъ, а нѣсколько поодаль, у столика подъ образомъ, возсѣдаютъ даже два „господина“. Такъ, по-крайней-мѣрѣ, можно и должно судить по лежащимъ возлѣ нихъ пуховымъ шляпамъ. Безпрестанно подбѣгающіе къ буфету половые съ черной половины, требующіе, то „двоимъ чаю“, то „графинчикъ очищенной“, то „на копѣйку сахару“, дополняютъ оживленіе буфетной комнаты.

— Одначе у васъ торговелька-то, кажись, ничаво, Степанъ Трифонычъ,— обращается одна изъ чуекъ къ колющему сахаръ буфетчику.

— Ничего-съ, Господа гнѣвить нельзя-съ. Извѣстно, къ вечеру, поплоше, а днемъ — страсть, высморкаться некогда... А тутъ еще помощники такіе...

Съ этими словами буфетчикъ поворачиваетъ голову встрону и останавливаетъ мечущій молніи гнѣва взглядъ на заснувшемъ надъ мытьемъ посуды мальчикѣ-судомойкѣ.

— Опять дрыхнешь?... Чо-ортъ!...

Удящій носомъ рыбу мальчишка судорожно поднимаетъ голову, расправляетъ во всю ширь глаза и, мигая, продолжаетъ какъ-то машинально переполаскивать въ багѣ блюдца и чашки.

— Этакого, прости Господи, одра привезли!... продолжаетъ буфетчикъ, обращаясь къ чуйкѣ. Только и дѣла, что дрыхнетъ!...

— Да я, дяденька... оправдывался-было мальчикъ.

— Молчи, чортъ дьявольской породы!... сволочь благородная!... Ишь ты, еще огрызается — дворянинъ, подумаешь, какой!... Безъ году недѣлю въ Питерѣ живетъ, а туды-же — анбицью ломаетъ!... Вотъ возьму за вихры, да такъ обезпечу, что какъ тетку звать забудешь!...

— Ему спать охота!... Въ деревнѣ-то на печи все науки происходилъ, такъ не выспался!.... Ха, ха, ха!... замѣтила другая чайка. И откеда ты, Трифонычъ, выкопалъ такого лопоухаго?... Ишь, уши-то какія — словно крылья у мельницы!....

Мальчикъ изподлобья съ ненавистью посмотрѣлъ на чуйку.

— Ишь, какъ глядитъ-то, — уставившись на мальчика, произнесъ буфетчикъ. Мразь-мальчишка!... Повѣрите-ли — эдакой шельмы вѣкъ не видывалъ!.. Вчера сѣли обѣдать — „селянка, говоритъ, не больно хороша!“ Ахъ ты деревня!.... чумичка эдакая!... Въ деревнѣ-то, небось, опорками щи хлебалъ, а тутъ — „селянка не хороша!“... Велики дѣла твои, Господи!...

Буфетчикъ принялся снова колоть сахаръ, но вскорѣ послышавшійся легкій храпъ маленькаго судомойки отвлекъ его отъ этого занятія.

— Опять задрыхъ?!... Евлаха!...

Мальчикъ встрепенулся, пугливо обвелъ вокругъ глазами — и чашки снова загремѣли.

— Ахъ ты мразь эдакая!... Завтра-же твоего и духу не будетъ, чучело проклятое!... стиснувъ зубы, проговорилъ буфетчикъ.

— А въ которомъ часу вы отворяете? спросилъ одинъ изъ пришедшихъ въ пуховой шляпѣ.

— Заведеніе-то когда отпираемъ?... Мы отпираемся рано, часовъ въ пять утра, потому у насъ гость больше извощикъ. На чистой половинѣ у насъ торговля неважная.

— А запираетесь въ двѣнадцать?...

— Около того, въ полъ-часа, эдакъ, двѣнадцатаго часа.

— Гм... такъ какъ-же мальчику не быть сонному?... Вѣдь эдакъ выходитъ, что онъ спитъ пять часовъ въ сутки, а остальные девятнадцать стоитъ на ногахъ, безъ устали работая. Вы хоть присѣсть ему позволили-бы...

— Эхъ, господинъ, ваше дѣло не такое, вы не понимаете нашихъ дѣловъ. Работа евоная — плевое дѣло, а что стоять-то, такъ не лежать-же ему, мы сами стояли, да и по таперь стоимъ. Коли ежели ему при гостѣ сидѣть, такъ рыломъ еще не вышелъ. Хорошій гость завсегда обидится.

— Оттого, что человѣкъ мучится, гостю не легче. Даже смотрѣть непріятно...

— Рыломъ не вышелъ-съ.

Пуховыя шляпы ушли, а у буфета трактира „Магнитъ“ долго еще слышались глумленія синихъ чуекъ надъ ушами

Евлашки и звуки затрещинъ, которыми сталъ надѣлять, послѣ ухода „чистаго“ гостя, горемычнаго судомойку строптивый буфетчикъ...

Первый дебютъ лопоухаго Евлахи на поприщѣ столичной жизни былъ, какъ видитъ читатель, не совсѣмъ благопріятенъ. Постоянное бодрствованіе надъ ненавистной лоханью, еще болѣе ненавистные тычки, подзатыльники и затрещины, наконецъ отсутствіе какихъ-бы то ни было, хотя-бы и самыхъ пустячныхъ, но свойственныхъ возрасту, развлеченій — все это не могло не разочаровать Евлаху сразу. Вообще больно незавидна въ первое время жизнь привезеннаго въ Питеръ деревенскаго мальчика. Если для кого столичная жизнь и представляетъ собою неисчерпаемый источникъ всякаго рода прелестей, то это ужъ никакъ не для него, этого неуклюжаго медвѣженка, недуманно-негаданно отрываемаго отъ бабокъ и невинныхъ игръ съ босоногими сверстницами Акульками и привозимаго въ столицу подъ начало какого-нибудь строптиваго Трифоныча.

Постоянныя насмѣшки пообжившихся уже въ „Магнитѣ“ мальчугановъ, а зачастую и посѣтителей, надъ непомѣрною длиною и отвислостью ушей Евлахи, доѣдали его больше тычковъ, подзатыльниковъ и обязательнаго девятнадцати-часоваго стоянія у лоханки — и онъ рѣшился, во что-бы то ни стало, перемѣнить жизнь свою къ лучшему. Какъ утопающій хватается за соломенку, такъ хватился онъ за какого-то дядю Силая—земляка, пришедшаго къ нему узнать адресъ тетки Иванихи, которой привезъ изъ деревни поклонъ и письмо отъ тетки Шулетихи.

— Порадѣй обо мнѣ, дяденька Силай, — ей-же Богу утоплюсь я тутъ отъ эфтакой жизти, молилъ онъ мужика, когда буфетчикъ отходилъ случайно отъ буфета.

Дядя Силай порадѣлъ — и жизнь горемычнаго Евлахи на первыхъ-же порахъ измѣнилась. Онъ попалъ въ портерную, составлявшую единственное состояніе когда-то довольно зажиточнаго, но совершенно разорившагося купца-трактирщика, большой руки мота, забулдыги и весельчака, незнавшаго ни счета, ни порядка, ставившаго послѣднюю копѣйку ребромъ въ какомъ-нибудь увеселительномъ заведеніи и рѣшительно незаботившагося о ходѣ торговли въ своемъ единственномъ заведеніи. Прикащикомъ, къ которому Евлаха поступилъ въ подручные, былъ какой-то молоденькій выходецъ изъ западныхъ губерній, полячекъ-однодворецъ, страшный фатъ, но, сравнительно съ Трифонычемъ, человѣкъ мягчайшій и кротчайшій. Вотъ подъ его-то вліяніемъ и началось первоначально воспитаніе Евлахи, сразу почувствовавшаго, что его переходъ изъ „Магнита“ въ портерную купца Корочкина былъ равносиленъ переходу изъ гарнизона въ гвардію.

При первомъ освидѣтельствованіи проведеннаго въ портерную Евлахи, Корочкинъ повернулъ его нѣсколько разъ передъ собою, неизвѣстно зачѣмъ ударилъ пальцемъ по отвислому уху, громко захохоталъ и сказалъ:

— Ну, живи умненько, плутуй по-маленьку — молодецъ будешь!... Ха, ха, ха!...

Евлаха тутъ-же почуялъ, что хозяинъ — первый сортъ.

— А какъ тебя, дѣвица, по имени зовутъ?... а?...

— Чаво-съ?...

— Какъ ругаютъ тебя?... Ха, ха, ха!...

— Евлампіемъ.

— А!... Ну, ладно, Евлаша!... А вино пьешь? Ха, ха!..

— Нѣту-ти.

— А за французинками бѣгаешь?... Ха, ха, ха!...

Евлаха впервые узналъ, что передъ хозяиномъ можно засмѣяться, хотя и въ кулакъ. Онъ фыркнулъ.

— Ну, Евлаша надо попріодѣться... Тамъ въ кладовой есть эдакіе сертучки, да брючки — отъ трактирскихъ молоцовъ остались... Такъ ты примѣрь... А то и французинки не полюбятъ... Ха... ха... ха... Да лѣвое ухо подвяжи — отвисло оченно... Ха, ха, ха!...

Прошло года съ два со времени поступленія Евлахи на новое служебное поприще. Корочкинъ все рѣже и рѣже сталъ являться въ портерную. Какая-то рыжеватая, косая и сухая какъ копченая камбала нѣмка дотого плѣнила его своими тощими прелестями, что онъ почти безвыходно находился въ Средней Мѣщанской, а между тѣмъ, крохи и крупицы, попадавшія Евлахѣ со стола прикащика, незамѣтно создали ему порядочный пиджакъ, жилетъ и брюки. Ни дядя Силай, ни тетки Иваниха и Шулетиха, ни даже сама родная мать не узнали-бы моего героя—такъ онъ перемѣнился въ это непродолжительное время. Громадные, похожіе на лыжи, сапожищи замѣнились хотя и заплатанными, но довольно приличными и, какъ находилъ сосѣдъ-зеленщикъ, фасонистыми сапогами; на груди появилась бѣлая манишка, а на указательномъ пальцѣ правой руки — перстень... хотя не золотой и даже не серебряный, но все-таки перстень... Вообще у Евлампія стала развиваться страсть къ франтовству, чему, разумѣется, сильно способствовалъ примѣръ вѣчно прилизаннаго, ходившаго въ цвѣтныхъ галстухахъ и выражавшагося отборными словцами, прикащика.

Посѣтителей въ портерной бывало очень немного, что давало Евлахѣ возможность по цѣлымъ часамъ засиживаться на улицѣ за дверьми и отпускать комплименты мимо проходящимъ горничнымъ. Правда, отсутствіе необходимаго въ этомъ случаѣ лоска — того лоска, какимъ отличался франтъ и сердцеѣдъ-прикащикъ — ставило частенько моего героя въ очень щекотливое положеніе, но онъ былъ терпѣливъ, наблюдалъ каждое движеніе своего патрона, вслушивался въ каждую вычурную фразу его и, мало-по-малу, совершенствовался. Главнымъ рычагомъ, подвинувшимъ его къ самоусовершенствованію, были кровныя оскорбленія, наносимыя ему смазливой горничной рядомъ живущаго генерала, къ которой онъ чувствовалъ нѣжнѣйшую страсть. Увы!... Какъ щедро ни мазалъ онъ волосы деревяннымъ масломъ, какъ ни старался повязывать ярко-красный галстухъ на тотъ именно искусный манеръ, на какой повязывалъ себѣ франтъ-прикащикъ — прелестная дѣва относилась къ нему съ величайшимъ презрѣніемъ.

— Эка краля!... попробовалъ онъ въ первый разъ пустить ей вслѣдъ.

— Кра-а-ля!... передразнила она его, скорчивъ гримасу. — Мужикъ необразованный!... деревня!...

— Зайдите пивка выкушать... бабарскаго, пригласилъ онъ ее въ другой разъ. А то меду, али чернаго: тоё сладимо...

— Мужланъ необразованный!... Какой антиресъ съ тобой и разговаривать-то, когда ты и говорить-то не умѣешь....

Эта и подобныя этой неудачи заставили самолюбиваго Евлампія всецѣло отдаться дѣлу самообразованія. Заслушивалъ-ли онъ между „чистыми“ посѣтителями портерной какое-нибудь заковыристое, мудреное слово — сейчасъ запишетъ

его на печкѣ, на стѣнѣ или на бумажкѣ, потомъ зазубритъ, и слово дѣлается его достояніемъ. Много помогли ему также откуда-то выкопанные нѣсколько №№ „Голоса“, въ которыхъ пищи для его любознательности оказался цѣлый ворохъ. Вскорѣ цѣлая самодѣльная тетрадка была исписана различными словами. На первой страничкѣ каракулями было начертано:

„ѣнъдулгенцыя. саморканъдъ. еманцыпацыя. моминътально. бисъмаркъ. проституцыя. пришли вызумленія. рилигіи. цыливизаціи странъ. ѣстественои ходъ. грыжа. иръландія.“

Въ одномъ изъ №№ „Голоса“ ему попалась даже фраза слѣдующаго содержанія:

„Элементъ соціальности, замкнутой въ самой себѣ, овнѣшиваетъ моменты міросозерцательной идеи, расположенной въ субъективно-абсолютномъ развитіи процесса...“ и т. д.

Какъ святыню хранилъ Евлампій свою волшебную тетрадку отъ взоровъ высокопарно говорящаго прикащика. Онъ только зубрилъ и зубрилъ, намѣреваясь разомъ показать себя и этому послѣднему, и гордой генеральской горничной.

И показалъ. Разинули рты и высокопарно говорящій прикащикъ и прелестная, но гордая горничная.

— Откуда ты это набрался этакъ пунктуально?... попробовалъ было заикнуться прикащикъ, но мгновенно былъ отраженъ такою рѣчью, что долженъ былъ спасовать и внутренно сознаться въ полнѣйшемъ своемъ невѣжествѣ. Чего только не было въ этой рѣчи!... И реставрація, и инкрустація, и соціальность, и національность, и экстазъ, и экстрактъ, и гуманность, и экспериментъ, и революція, и эволюція, и резолюція, и все, все — чего хочешь, того просишь....

Евлампій, по свойственной человѣку смѣтливости, понялъ, что ему уже не кстати быть подручнымъ у полуобразованнаго человѣка, и потому сталъ искать мѣста приличнѣе. Ищите и обрящете: вскорѣ онъ былъ принятъ половымъ въ одинъ изъ сосѣднихъ трактировъ, и съ торжествомъ человѣка, силой воли и энергіей пробившаго себѣ дорогу въ люди, сталъ у машины...

— Ловокъ, шельма!... говорилъ пожилыхъ лѣтъ буфетчикъ трактира „Зеленая лошадь“, обращаясь къ сидящему возлѣ буфета гостю-купцу. Молодъ — и двадцати лѣтъ, почитай, нѣтъ, — а кого хошь объѣдетъ!...

— Это Евлампій-то... Дорофеичъ?...

— Д-да... Вотъ говорятъ: „мужикъ“, „мужикъ“, а поди-ко съ нимъ сладь баринъ какой ни-на есть? Сьчасъ умереть — не дастъ спуску!...

— Гм... Да, ловкій парень... голова, можно его чести приписать.

— Э, да и какая еще голова-то!... Вонъ третьево-сь одного тутъ чистаго гостя такъ загналъ, что тотъ и съ образованностію своей не зналъ куда дѣваться. Году еще не живетъ у насъ, а ужъ начудилъ. Ежели которые господа бываютъ — сейчасъ спрашиваютъ „что это у васъ за дуракъ у машины стоитъ?“ Извѣстно — зависть, что мужикъ, да науку произошелъ!...

А между тѣмъ Евлампій сидѣлъ у машины и съ глубокимъ вниманіемъ читалъ „Голосъ“ — тотъ самый „Голосъ“, которому онъ въ такой степени былъ обязанъ.

— Нѣтъ-ли чего новенькаго, Евлампій Дорофеичъ?.... спросилъ подручный мальчикъ.

— Это въ газетахъ-то?...

— Да-съ...

— Какъ не быть, а только тебѣ не понять... Возьми въ сей минутъ абсолютно сотри вонъ съ того стола!...

— Я стиралъ...

— Не ври!... Ты мнѣ эту проституцію не разводи, а то такой конгрессъ по шеѣ задамъ, что вѣкъ будешь помнить!....

И Евлампій Дорофеичъ снова важно усѣлся на стулъ. На немъ былъ надѣтъ новенькій съ иголочки жакетъ и широчайшія, представлявшія подобіе казацкихъ шароваръ, брюки; начищенные какъ каска прусскаго „зольдата“ сапоги лоснились отъ двухъ-вершковыхъ каблуковъ до носковъ, а на жилетѣ небрежно, т. е. „неглежа съ отвагой“, лежали три цѣпочки: одна черезъ шею и двѣ по направленію къ обоимъ жилетнымъ карманамъ. Волосы — нечего и говорить — были пропитаны деревяннымъ масломъ.

„Ахнутъ всѣ, какъ пріѣду“, мечталъ Евлампій. „Вся деревня ахнетъ — ахомъ ахнетъ, какъ увидитъ меня.“

И онъ подошелъ къ зеркалу, нѣсколько разъ кокетливо повернулся и потомъ приподнялся на цыпочки, чтобы увидѣть отраженіе цѣпочекъ.

„Въ навирситетѣ, скажу, курсъ кончалъ, да какъ заговорю — ухъ!... Деревенщина необразованная... Теперь всякую дѣвицу выдадутъ за меня, да еще пальчики оближутъ... Только, вотъ, тятька разсерчаетъ, что не отписывалъ изъ Питера....“

Въ деревнѣ Растеряевкѣ была страшная суматоха по случаю появленія подымавшей пыль столбомъ почтовой тройки, сломя голову несшейся по улицѣ. Выбѣжали бабы, выбѣжали малые ребята — и никто не могъ рѣшить, что за барченокъ сидитъ въ повозкѣ. Козлиная бородка, махонькая такая, клинчикомъ, въ высокой шляпѣ — тьфу ты, пропасть!...

Растеряевка — деревня домовитая, осѣдлая. Жители ея, непривыкшіе выселяться, не привыкли и къ встрѣчамъ сыновей и братьевъ своихъ, — никому, значитъ, и въ голову не могло прійдти, что пріѣзжій франтъ—односелецъ ихъ.

— Батюшки!... Къ Андріянихѣ подкатилъ!... заголосила одна баба.

— Ито!...

Только черезъ часъ, нераньше, деревня узнала, что пріѣхавшій — сынъ Андреянихи. Ахамъ и охамъ не было конца.

Старикъ-отецъ, суровый какъ Юпитеръ, принялъ разфранченнаго сына очень сухо.

— Садись, флегматически произнесъ онъ. — Что, вспомнилъ мать-отца?...

— Какъ-же, тятенька, единое совокупленіе крови. Я завсегда....

— Ты мать-то видѣлъ?... на овинѣ она.

— Нѣтъ, не видалъ.

— Гм... А я хотѣлъ тебя по этапу вытребовать... изъ воли отцовской вышелъ.

— По этапу?... Это развѣ можно досконально на дѣлѣ практику доказать!... Это вы не въ правилѣ субъективность такую сдѣлать.

— Что?!... Отцу?!...

Вбѣжавшая со всѣхъ ногъ и бросившаяся на шею сыну старуха Андріяниха прекратила такую несвоевременную ссору.

— Евлаша!... Евлаша!.... Дай поглядѣть-то на тебя!.... рыдая вопила она. — Выросъ-то какъ!...

— Не на радость, проговорилъ старикъ-отецъ — и отошелъ всторону.

Евлампій Дорофеичъ вертѣлся какъ флюгеръ, пристукивалъ двухъ-вершковыми каблуками и вообще рисовался передъ матерью, на объятія и ласки которой отвѣчалъ, впрочемъ, довольно сухо.

Старухѣ не надолго пришлось сохранить гармонію отношеній между отцомъ и сыномъ. Дня черезъ три, впродолженіе которыхъ Евлампій Дорофеичъ успѣлъ достаточно порисоваться передъ краснощекими и смазливыми дѣвками, выказать имъ свою грацію и ученость и изумить изяществомъ своего костюма, въ родной избѣ его произошла буря. Евлампій Дорофеичъ, выпивъ изрядное количество водки, сталъ отвѣчать на ругательства старика еще болѣе крупными ругательствами. Старикъ разсвирѣпѣлъ.

— Не жениться тебѣ!... дрожа всѣмъ тѣломъ кричалъ онъ. — Не сынъ ты мой — не дамъ тебѣ моего родительскаго благословенія.

— Женюсь!... Ужъ высмотрѣлъ!... На Шулетихиной Авдотьѣ женюсь!...

— Выпорю!... Въ волостное потащу!...

— Ха, ха, ха!... Деревня необразованная!...

— Выпорю!...

— Ну, нѣтъ!... Тѣлесное наказаніе уничтожено!...

— Не уничтожено!... У насъ, по крестьянству, 25 розогъ міру разрѣшено давать!... Къ старшинѣ пойду!...

Старикъ трясся.

— Ха, ха, ха!... Старый хрычъ!... конгресъ этакій со мной хочетъ сдѣлать!... Эдакую теорію!...

Въ этотъ-же вечеръ собрана была волостная сходка. Сѣдые какъ лунь представители потолковали — и черезъ полъ-часа въ пустомъ сараѣ, прилегавшемъ къ избѣ старшины, слышались отчаянные крики Евлампія Дорофеича.

УЖАСНОЕ ПРОИСШЕСТВІЕ

ВЪ ГОРОДѢ N.

Смѣю доскональнѣйшимъ образомъ увѣрить васъ, государи мои, что горестное событіе, о которомъ я хочу повѣдать міру, совершилось не при царѣ Горохѣ, а въ гораздо ближайшія къ намъ времена, ибо въ противномъ случаѣ оно было-бы анахронизмомъ и имѣло-бы для моихъ современниковъ такое-же ничтожное значеніе, какое, напримѣръ, представляла собою для Кира, царя персидскаго, игра въ бабки, выдуманная, какъ извѣстно, значительно позже. Современность — великое дѣло, и потому я берусь за описаніе происшествія, случившагося хотя не вчера и даже не на прошлой недѣлѣ, но ужъ никоимъ образомъ и не тогда, когда въ городѣ N не было еще ни мостовой, ни кринолиновъ, ни дѣвицъ Полулюдечкиныхъ, ни городничаго Безпардоннаго. Все это было въ городѣ N въ наличности, въ чемъ я могу дать какую угодно клятву. Оставя, такимъ образомъ, всякія недоразумѣнія въ сторонѣ, я беру на себя смѣлость продолжать такъ искусно начатый разсказъ свой.

Въ довольно обширной слободѣ, составляющей, по отно-

шенію къ городу N, такое-же предмѣстье, какое составляетъ по отношенію къ Парижу кварталъ Бельвю, у небольшаго мостика, перекинутаго черезъ глубокій оврагъ, стояла баба. Рядомъ съ нею стояла еще баба. Значитъ, стояло двѣ бабы.

Та баба, которая стояла полѣвѣй, была повыше той бабы, которая стояла поправѣй, а та баба, которая стояла поправѣй, была пониже той, которая стояла полѣвѣй. Во избѣжаніе недоразумѣній и для красоты слога, я долженъ прибавить, что рожи у обѣихъ бабъ были красныя-пре-красныя. Я и Алексѣй Ѳеофилактовичъ Писемскій — мы любимъ выражаться точно, ясно и опредѣленно, не скупимся на подробности и не отумaниваемъ читателя фетовскою туманностью и неразгаданностью. По-нашему — сказалъ „баба“, такъ и говори — какая именно баба, чтобы читатель зналъ, съ какою бабой имѣетъ дѣло. Впрочемъ, я увлекся. Продолжаю.

— Черти принесли его, лѣшаго. Сказываютъ, сущій дьяволъ, проговорила одна баба (стоящая полѣвѣй), тоскливо подперевъ голову рукою.

— Что и говорить!... Такой, баютъ, шельмецъ, какого и не привидывали!...

— Ишь, лѣшій!... Какъ сьчасъ пріѣхалъ — такъ сьчасъ пятерыхъ десятниковъ выпоролъ!...

— Чистый антихристъ, Демьяниха, народился!... Почитай, всѣхъ пожарныхъ перепоролъ!...

— И то антихристъ. По ночамъ такъ и рыскаетъ — спокою никому въ городу нѣту. Не спится ему, лѣшему!... Таперя, вѣришь-ли, Демьянычу моему поспать некогды — то на каланчѣ на этой на проклятой всю, почесть, ночь торчи, то лошадей въ проѣздку, то струментъ пожарный чисти...

— И на какой рожонъ, прости Господи, каланчу эту самую построилъ?... Проти Господа не пойдешь...

— Истинно такъ. Сказано—ни единый власъ отъ головы человѣка не упадаетъ безъ воли Господа. Ужъ коли быть пожару — будетъ, хошь ты до неба до самаго каланчу строй...

— И туши ты, значитъ, сколько хошь — ничего не подѣлаешь...

— Ничего. Потому—воля Божія. А то кадокъ, лѣшій, понаставилъ, багры эти. да крючки разные...

— Антихристъ, одно слово—антихристъ, будь ему пусто!... Такъ это, сказываютъ, самъ по ночамъ на каланчу и лѣзетъ — все пожару, значитъ, смотритъ. Всѣ пожарные на ногахъ цѣлу ночь, съ лошадей хомутовъ не снимаютъ, а ему-то, вишь, въ дрожкахъ завсегда запряженныя лошади стоятъ...

— Накликаетъ бѣду, лѣшій... Одначе, пора бѣжать, Арефьевна: какъ-бы тамъ супъ-отъ не сбѣжалъ...

— И мнѣ пойдти... Анютка-то корову пошла доитъ — какъ-бы Сенька тамъ у плиты не тово...

— Прощай, Арефьевна!...

— Прощай, Демьяниха...

Бабы никогда не врутъ. Дѣйствительно, мѣсяца за три передъ бесѣдою Демьянихи съ Арефьевной надъ городкомъ N нависла грозная туча въ образѣ прибывшаго на мѣсто назначенія новаго N-скаго городничаго Ивана Аѳанасьевича Безпардоннаго. Такъ-какъ бабы всегда почти врутъ, то злостнымъ рѣчамъ Арефьевны и Демьянихи совѣтую читателю не придавать большаго значенія и безусловной вѣры, ибо Иванъ

Аѳанасьевичъ Безпардонный, не смотря на свою сразу запугивающую фамилію, вовсе не былъ такимъ лютымъ звѣремъ, какимъ изобразили его оныя злоязычныя бабы въ дружеской бесѣдѣ своей у маленькаго мостика, перекинутаго черезъ глубокій оврагъ. Новый градоначальникъ былъ не лютый звѣрь, а отставной маіоръ, въ чемъ и удостовѣрялъ его формулярный списокъ, испещренный перечисленіемъ бездны заслугъ, оказанныхъ отечеству. Самая наружность маіора... но во всемъ нужна послѣдовательность, и потому я въ дѣлѣ ознакомленія читателя съ внѣшностью новаго N-скаго градоначальника постараюсь быть аккуратнымъ, какъ нѣмецъ-аптекарь.

Начну съ глазъ и носа, такъ какъ еще въ XIV вѣкѣ, и именно: въ полныхъ поэзіи скандинавскихъ легендахъ находимъ сравненіе глазъ съ зеркаломъ, отражающимъ въ себѣ свойства души человѣческой, а носъ, какъ извѣстно было еще въ болѣе отдаленныя времена, объемомъ и цвѣтомъ своимъ онъ изображалъ всегда нравственныя наклонности человѣка, какъ гражданина.

Къ чести N-скаго градоначальника должно сказать, что хотя глаза его и не горѣли небеснымъ огнемъ, но, тѣмъ не менѣе, выражали приличное званію достоинство и добрыя наклонности; что-же касается носа, то, по формату, объему и цвѣту, онъ изобличалъ въ маіорѣ субъекта благоразумно-умѣреннаго, добродѣтельнаго и проникнутаго любовію къ отечеству.

Уши, ротъ и подбородокъ были у N-скаго градоначальника умѣренные и свидѣтельствовали о присутствіи ума и необыкновенной энергіи въ преслѣдованіи цѣлей.

И, дѣйствительно, маіоръ Безпардонный могъ удивить

цѣлый свѣтъ своею необыкновенною энергіею. Попавъ городничимъ въ N, онъ съ такою уму-непостижимою неутомимостью сталъ передѣлывать этотъ гористый городокъ на свой маіорскій ладъ, что черезъ двѣ-три недѣли его узнать нельзя было. Вся плававшая до того времени въ грязи Гондрекурова улица, самая что-ни-есть главная въ городѣ, на всемъ протяженіи своемъ отъ собора до городническаго правленія, вымостилась отличнѣйшимъ булыжникомъ; прогуливавшіяся обыкновенно по заросшей травою площади коровы и свиньи, вслѣдствіе настоятельнаго требованія градоначальника, должны были избрать мѣстомъ прогулокъ своихъ зарѣчную часть города и надолго лишить N-скихъ обитателей своего лицезрѣнія; городской садъ, давно заброшенный и запущенный донельзя, разукрасился розами, лиліями, рододендронами и сталъ оглашаться по вечерамъ трубными звуками. Но главное вниманіе градоначальника съ первыхъ-же дней его существованія въ N было обращено, во-первыхъ, на пожарную команду, а во-вторыхъ — на одну изъ одиннадцати дочерей мѣстнаго исправника, дѣвицу Синклитикію Аполлинаріевну Полублюдечкину. Съ дѣвицею Синклитикіею маіоръ Безпардонный покончилъ, благодаря своей энергіи, разомъ, т. е., не долго думая, предложилъ ей сдѣлаться градоначальницей; что-же касается до несчастной огнегасительной команды, состоявшей изъ трехъ хромыхъ клячъ, полудюжины инвалидовъ и одной изломанной и заржавленной трубы съ надорванною кишкою, то новый градоначальникъ, пріѣдя въ неописанный ужасъ и негодованіе, задалъ распеканцію частному приставу, головомойку квартальнымъ, дерку инвалидамъ — и принялся за переустройство. На удивленіе N-скихъ старожиловъ, непомнившихъ на своемъ вѣку ничего подобнаго, пожарная команда

города N въ два съ небольшимъ мѣсяца приведена была въ такое блестящее состояніе, что могла составлять гордость совершившаго съ ней такую метаморфозу маіора. И маіоръ гордился.

— Вотъ-съ, господа, что значитъ энергія-съ, торжественно говорилъ онъ собравшимся у него въ кабинетѣ судьѣ, исправнику, почтмейстеру, засѣдателю и инымъ прочимъ аристократамъ. Давно-ли не было мочалки и ведерка, которыми можно-бы было залить чуланишко? А теперь?... Теперь вздумай горѣть домъ почтеннѣйшаго Евтихія Сидорыча — и тому пардону не будетъ.

— Что вы, Господь съ вами, Иванъ Аѳанасьичъ!... Зачѣмъ горѣть моему дому!... обидчиво произнесъ городской голова Евтихій Сидорычъ Пузатовъ.

— Нѣ-етъ, я такъ только, почтеннѣйшій Евтихій Сидорычъ... Вы не обижайтесь. Я говорю только для примѣра, такъ сказать-съ...

— Это точно, что средствій теперь больше...

— Больше-съ? — Ха, ха, ха-съ!... Да развѣ они были прежде-съ?... ась?... Вѣдь теперь двѣ трубы-съ, ан-глій-скія-съ!... Девять багровъ-съ, четыре тропки, да двѣ пары лошадей-съ!... Гуттаперчевыя ведра-съ — гут-та-пер-чевыя-съ!.. Прислуга — въ гвардію годится-съ!...

— Да-съ, преотлично устроено, отозвался исправникъ Подблюдечкинъ.

— Чудесно!... произнесъ судья.

— Это хоть въ столицѣ, такъ въ ту-же пору, поддакнулъ засѣдатель.

— Да ужъ могу сказать-съ!... затягиваясь жуковымъ съ

гордостью произнесъ творецъ команды. Случись только пожаръ...

— Избави, Господи, перекрестясь произнесъ голова.

— Да, да... Я это такъ только...

— Вотъ при васъ еще Богъ миловалъ.

— Да, да... Я только говорю-съ, что при эдакой командѣ я покажу при первомъ случаѣ, какъ надо дѣйствовать-съ?... Я первый въ огонь-съ, жизни не пощажу-съ...

Маіоръ былъ отчаяннымъ любителемъ пожаровъ. Хотя съ перваго взгляда такое обстоятельство можетъ показаться страннымъ, но это было дѣйствительно такъ. Дѣйствовать при тушеніи пожаровъ было его страстію съ самыхъ юныхъ лѣтъ. Градоначальникъ рѣшительно маялся и изнывалъ во ожиданіи пожара, какъ обстоятельства, рельефнѣе всего могущаго выказать храбрость и распорядительность начальника. А прелестная Синклитикія? Съ какою гордостію онъ показалъ-бы передъ нею на дѣлѣ образцовое состояніе своихъ инструментовъ, свою распорядительность и храбрость!... А пожара, какъ на зло, не было, какъ не было.

„Чортъ знаетъ, что такое!.. хоть-бы хлѣвъ какой-нибудь для примѣра загорѣлся!...“ ворчалъ преобразователь команды, сердито ходя изъ угла въ уголь по кабинету и съ какою-то злостью затягиваясь трубкой.

Да и какъ было не бѣситься? Устроить двадцати-аршинную каланчу, накупить лошадей, трубъ, багровъ, образовать безпрестанными упражненіями команду, лазить на каланчу, держать и день, и ночь въ сбруѣ и аммуниціи людей и лошадей — и не видѣть плодовъ своихъ усилій, не пожать передъ Синклитикіей и цѣлымъ свѣтомъ заслуженныхъ лавровъ!...

Пиръ не пиръ у господина N-скаго градоначальника, музыка-не-музыка, ужинъ-не-ужинъ, вина-не-вина!... Никакіе Бальтазары, никакіе Сарданапалы и Семирамиды не видѣли, клянусь Аллахомъ, ничего подобнаго. Да и гдѣ у чорта имъ устроить-бы все это на такую широкую ногу и съ такимъ ослѣпительнымъ блескомъ, съ какимъ устроилъ счастливецъ маіоръ Безпардонный, носившійся съ только-что перешедшею въ его владѣніе Синклитикіею въ вихрѣ вальса. Вся аристократія цѣлаго уѣзда нахлынула на градоначальническую свадьбу. Городничій помолодѣлъ десятью годами. Обнявъ теплый станъ новобрачной, изогнувшись фертомъ и весело носясь между многочисленными парами, онъ являлъ собою молодаго человѣка моихъ лѣтъ, никакъ не старше, а во взорѣ его сіяло такое райское блаженство, какое ощущаетъ Илья Арсеньевъ, когда количество подписчиковъ на его мудреную газету переходитъ за цифру 84. Безпардонный былъ счастливъ. Одного только недоставало ему...

— Пожаръ!!!... вскричалъ кто-то въ залѣ...

Трудно себѣ представить, что произошло въ это мгновеніе въ залѣ вообще и въ сердцѣ градоначальника въ особенности.

— Долгъ службы прежде всего-съ!!! воскликнулъ онъ, вырвавшись изъ рукъ новобрачной, и бросился изъ залы.

Не знаю, столько-ли смятенія произвела внезапная гибель Помпеи, сколько принесла съ собой вѣсть о пожарѣ. Зала мгновенно представила собой Содомъ и Гоморъ. Вопли и отчаянный визгъ дамъ, бѣготня, давка, успокоительные крики мужчинъ — просто, чортъ знаетъ, что такое.

Во дворѣ городническаго правленія суматоха переходила

уже всякія границы. Темнота черной осенней ночи еще усиливала суетню.

— Живо!!... Выводи коренныхъ!!... Ѣздовой на коня!!!... оралъ, страшно суетясь, градоначальникъ.

— Степанчукъ!!.. Багра тащи!!...

— Кишку, ребята, кишку свертывай!!...

Тысяча искръ, посыпавшіяся изъ-подъ копытъ бравой лошади браваго ѣздоваго, возвѣстили его ухарскій отъѣздъ. Сломя голову онъ поскакалъ по направленію къ разстилавшемуся по темному фону неба огромными и страшными огненными языками пламени.

— Живо!!!... На Зарѣкѣ горитъ!!!... Живо!!! Моихъ лошадей сюда!!! горланилъ градоначальникъ.

Черезъ минуту Гондрекурова улица огласилась страшнымъ гикомъ, гамомъ, криками, звономъ и гуломъ стремглавъ несущейся образцовой команды. Пламя оказалось на зарѣчной сторонѣ, у берега раздѣляющей городъ рѣчки, унизаннаго дряхлыми деревянными домишками. Во главѣ бравой команды во всю конскую прыть летѣлъ на лихой парѣ новобрачный.

— Пшолъ!!!... Пшолъ!!!... Пшолъ!!!... оралъ онъ кучеру.

Еле не вывернулись дрожки при бѣшено-быстромъ спускѣ съ горы на животрепещущій мостикъ — и со сказочною быстротою запрыгали по противоположному берегу.

— Пшолъ!!!... Пшолъ!!!...

А сзади бѣшенная команда, звеня и гремя, птицей неслась за бравымъ основателемъ своимъ. Темнота придавала поѣзду видъ крайне фантастическій.

Вотъ ужъ близко... Вотъ огненные языки увеличиваются.. Вдругъ послышался топотъ возвращающагося вскачь съ пожарища ѣздоваго, машущаго издали рукою...

— Назадъ!... Назадъ!... кричалъ онъ.

— Гдѣ пожаръ?... заоралъ градоначальникъ.

— Свинью смолятъ, вашскородіе!!!...

На берегу рѣчки Парашки, раздѣляющей городъ N на двѣ половины и тихо катящей свои волны на югъ, лежала только-что закланная жирная свинья, вокругъ обложенная громадною кучею зажженной соломы. Громадные огненные языки возносились отъ невинной жертвы людскаго чревоугодія къ самымъ небесамъ и уносили съ собою мечты новобрачнаго N-скаго градоначальника.

АФЕРИСТКА.

(РАЗСКАЗЪ).

Въ одинъ изъ сѣренькихъ, туманныхъ и пасмурныхъ осеннихъ дней, часовъ около четырехъ пополудни, по узкому и извилистому лѣсному проселку плелась, подпрыгивая и раскачиваясь въ стороны, обтянутая рогожей убогая кибитка, запряженная парою измученныхъ кляченокъ. Какъ ни соблазнителенъ для проѣзжающихъ казался этотъ проселокъ, болѣе нежели на половину сокращавшій путь отъ предпослѣдней станціи N-скаго шоссе до городка Б., но едва-ли десятому проценту рискнувшихъ пуститься по немъ не приходилось глубоко раскаяваться. Дѣйствительно, дорога по проселку была положительно ужасная, такъ что проклятія старичишки-ямщика, сидѣвшаго на облучкѣ убогой кибитки, были какъ нельзя болѣе основательны. Узкая лѣсная просѣка, совершенно затемненная нависшими вѣтвями высокихъ березъ и сосенъ, до крайности съуженная широко разросшимся по сторонамъ орѣшникомъ и изрѣзанная глубокими рытвинами и толстыми корнями, представляла собою всѣ способы для опрокидыванія не

только сколоченныхъ на живую нитку кибитокъ, но и для самыхъ массивныхъ и тяжеловѣсныхъ экипажей.

— Наказаніе Господне!... ворчалъ ямщикъ, съ каждымъ толчкомъ еле удерживаясь на облучкѣ и ежеминутно отводя рукавицею затруднявшія проѣздъ густыя вѣтви березы и орѣшника. Чертямъ тутъ, прости Господи, только и ѣздить, а не людямъ!... Права!...

Во внутренности кибитки, перекачиваясь съ боку на бокъ и безпрестанно взвизгивая, сидѣли двѣ женщины: одна пожилыхъ уже лѣтъ, очень полная, съ черными какъ смоль волосами и глазами, выражавшими умъ и нѣкоторое лукавство, другая — пятнадцатилѣтнее рѣзвое бѣлокурое существо съ поразительно правильными и красивыми очертаніями лица. Обѣ путешественницы, повидимому, страшно боялись ежеминутно ожидаемой возможности опрокинуться вмѣстѣ съ кибиткой въ глубокую трясину, но боязнь ихъ проявлялась совершенно въ различныхъ формахъ: толстая и пожилая брюнетка съ греческимъ профилемъ боялась и чуть не плакала; молоденькая блондина — боялась и... неудержимо хохотала. При каждомъ сильномъ наклоненіи кибитки, звонкій смѣхъ ея соловьиной трелью разносился по густому лѣсу и перекатами отчетливаго эхо отдавался гдѣ-то въ отдаленіи.

— Да ну тебя, Мотя!... Чего дребезжишь-то?... Я чуть не вывалилась сейчасъ, а она хохочетъ!...

Въ это самое время огромная куча густыхъ и нависшихъ надъ проселкомъ березовыхъ вѣтвей тяжело проскреблась по верху кибитки и безпощадно захлестала путешественницъ по лицамъ.

— Ой!... Ой!!... О-о-ой!!!... заорала одна изъ нихъ — пожилая.

— Ха-ха-ха!... Ха-ха-ха-ха!!... залилась на весь лѣсъ блондинка.

— Экія вы, барыни, неладныя, право! проворчалъ ямщикъ. — Нешто не видѣли, какъ я пригнулся?... Лошади — и тѣ головы наклонили, а вы и вниманія не берете!... Надо опаску имѣть, по эдакимъ чортовымъ дорогамъ ѣздимши!... Меня тутъ на прошлой недѣлѣ такъ орѣховиной ублаготворило, что рожа и по таперь не засохла. Какъ есть искровянило!...

— А сколько верстъ еще осталось до вашего города?... спросила пожилая.

— Да тутъ, сударыня, чортъ версты считалъ, а дьяволъ пересчитывалъ. Вотъ что.

— Какъ это?...

— Когда, значитъ, чортъ у дьявола на обѣдѣ былъ — ну, и согласились версты по этой самой, значитъ, дорогѣ считать. Чорту только и ѣздить по ней, потому на ёмъ хреста нѣту-ти.

— Верстъ пятокъ, однако, еще осталось?...

— Вонъ отъ той отъ большой сосны одиннадцать верстъ до слободки считаютъ, а только доподлинно нельзя сказать — не мѣряно.

— Ахъ, страсти!... взвизгнули женщины.

И было отчего визжать. Перспектива одиннадцати-верстоваго путешествія по такой адской трясинѣ, особенно съ наступленіемъ сумерекъ, для женщинъ не особенно привлекательна.

— Ну-у, волкъ-те заѣшь!... отнесся къ еле-переступавшимъ лошадямъ ямщикъ.

— Ай!... Тутъ развѣ есть волки?!... поблѣднѣвъ спросила рѣзвушка-блондинка.

— Какъ осенью волкамъ не быть!... отвѣчалъ ямщикъ.

Путешественницы присмирѣли. Отчаянно-веселое выраженіе лица хорошенькой блондинки смѣнилось пугливымъ. Приподнявъ брови и слегка открывъ маленькій ротикъ, она тревожно всматривалась въ каждый кустъ, въ каждый стоящій въ отдаленіи обгорѣлый пень и, невольно подчиняясь дѣйствію настроеннаго воображенія, безпрестанно хваталась за шубку пожилой спутницы.

Наконецъ, послѣ еще двухъ-часовыхъ мученій, кибитка выѣхала на большую поляну. Ямщикъ повелъ рукавицею — и усталыя лошаденки, почуявъ улучшеніе дороги и близость отдыха отъ тяжкихъ трудовъ, повеселѣли и заковыляли рысцой. Даже пугливая блондинка поуспокоилась, завидѣвъ вдали указанныя кнутовищемъ слободскіе огоньки.

— Тетя!... Разспроси-ка старикашку... онъ все знаетъ, тихо сказала она пожилой спутницѣ.

— Эге!... Да ты, я вижу, не дура... Только знаетъ-ли онъ кого?... Эй, ямщикъ!...

— Чаво?... обернувшись отозвался старикъ-ямщикъ.

— Ты знаешь кого-нибудь въ Б.?...

— Кто, я-то?

— Да.

— То-исъ... изъ обывателевъ?...

— Ну, да. Изъ купцовъ, что-ли...

— Эво!... какъ-же мнѣ не знать-то, коли-ежели я тридцать лѣтъ, почитай, живу въ ёмъ!... Есть у насъ купцы разные... И Стоумовъ есть, и Гуляевъ есть, и Протасовъ, и Корноуховъ... всякіе есть.

— И богатые?...

— Одно слово — милліонщики.

— А купчихъ много?...

— Купчихъ-то? — Гм!... да у насъ во какія купчихи. Ежели теперь двоимъ обхватить — ни въ жизть не обхватишь. Что имъ дѣлается?... Какъ на-счетъ харчей, какъ теперь насчетъ одежи — словно сыръ въ маслѣ катается. Ужъ на такихъ лошадяхъ, какъ энти, не поѣдетъ по городу — шутишь!.. Вонъ у Корноуховой-то тысячныя лошади.

— Молодая еще эта Корноухова?...

— Молодая, да и красивая, дуй ее горой. А только куры-амуры разводить больно охоча... Самому-то восьмой десятокъ пошелъ, а она-то баба во всемъ соку, двадцати двухъ или трехъ лѣтъ — ну, извѣстное дѣло...

— А давно она вышла за него?...

— Да въ прошедшій годъ... на красную горку. Сказываютъ, и допрежь энтого она тутъ съ однимъ... изъ полковыхъ офицеровъ знакомство водила...

— Запомни Корноухову, тихонько сказала тетка племянницѣ.

Вскорѣ колеса кибитки запрыгали по еле-сколоченнымъ животрепещущимъ досчечкамъ довольно длиннаго моста, перекинутаго черезъ глубокій темный оврагъ и ведущаго въ слободу.

— Да вы, барыня, гдѣ пристанете — въ городѣ, али въ слободѣ?... спросилъ ямщикъ.

— Нѣтъ, не въ городѣ... тамъ дорого. Нѣтъ-ли постоялаго двора въ слободѣ?...

— Постоялаго-то? Какъ не быть!... Мало-ли ихъ!...

Вотъ у Ивана Трифонова, а то у Калинихи — первый сортъ.

Минутъ черезъ пять измученныя лошади остановились у довольно грязнаго постоялаго двора.

— Горницы слободныя есть?... спросилъ ямщикъ у показавшейся на крыльцѣ необыкновенно толстой женщины, повидимому, хозяйки.

— Пожалуйте, пожалуйте!... заголосила та. Спасибо, голубчикъ Ѳедотъ, что гостей ко мнѣ везешь, а не къ поганой Иванихѣ!... Пожалуйте!... И самоваръ готовъ.

— Вы, матушка, долго здѣся пробудете, али дальше ѣдете?... спрашивала та-же толстая Калиниха, когда пріѣхавшія размѣстились кое-какъ въ маленькомъ номеркѣ ея двора и пили чай.

— Дальше, дальше, голубушка. Только, вотъ, прихворнула я маленько, такъ денька два-три пробыть надо... Измаялась дорогой... Вѣдь, путь-то намъ далекій — до самаго Курска.

— А!... А издалече?... Изъ Москвы, небось?...

— Изъ Петербурга. Да присядьте, матушка, чайку съ нами покушайте...

— Сейчасъ отъ чаю, голубушка... накушалась.

— Одну чашечку...

— Одну-то пожалуй... Сейчасъ это, я только изъ городу пришла... А это ваша дочка, должно быть?...

— Нѣтъ, родственница...

— А!... Хорошенькая... Я, вотъ, сейчасъ тоже была у купчихи Ѳедоровой... богачка... присылала она за мной. У нея, вишь ты, дочка померла... сегодня схоронили.

— Маленькая?...

— Годковъ шестнадцати была, невѣста. И только, сударыня ты моя, провожаемъ мы ее, бацъ — отъ Егорія другія похороны: купца Кислоквасова хоронятъ...

Въ это время бойкая блондинка, сидѣвшая за самоваромъ въ нѣкоторомъ отдаленіи и, повидимому, необращавшая на разговаривавшихъ ни малѣйшаго вниманія, записывала что-то карандашомъ въ маленькую книжечку.

— Вашъ городъ довольно большой?... спросила пріѣзжая.

— Какже, какже матушка!... Купечества у насъ страсть сколько... Да вотъ завтра въ селѣ Покровскомъ храмовой праздникъ, такъ весь, что-ни-есть, городъ поѣдетъ скрозь нашу слободу... Тутъ мимо оконъ, значитъ, и поѣдутъ. Кажинный годъ ѣздятъ: ужъ такой обычай... Вотъ и увидите всѣхъ... всѣхъ покажу...

Обѣ пріѣзжія многозначительно переглянулись.

— Поѣдутъ, поѣдутъ, продолжала слово-охотливая Калиниха. Вотъ посмотрите весь городъ нашъ.

Черезъ нѣсколько времени, пожелавъ проѣзжающимъ покойной ночи, Калиниха, переваливаясь какъ утка, вышла изъ номера. Путешественницы остались однѣ.

— Ну, Мотя, все записала?... спросила старшая, обращаясь къ дѣвушкѣ.

— Все. У купчихи Ѳедоровой дочку сегодня хоронили... Купца Кислоквасова хоронили... Дочкѣ Ѳедоровой шестнадцать лѣтъ... невѣста...

— А что ямщикъ-то говорилъ?

— Тоже записано, — я ничего не забуду. Купчиха Корноухова... Самому восьмой десятокъ... Прежде она была знакома съ полковымъ офицеромъ... и теперь тоже...

— Молодецъ Мотька!... Только помни, что больше трехъ дней намъ въ слободѣ нельзя оставаться... Если тутъ пообжиться — все дѣло выйдетъ дрянь: узнаютъ. Впрочемъ, завтра много сдѣлаемъ, а теперь дрыхнуть пора — перезябла и устала...

Долго-бы на другой день проспали утомленныя дорогой путешественницы, если-бы не предупредительность Калинихи, въ девятомъ часу утра внесшей въ номеръ самоваръ.

— Вставайте, вставайте, голубушки!... Экъ вы заспались!... Ужъ скоро изъ города тьма-тьмущая попретъ... заорала она.

Проѣзжія потянулись, разъ по десятку зѣвнули и стали подниматься.

— Чайку съ нами, хозяюшка, не побрезгайте, сказала Калинихѣ старшая проѣзжая.

— Пила ужъ, голубушка... Развѣ чашечку... отвѣчала Калиниха, опуская свое жирное тѣло на стулъ. Денекъ-то сегодня какой выдался теплый — весь городъ сейчасъ поѣдетъ... Ай!... ай!... батюшки!... Исправникъ ужъ катитъ!... Вонъ, смотрите!...

Проѣзжія съ любопытствомъ посмотрѣли въ окно.

— Ишь, онъ у насъ какой!... Видите — рожа какая!...

— За что-же вы его ругаете?... спросила проѣзжая.

— Ахъ, Господи?... Да коли-бы вы знали, что это за разбойникъ, такъ ахнули-бы!... Жена молоденькая, а онъ чуть не полъ-города содержанокъ держитъ!... Бьетъ онъ ее, сердешную, такъ, что инда со стороны жаль глядѣть. Взялъ за ей двадцать тысячъ серебра — все въ карты спустилъ. Теперь его путаетъ все судьиха — тоже шельма не послѣдняя. Да вотъ я покажу ихъ обѣихъ... Исправничиха-то безпре-

мѣнно съ поповой дочкой отъ Николы поѣдетъ... Да что это, сударыня моя, сродственница-то ваша такая молчаливая?.. Все пишетъ что-то.

— Она скромная у меня... Учится писать хорошенько... Ей не слѣдъ въ разговоры мѣшаться...

— Вонъ, вонъ и судьиха катитъ!... вскричала вдругъ Калиниха. — Ишь, каторжная, такъ за исправникомъ и рыскаетъ!...

Проѣзжія снова съ любопытствомъ стали всматриваться.

— Ай-ай!... Во какъ повалили!... снова затараторила Калиниха. Стоданова!... Вчера у нее тысячи на три бриллiантовъ украли!... Горничную хотѣли засадить, — маленькая такая, черненькая, — да доказательствовъ нѣту, а безпремѣнно она украла... Ай!... Корноухова!...

Калиниха говорила правду. Дѣйствительно, весь цвѣтъ населенiя городка Б. проѣхалъ мимо ея оконъ на храмовой праздникъ. Спустя часа три, когда всѣ снова проѣхали обратно въ городъ, наши любопытныя путешественницы знали въ-лицо всѣхъ не только богатѣйшихъ и знатнѣйшихъ обитателей его, но даже большинство такъ-называемой мелкой сошки. Знали онѣ также всѣ мельчайшiя подробности жизни каждаго изъ гражданъ, знали всѣ сердечныя тайны ихъ и многое множество другихъ вещицъ, которыя могутъ быть извѣстны только старожиламъ... Калиниха говорила безъ умолку и не упускала изъ вида ни одного обстоятельства, могущаго доказать ея всезнанiе.

А красавица Мотя все записывала, да записывала...

Вечеромъ этого дня, укладываясь, послѣ восьмичасовой бесѣды съ Калинихой, спать, пожилая путешественница говорила бѣлокурой и молоденькой спутницѣ своей:

— Ну, Мотя, еще завтрашній день — и баста, надо переѣхать въ городъ, но только такъ, будто мы только-что изъ-за заставы. Все-ли ты записала?...

— Все, до единой капли.

— А всѣхъ-ли въ рожу помнишь?...

— Помню почти всѣхъ.

— Ладно. Да, впрочемъ, въ городѣ еще денька въ два можно попригляд'ться... Только, Мотя, ты не плошай: если исправникъ, или этотъ старичишка полковникъ... или кто-нибудь... если подъѣдутъ — ни-ни!... Положите, дескать, тысячу рублей на меня — вотъ-те и сказъ!...

— Знаю!... знаю дѣло свое туго!...

Спустя дней пять по Соборной площади города Б. катились, дребезжа и звеня гайками, стариннаго фасона широкія и необыкновенно просторныя дрожки, въ которыхъ возсѣдала очень тучная барыня. И въ дрожкахъ, и въ упряжи, и въ костюмѣ барыни и кучера замѣтна была та необыкновенная дисгармонія, которая свойственна только купеческому міру. Лошадь, везущая дрожки, была красива и представительна, дрожки-же, везомыя лошадью, представляли собою нѣчто изъ ряду вонъ гадкое, неуклюжее и никуда не годное; армякъ у кучера былъ хоть куда, рожа-же и шляпа не могли идти, по абсолютной негодности, ни на какую потребу; шуба, покрывавшая жирныя плечи барыни, была сотенная, а платчишко, окаймлявшій ея пухлыя щеки, годился развѣ только для вытиранія половъ. Словомъ — смѣло можно было сказать, что и сей экипажъ, и сей кучеръ, и сія лошадь, и сія ба-

рыня принадлежатъ непремѣнно купцу, а не иному какому ни-на-есть гражданину.

— Стой!... стой!... Антипка, стой!... заголосила вдругъ барыня, завидѣвъ вблизи такія-же неуклюжія дрожки и съ такою-же толстою, какъ сама она, барынею.

И тѣ, и другія дрожки остановились.

— Матрена Савишна!...

— Нимфодора Пантелевна!...

Рыло къ рылу — и чмокнулись, не вставая съ дрожекъ.

— Ахъ, Матрена Савишна!... Страсти Господни!... Слышали вы?...

— Чиво такое?...

— Ахъ, ахъ!... Неужто не слыхали?!... Гадалка-то, гадалка-то изъ Питера?...

— Слыхала, душечка, да не знаю, гдѣ пристала она...

— Ахъ, что вы!... Да вонъ тутъ, на Соборной-же, въ домѣ Евтихія Поликарпыча!... Ахъ, страсть!... Судьихѣ-то, судьихѣ-то что наговорила — страсть!... Аннѣ Демьяновнѣ сказала, что брилліанты у нея украли и сказала, кто укралъ — на горничную Дуньку показала... Исправничиха какъ взошла — „извергъ, говоритъ, мужъ твой“!... Съ кѣмъ онъ путается указала, про судьиху какъ на ладони все показала!... Корноушихѣ при всей при публикѣ говоритъ: „Мужъ, говоритъ, у тебя и старъ и слабъ, а ты друга стараго не забываешь, апалеты любишь!“...

— Ай-яй-яй!...

— Авдотьѣ Алексѣевнѣ — это Стоумовой-то, всю правду разсказала; Ѳедоровой это про дочку...

— На кофею гадаетъ?...

— На кофею и на бобахъ. А племянница у нее есть — красавица такая изъ себя, такъ та заснетъ это, какъ есть заснетъ, да во снѣ такъ и рѣжетъ всю правду!...

Такимъ образомъ загремѣла и распространилась по всѣмъ уѣздамъ цѣлой губерніи слава о пріѣхавшей изъ Петербурга въ городъ Б. пожилой полной дамѣ съ греческимъ профилемъ. Слава эта росла, росла и доросла, наконецъ, до того, что полная дама имѣетъ теперь желѣзный несгараемый шкапчикъ, заключающій въ себѣ не одинъ десятокъ пятипроцентныхъ билетиковъ... Что касается до прелестной бѣлокурой сомнамбулы, молоденькой сподвижницы дамы съ греческимъ профилемъ, то и для нея, какъ для послѣдней, непріятности путешествія по проселочной дорогѣ вполнѣ вознаградились: исправникъ крѣпился, крѣпился, да и внесъ куда слѣдуетъ тысьченку...

Дамъ, подобныхъ моей полной дамѣ съ греческимъ профилемъ, на святой Руси очень не мало.

АЛЕКСАНДРЪ ПАХОМЫЧЪ МІРЯНИНОВЪ.

Я жилъ въ одной изъ линій Васильевскаго острова. Единственное окно единственной комнаты моей выходило на довольно тѣсный четвероугольный дворъ нашего многоэтажнаго дома, что волей-не-волей познакомило меня въ первый-же весенній мѣсяцъ не только съ расположеніемъ большинства квартиръ, но и съ образомъ жизни, нравами и обычаями ихъ обитателей. Если и говорятъ, что въ Петербургѣ можно десятки лѣтъ прожить на одной квартирѣ и не имѣть ни малѣйшаго понятія о живущихъ стѣна-объ-стѣну, то это только и относится до однихъ *застѣнныхъ* сосѣдей; что-же касается до нашихъ vis-à-vis, то какъ-бы мы ни старались игнорировать ихъ — volens-nolens, съ наступленіемъ весны, домашняя жизнь ихъ перестанетъ быть для насъ тайною.

Небольшое пространство дворовъ и великолѣпный резонансъ ихъ въ такой степени благопріятствуютъ сказанному обстоятельству, что исключенія въ этомъ случаѣ бываютъ очень рѣдки. Въ самомъ дѣлѣ, можно подумать, что, при выводѣ похожихъ на Ѳермопильскія ущелья дворовъ нашихъ, архитекторы стараются болѣе сообразоваться со вкусами и потребностями странствующихъ музыкантовъ, нежели съ удоб-

ствами жильцовъ, потому что, рѣдко удовлетворяя требованіямъ послѣднихъ, въ акустическомъ отношеніи каждый изъ петербургскихъ дворовъ легко можетъ оставить за собою залъ Миланскаго театра.

Благодаря условіямъ моей изолированной жизни, меня даже развлекали тѣ разнообразныя сценки, которыя приходилось видѣть и слышать въ разныхъ углахъ дома. Стоитъ только закурить папиросу и высунуться за окно — долго не оторвешься отъ него. То — слышишь — сердитая барыня ругаетъ нетрезваго супруга за позднее возвращеніе подъ родной кровъ и за растрату суммъ, то не менѣе пьяный нѣмецъ одряблѣвшимъ отъ пива нѣмецкимъ языкомъ разсказываетъ своей чахлой frau, какъ онъ читалъ въ цейтунгѣ герра Мейера, что захоти только герръ Бисмаркъ — въ Россіи не останется ни одного русскаго, и что, слѣдственно, русскіе не посмѣютъ уже распоряжаться въ Петербургѣ, какъ въ своемъ городѣ. Съ пятаго этажа доносится вдругъ фраза: „Душка! поставь одинъ путилка пива!...“ А снизу несется плачъ матери надъ умирающимъ ребенкомъ.... И смѣхъ, и горе, и радости людскія, и горе людское — все тутъ передъ тобою. Вотъ и сидишь, да слушаешь до поздней ночи... То жутко, то весело, а все-таки разнообразно....

Впрочемъ, скоро мои сидѣнія у окна приняли характеръ болѣе сосредоточенный. Возставъ въ одно дѣйствительно-прекрасное августовское утро отъ сна и помѣстившись со стакановъ чая у окна, я замѣтилъ въ расположенной прямо противъ моего окна и стоявшей долго незанятою, квартирѣ— мебель. Прошло послѣ этого прекраснаго утра дней пять-шесть — и я узналъ, что въ этой квартирѣ поселились два

голубка, а еще черезъ день, что эти голубки — супруги, мѣсяцъ назадъ соединившіеся.

И сталъ я больше посматривать на окна новыхъ жильцовъ. Во-первыхъ, шею не надо было выворачивать (окна прямехонько противъ моего), а во-вторыхъ — люблю смотрѣть на воркованье и любовь супруговъ: большой любитель рѣдкостей.

А любили они сильно другъ друга — особенно она, эта хорошенькая голубоглазая блондинка съ ямочками на розовыхъ щекахъ. Уходитъ мужъ — долго, долго виситъ, добренькая, у него на шеѣ и до-тѣхъ-поръ смотритъ въ слѣдъ, пока фигура его не скроется подъ воротами.

„Счастливецъ“, думалъ я каждый разъ и тутъ-же рѣшалъ, что мнѣ тоже необходимо скорѣе жениться на какой-нибудь голубоглазой блондинкѣ съ ямочками.

Въ одинъ изъ темнѣйшихъ вечеровъ конца августа я просидѣлъ у окна болѣе обыкновеннаго. Хоть у моихъ голубковъ-сосѣдей было уже давно темно, но я какъ-то по привычкѣ посматривалъ по временамъ на ихъ окна. Въ нѣсколькихъ углахъ дома почти одновременно пробило двѣнадцать, и я хотѣлъ уже ложиться, какъ вдругъ замѣтилъ, что въ гостиной у сосѣдей кто-то преусердно чиркаетъ спичкой объ стѣну... „Разъ, два, три“ — свѣча вспыхнула, комната мгновенно освѣтилась. Прямо противъ меня, на диванѣ, сидѣли двѣ фигуры — мужская и женская.

„А, милашка-блондинка!“ подумалъ я. „Не спится, должно-быть... Ба!... Да что-же это?... И сосѣдъ, кажется, въ блондина обратился?...“

Дѣйствительно, мнѣ показалось, что волоса и сосѣда по-

бѣлѣли. Я сталъ вглядываться. Фигуры сблизились и слились въ поцѣлуѣ.

„Фу ты, чортъ!... И бороду, какъ-будто обрилъ... Впрочемъ, точно-будто не онъ...“ Въ эту минуту ручка блондинки опустила стору.

На другое утро ранехонько постучался ко мнѣ дворникъ.

— Вы-бы, баринъ, повѣстку дали... Вотъ иду паспортъ въ прописку новаго жильца отдавать, такъ за-одно вамъ засвидѣтельствовалъ-бы.

— Изволь, душа моя. А чей паспортъ?...

— Да вотъ супротивъ васъ — новенькіе...

Я взглянулъ паспортъ. Значилось: „Свободный художникъ Александръ Пахомычъ Мірянинов“. А въ концѣ, на оборотѣ паспорта, было прописано: „Вступилъ въ первый законный бракъ съ дочерью дѣйствительнаго статскаго совѣтника Льва Ухватова, дѣвицею Александрою“, и проч.

— Они только вдвоемъ и живутъ?... спросилъ я.

— Вдвоемъ-съ. Горничная есть... смазливая такая, можетъ заприметили... Харчи отъ кухмистера носятъ. Прислуги больше нѣтъ, а только — надо полагать — не бѣдные: убрано въ фатерѣ первый сортъ. Самъ-то вчера съ утра уѣхавши на два дня въ Петергофъ...

— Какъ!... Развѣ его нѣтъ?... Невольно вырвалось у меня.

— Нѣту, завтра обѣщалъ быть.

На слѣдующій день сосѣдъ дѣйствительно пріѣхалъ. Добрыхъ полъ-часа висѣла блондинка на шеѣ его, цѣловала, миловала...

„Что за дьявольщина?...“ копошилось у мена въ головѣ. — „Или у меня вчера двоилось въ глазахъ, или....

А впрочемъ, не можетъ-быть... Эта встрѣча... Да и потомъ давно-ли... Нѣтъ, не можетъ быть... Скорѣе братъ...“

Я терялся въ предположеніяхъ и едва могъ дождаться утра, чтобы доискаться новыхъ доказательствъ. Они не замедлили явиться.

Не прошло и двадцати минутъ со времени ухода Мірянинова, какъ изъ-подъ воротъ быстро вышелъ средняго роста блондинъ въ пуховой шляпѣ и, еще быстрѣе взбѣжавъ по лѣстницѣ, позвонилъ у дверей моихъ голубковъ-сосѣдей.

Прелестница долго, долго висѣла на его шеѣ, — висѣла такъ долго, что я тутъ-же подумалъ: „Не обождать-ли мнѣ, полно, жениться на блондинкѣ?...“

Пройдя, нѣжно обнявшись, мимо всего ряда оконъ квартиры, блондинъ и блондинка взошли въ крайнюю комнату — ту самую, которая, по обстановкѣ, всего менѣе была похожа на гостиную. По нѣкоторому нетерпѣливому движенію незнакомца я увидѣлъ, что и изъ блондиновъ выпадаютъ натуры энергическія. Но блондинка нашла, вѣроятно, нескромнымъ движеніе блондина, вырвалась и... быстро опустила стору.

Я рѣшилъ вовсе не жениться на блондинкѣ съ ямочками.

А между тѣмъ съ этой минуты для меня наступило время величайшихъ нравственныхъ пытокъ и самыхъ мучительныхъ колебаній. „Я хотя и невольно, но все-таки сдѣлался свидѣтелемъ низкаго обмана: я вижу обманъ не одинъ, а въ соединеніи съ лукавѣйшимъ коварствомъ; я, наконецъ, вижу каждый день выраженіе счастія на честномъ лицѣ этого бѣдняка-Мірянинова и... молчу!... Не низко-ли это съ моей стороны?... А впрочемъ — какое мнѣ дѣло?... Развѣ я имѣю право разрушать иллюзію человѣка и нарушать его спокойствіе?... Да еще если онъ... убьетъ ее?... Нѣтъ!... Это не

мое дѣло!... Онъ самъ виноватъ въ выборѣ!... Я не обязанъ дѣлаться доносчикомъ!...“

На тысячи разныхъ ладовъ передумывалъ я каждый день вопросъ о своей роли въ отношеніяхъ моихъ *голубковъ* и тысячи разъ оканчивалъ ни на чемъ. Тѣмъ не менѣе, сцены разставаній и свиданій Мірянинова съ молодой женой производили на меня невыразимое впечатлѣніе. Коварная женщина, едва успѣвъ выпроводить блондина-любовника, съ такою нѣжностью бросалась на шею брюнету-мужу, что мнѣ становилось невыносимо гадко, и я на минуту рѣшался разсказать ему все; но проходилъ часъ — и я снова перемѣнялъ намѣреніе. Наконецъ, проколебавшись недѣли полторы, я рѣшился переѣхать, и пошелъ искать квартиру.

— Баринъ!... Не знаете-ли поближе доктора?... спросилъ меня подъ воротами дворникъ.

— Для кого?...

— Да вотъ художница что-то прихворнула... Извѣстно, такъ, — бабьи, значитъ, нѣжности, — а самъ-то ужъ больно хлопочетъ.

— Что-же съ ней?...

— Кто ихъ знаетъ!... Кричитъ, что голова болитъ.

— А онъ самъ дома?...

— Какъ не дома!... Все около ея.

— Я далъ адресъ доктора.

— Всю ночь у сосѣдей былъ огонь. Мірянинов — мнѣ видно было — ходилъ изъ угла въ уголъ до утра и потомъ, не смыкая глазъ, съ портфелью подъ мышкой вышелъ изъ дома. Исправляющій его должность блондинъ явился сейчасъ-же по его уходѣ, и я скоро имѣлъ удовольствіе видѣть m-me Мірянинову за фортепіано...

Съ этой минуты приговоръ ея былъ подписанъ. Я далъ себѣ клятву не молчать и на другой-же день выслѣдилъ выходъ Мірянинова изъ дома.

— Милостивый государь!... окликнулъ я его у Большаго проспекта.

— Къ вашимъ услугамъ. Что вамъ угодно?... вѣжливо спросилъ онъ, приподнявъ шляпу.

— Я... я... Видите-ли... Я желалъ-бы... то-есть, я имѣю надобность...

Мое положеніе было болѣе, нежели затруднительно. Я, какъ говорятъ, сбился съ панталыку.

— Вы, вѣроятно, желаете со мной поговорить о чемъ-нибудь?... выручилъ онъ меня.

— Да, именно... Я имѣю надобность поговорить съ вами объ очень важномъ дѣлѣ...

— О важномъ дѣлѣ?...

— Да.

— О какомъ-же, смѣю спросить?...

— Дѣло чрезвычайно важное, хоть и непріятное... дѣло, лично васъ касающееся... Если вамъ угодно выслушать, я...

— Очень пріятно. Я — если не ошибаюсь — имѣлъ удовольствіе видѣть васъ... Вы, кажется, живете въ одномъ со мной домѣ... Жена моя считаетъ еще васъ записнымъ мечтателемъ. Самое лучшее — не угодно-ли вамъ будетъ пожаловать ко мнѣ. Послѣ шести часовъ — въ какой угодно день.

— Извините, это дѣло слишкомъ серьезно и щекотливо, чтобы... чтобы говорить о немъ на улицѣ...

— Но я васъ прошу къ себѣ... Теперь мнѣ, извините, некогда.

— Вамъ не можетъ быть некогда въ виду тѣхъ обстоятельствъ, которыя я вамъ хочу объяснить. Зайдемьте съ вами вотъ сюда, въ трактиръ и сядемъ въ отдѣльную комнату.

— Пожалуй, только не на долго.

Мы вошли въ отдѣльную комнату трактира, потребовали по стакану чаю и велѣли человѣку оставить насъ.

— Вотъ видите-ли, — началъ я какъ-то смущенно, глядя себѣ въ стаканъ. — То, что я вамъ хочу сказать, въ такой степени щекотливо... Можетъ быть, даже я не имѣю ни малѣйшаго права... тѣмъ болѣе, что... Впрочемъ, какъ-бы вы ни перевели мой поступокъ...

Лицо Мірянинова было такъ невозмутимо-спокойно, что у меня рѣшительно не хватало духа нанести ему ударъ.

— Ну-съ, что-жъ-бы это такое?...

— Приготовьтесь выслушать то, о чемъ я вамъ хочу сказать... Я счелъ долгомъ предупредить васъ... Случай мнѣ открылъ, что васъ обманываютъ...

— Обманываютъ?... Кто-жъ-бы это?...

— Обманываетъ... ваша жена.

— Жена?... Что вы говорите!.. Въ здравомъ-ли вы умѣ?..

— Да, она вамъ измѣняетъ. Едва вы уходите изъ дома — къ ней является любовникъ... какой-то бѣлокурый господинъ...

Мірянинов встал, прошелся, какъ-будто что-то соображая, по комнатѣ и потомъ остановился противъ меня. На лицѣ его не было замѣтно и тѣни волненія.

— Послушайте, милостивый государь, — сказалъ онъ, уставившись на меня своими сѣрыми глазами,—подумали-ли вы о томъ, что честь женщины — святая вещь, и что клевета всегда найдетъ заслуженное наказаніе?... Подумали-ли

вы, наконецъ, о доставленіи мнѣ ясныхъ доказательствъ сказаннаго вами?...

— Да. Я вамъ могу доставить ихъ сейчасъ-же—стоитъ только вамъ осторожно пройти ко мнѣ. Вашъ соперникъ не замедлитъ, вѣроятно, воспользоваться вашимъ отсутствіемъ и сегодня.

— Пойдемте, отрывисто сказалъ Мірянинoвъ.

Дорогой мы молчали. Мой спутникъ, не измѣняя и на этотъ разъ своей ровной, довольно тихой походки, казалось, соображалъ что-то. Не знаю, что́ думалъ онъ, но что касается до меня — признаюсь, — я переживалъ тяжелѣйшія минуты въ жизни. Мною овладѣвало раскаяніе.

Войдя подъ ворота нашего дома, мы повернули на лѣстницу и черезъ нѣсколько секундъ очутились въ моей комнатѣ. Я опустилъ стору и пригласилъ гостя садиться у окна, на мое глубокое кресло. Сдержанность бѣднаго мужа меня начинала пугать. „Ну, что, если онъ убьетъ ее?“ думалось мнѣ — и я дорого далъ-бы въ эти минуты, чтобы все происходившее какимъ-нибудь чудомъ обратилось въ сонъ.

Мы молчали. Положеніе наше вообще нельзя было считать ловкимъ. Я стоялъ, облокотясь на комодъ, и какъ-то тупо смотрѣлъ на противуположное крыльцо; Мірянинoвъ тоже глядѣлъ.

— Вотъ онъ, тихо произнесъ я.

— А-а!... Незнакомъ... процѣдилъ сквозь зубы бѣднякъ-сосѣдъ.

Блондинъ позвонилъ — горничная отперла дверь. М-ме Мірянинова, по обыкновенію, повисла на шеѣ своего дорогаго гостя... Я отвернулъ голову, чтобы не видѣть въ это время Мірянинова.

Черезъ нѣсколько минутъ молодые люди, обнявшись, прошли въ комнату, мало похожую на гостиную, и m-me Мірянинова тихо опустила стору.

— Вы честный человѣкъ, проговорилъ мой гость, пожавъ мнѣ руку, и вышелъ.

Я видѣлъ, какъ онъ прошелъ черезъ дворъ и потомъ черезъ рядъ комнатъ своей квартиры и скрылся за дверью послѣдней изъ нихъ — той самой, въ которой была опущена стора.

Минутъ черезъ пять блондинъ, котораго я ожидалъ видѣть летящимъ изъ окошка, чрезвычайно граціозно, хотя, видимо, смущенно, раскланивался въ гостиной. Мірянииновъ провожалъ его, какъ наимилѣйшаго гостя, до передней и даже съ обязательностью радушнаго хозяина показалъ горничной на вѣшалку, гдѣ висѣло пальто блондина.

Мое положеніе было невыносимо глупо. Я хлопалъ глазами и ничего не понималъ. На другой день недоумѣнію моему суждено было удесятериться: часу въ восьмомъ вечера Мірянииновъ съ женою подъ-руку прошли черезъ дворъ. На лицахъ ихъ ничего нельзя было прочесть, кромѣ самаго невозмутимаго спокойствія и довольства судьбой...

Блондинъ никогда уже не появлялся.

Прошло мѣсяца два. Я перешелъ на новую квартиру, гдѣ въ первый-же день былъ удивленъ и обрадованъ случайно: самоваръ подала мнѣ Варя — та самая миловидная дѣвушка, которая жила у Мірянииновыхъ.

„А!... теперь я узнаю все!...“ подумалъ я.

Варя тоже узнала меня.

— Вотъ-съ, гора съ горой не сходится, а человѣкъ съ человѣкомъ — завсегда-съ!... проговорила она, улыбаясь и глядя на меня.

— Да, а развѣ вы помните меня?

— Какъ не помнить! Вы противъ насъ жили въ домѣ Иванова. Еще у васъ собачка такая кудлатенькая была!

— Да, да. А что Александръ Пахомычъ? Вы давно отъ него отошли?...

— Два мѣсяца будетъ.

— А за что онъ вамъ отказалъ?...

— Неправда-съ, не отказалъ!... Я сама ушла!...

— Полноте! Я знаю даже за что вамъ отказано.

— Ну, за что, скажите!...

— А за то, что вы пускали къ его женѣ этого блондина въ шляпѣ...

— Неправда-съ!... Никакого блондина не было — вотъ что-съ!...

Но черезъ нѣсколько дней Варя стала сговорчивѣе. Ей такъ нравились произведенія Филиппова въ видѣ сладкихъ сухарей, кренделековъ, сушекъ, что она частенько, въ отсутствіе хозяйки, выпивала у меня чашекъ по шести чаю и просиживала до поздняго вечера.

— Извольте-съ, я вамъ разскажу всю эту самую исторію, только ужъ вы никому ни гугу, сказала она мнѣ однажды.

— Даю вамъ честное слово — никому не проговорюсь.

— Ну такъ слушайте. Точно-что былъ этотъ блондинъ... Барыня хоша и любила Александра Пахомыча, ну да вѣдь наша сестра слабая — долго-ли до грѣха, коли ежели себя не побережешь?... Опять-же эти мужчины такъ

и наровитъ улестить и въ обманъ ввести,—что́ станешь дѣлать?....

— А онъ ее любилъ?... перебилъ я разскащицу.

— До страсти любилъ, а только виду особаго это паче не показывалъ — характеръ ужъ такой. Другой мужчина такой бываетъ, что даже надоѣстъ, право: все „люблю“, да „люблю“ — тошнѣй смерти для нашей сестры это бываетъ. Ну-съ, ходилъ этотъ Борисъ Николаичъ — блондинъ-то — недѣли съ двѣ, и ничего этакого не было, чтобы баринъ подозрѣніе имѣлъ. Только одинъ разъ, впустивши Бориса Николаевича, стала я чистить замокъ у парадной двери. Чищу, да пою себѣ пѣсню: „Что такъ жадно глядишь на дорогу“, анъ вдругъ — баринъ!... Затряслась я вся, руки опустились. Ну, думаю, барыню надо упредить. Только что я хотѣла въ комнаты бѣжать, а онъ какъ крикнетъ: „Стой!... Оставайся здѣсь!...“ Ничего не подѣлаешь— осталась, а онъ тихохонько черезъ переднюю, черезъ гостиную, да дальше... Резиновыя калоши — не слыхать. Ноги у меня такъ и затряслись, такъ и подкосились... Слышу вдругъ — барыня какъ крикнетъ... Охъ, даже и теперь вспомнить страшно, какъ я тогда испугалась!... Вдругъ я слышу Александръ Пахомычъ говоритъ блондину-то: „Ахъ, говоритъ, сдѣлайте милость не безпокойтесь!... не тревожьтесь...“ Смѣхъ, да и только!... Я думала, что онъ по-крайности убьетъ его, или хошь отдуетъ, — потому что такъ туда со своей толстой тростью и проперъ, — а онъ еще говоритъ ему: „Не тревожьтесь... будьте почти какъ дома!..“

— Ну, а блондинъ что-же?... спросилъ я у разскащицы.

— Смѣхъ!... Лепечетъ что-то. „Извините-съ“, говоритъ!... „Я, говоритъ, никакъ не думалъ...“ Вотъ, вижу, выходятъ

это они. Блондинъ-то весь красный отъ стыда, а Александръ Пахомычъ ему: „О, ничего-съ!... Помилуйте!...“ Такъ этотъ бѣдняга-то Борисъ Николаевичъ и пятится со своимъ фракомъ, да шляпой къ дверямъ, все шаркаетъ, да конфузливо такъ извиняется, а Александръ Пахомычъ ему: „Ничего-съ!.. Напрасно вы безпокоитесь!...“ Потомъ крикнулъ мнѣ, чтобы я пальто гостю подала.

— Ну, потомъ что?... нетерпѣливо перебилъ я.

— А вотъ позвольте-съ, до всего дойдемъ. Вотъ-съ, какъ только гость за двери, — баринъ прошелся раза два по гостиной и говоритъ потомъ мнѣ: „Варя!... пойдешь въ портерную и скажешь, чтобы прислали дюжину пива, да въ погребѣ возьми бутылку коньяку; часамъ къ шести я буду дома“. Какъ это сказалъ, такъ и за двери. Я къ барынѣ побѣжала — лежитъ бѣдняга, мечется въ истерикѣ. Я ее и одеколономъ-то, и уксусомъ-то — поуспокоилась немного. „Ахъ!... что онъ хочетъ сдѣлать!... Ахъ я несчастная!... какъ я буду смотрѣть теперь на него!... Боже мой, Боже мой!...“ Такъ, знаете, и кричитъ все. Какъ это мы съ ней, бѣдняжкой, дотянули время до седьмаго часу — ей-Богу, не знаю. Вдругъ слышимъ — звонокъ. Я бросилась отпирать. Вижу — баринъ, а за нимъ двѣ дѣвицы какія-то... всѣ въ бархатѣ, да въ шелку, а рожи разрумяненныя — просто страсть! и пьяноваты маленько, особенно одна.

„Варя!...“ закричалъ мнѣ баринъ. — „Подай намъ кофе, да попроси сюда въ гостиную барыню!“ А самъ этимъ дѣвицамъ-то: „Садитесь, пожалуйста, сейчасъ я васъ познакомлю еще съ одной госпожей — будетъ веселѣе.“

„Ишь“, — сказала хриплымъ голосомъ одна дѣвица, —

„у тебя, Сашонокъ, и фортепіаны есть!... Кадриль станцуемъ, душка?...“

„Станцуемъ, станцуемъ, моя милая, — вотъ пуншику сперва выпьемъ“, отвѣчалъ баринъ, да потомъ ко мнѣ: „Варя!... Что-жъ ты барыню не попросишь сюда?... Вѣдь она знаетъ, что я самъ кофе не люблю разливать!... Поди и попроси ее сюда!...“

Ничего не подѣлаешь — „слушаю-съ“, говорю, и пошла изъ гостиной, а только за барыней духу не хватаетъ идти: жаль ее. знаете-ли. Вѣдь вы возьмите, развѣ она имъ товарка, что-ли?... Она генеральская дочка, образованность получила въ Смольномъ, а онѣ что?—дѣвки, одно слово дѣвки.

— Ну, и чтожь, заставилъ онъ жену выйти? спросилъ я.

— Позвольте, позвольте. Вотъ-съ, стою я въ кухнѣ и слышу — угощаетъ онъ все ихъ. Итакъ-то жрутъ онѣ коньякъ-то этотъ. да ромъ, что страсти!... Одна — смотрю — въ плясъ пошла, вертится словно шальная. „Варя!...“ кричитъ, слышу, опять баринъ. — „Что-жъ ты провалилась, позови барыню!...“ Меня, знаете-ли, въ слезы ударило, — какъ я пойду за ней?... „Душка Сашонокъ!... Мы сами лучше къ ней пойдемъ!...“ кричитъ одна дѣвица. — „Пойдемъ, пойдемъ“, говоритъ баринъ.

Барышни словно угорѣлыя бросились къ бѣдняжкѣ. Самъ баринъ тихо такъ пошелъ за ними и остановился на порогѣ. Хоть онъ и улыбается какъ-то эдакъ, а самъ блѣдный, что̀ твое полотно. „Варя!... перенеси намъ сюда кофе и все, что̀ тамъ на столѣ“, сказалъ онъ мнѣ. Ослушаться не могу — перенесла.

Прошло минутъ пять, слышу — не выдержало барынино сердце: словно угорѣлая выскочила въ гостиную. Во-

лосы распущены, слезы изъ глазъ такъ и брызжутъ. Какъ крикнетъ вдругъ:

— Александръ!... что вы хотите со мной дѣлать?!...

— Ничего особеннаго — тоже, что̀ вы дѣлаете со мною...

— Но вѣдь я все-таки женщина — пощадите меня!... какъ-бы я ни была виновата — это ужъ слишкомъ!... Я поняла мысль вашу — довольно, довольно, Александръ!... Уведите этихъ женщинъ сію-же секунду, иначе я выброшусь въ окно!... Я требую отъ васъ — уведите ихъ!...

— А!... Вы не бросаетесь ко мнѣ въ ноги, не обнимаете ихъ, не цѣлуете и не обливаете ихъ ведрами слезъ — это хорошій признакъ... Я такъ и принимаю... Варя!... проводи барышень и подай намъ съ барыней кофе сюда!... крикнулъ баринъ.

Ну какъ-же они теперь живутъ?... Хорошо?... просилъ я.

— Да какъ-же не жить-то хорошо?... Какъ голубки живутъ. И сами посудите — можно-ли противъ такого мужчины чувства не имѣть?... Другой и жену убилъ-бы, али прибилъ до полусмерти, и любовнику ейному черепъ-бы просадилъ, а этотъ вечеромъ-же подъ ручку гулять съ женой пошелъ!... Ка-бы не любилъ — не диво, а то вѣдь любитъ ее, какъ душу. Чудило!...

Спустя еще мѣсяца два, прохаживаясь по бульвару Средняго проспекта, я былъ остановленъ догнавшимъ меня почти у самой Невы трактирнымъ мальчикомъ.

— Васъ господинъ одинъ проситъ зайти въ „Лондонъ“.

— Кто такой?...

— Не знаю-съ. Они у машины сидѣли, газеты читали,

а какъ стали меня посылать за вами — въ отдѣльную комнату пересѣли-съ.

Я вернулся и взошелъ въ „Лондонъ“. Каково-же было мое удивленіе и смущеніе, когда я узналъ въ послaвшемъ за мной господинѣ — Александра Пахомыча.

— Здравствуйте, добрый сосѣдъ, сказалъ онъ, радушно протягивая мнѣ руку. Человѣкъ!... Дай намъ бутылку хересу и оставь насъ.

— Ну-съ, продолжалъ онъ, когда мы остались одни, — вы, я думаю, удивляетесь, что я не только не избѣгаю встрѣчи съ человѣкомъ, бывшимъ свидѣтелемъ невѣрности моей жены, но даже желаю этой встрѣчи. Не удивляйтесь. Я давно желалъ пожать вашу руку за то, что вы открыли мнѣ глаза во-время, когда еще не поздно... Мы, благодаря вашему — не примите за комплиментъ, — честному вмѣшательству въ наши отношенія, живемъ теперь очень дружно. Если только кто-нибудь изъ мужей можетъ быть *положительно* увѣреннымъ въ самомъ искреннемъ расположеніи и вѣрности жены, такъ это, мнѣ кажется, я...

— Очень радъ, проговорилъ я. — Я случайно знаю обстоятельства вашего мира...

— Стараясь возможно менѣе удивляться чему-бы то ни было, я не удивляюсь и этому: какъ человѣкъ, невольно заинтересованный въ этомъ дѣлѣ, вы даже, можетъ-быть, старались узнать. Это при желаніи и возможно, и какъ нельзя болѣе простительно. Если я поступилъ такъ, а не иначе, то это потому, что подраздѣляю измѣну женщины на множество видовъ. Измѣна, такъ-сказать, по принципу, по призванію, или иначе, измѣна сознательная — далеко не то, что измѣна на-обумъ, вслѣдствіе происходящаго отъ молодости лег-

комыслія. Хоть я и не виню этого бѣлокураго незнакомца (кто онъ—не знаю, да и не имѣю нужды знать), но, тѣмъ не менѣе, не считаю справедливымъ взваливать большой вины и на мою жену, потому что едва-ли всегда легко уйти отъ сѣтей тридцати-лѣтняго красавца-ловеласа семнадцати-лѣтнему ребенку...

Не думайте, чтобы я проповѣдывалъ развратъ, — я нахожу только необходимымъ принимать въ соображеніе обстоятельства, сопровождающія и, слѣдовательно, обусловливающія всякое дѣйствіе человѣка и уменьшающія или увеличивающія сдѣланное имъ добро или зло. Будь моей женѣ двадцать пять лѣтъ — я отнесся-бы иначе къ ея поступку, какъ болѣе уже осмысленному. Въ данномъ-же случаѣ я могъ еще разсчитывать на возможность нравственнаго перелома въ женщинѣ — и не ошибся. Мое лекарство, правда, очень рѣзко, но достигло цѣли. Приступи я къ женѣ съ проклятіями, упреками, угрозами, или, какъ иные дѣлаютъ, съ кулаками, чубуками и револьверами — эта женщина для меня не существовала-бы; изъяснивъ-же ей такъ наглядно ея поступокъ, показавъ ей возможность въ будущемъ непривлекательной параллели и сопоставленія съ женщинами падшими и ею, если она не образумится, я поставилъ ее въ то положеніе, котораго она, при несовершенной испорченности своей, вынести не могла — переломъ, значитъ, совершился....

Не знаю, ошибался-ли мой бывшій сосѣдъ, но только каждый разъ, какъ путь мой лежитъ чрезъ Васильевскій островъ, я имѣю случай радоваться его невозмутимому теперь супружескому счастію.

РОМАНЪ ВЪ ТРЕХЪ ГЛАВАХЪ.

ГЛАВА I.

Въ Подрѣзовой улицѣ, въ квартирѣ Кончиковыхъ.

Ну, вотъ-съ, въ этой-то именно квартирѣ и сидятъ за перчаточными машинками двѣ молодыя дѣвицы. Это — мадмуазель Кончикова, восемнадцати-лѣтняя дщерь титулярнаго совѣтника Кончикова, и мадмуазель Побѣгунчикова. Мадмуазель Кончикова почти однихъ лѣтъ съ мадмуазель Побѣгунчиковой, мадмуазель—Побѣгунчикова близкая сосѣдка мадмуазель Кончиковой, и потому между мадмуазель Побѣгунчиковой и мадмуазель Кончиковой существуетъ такая крѣпкая, неразрывная нравственная связь, такая уму непостижимо-страстная дружба, до какой дуракамъ Оресту и Пилату было такъ-же далеко, какъ Ильѣ Арсеньеву до ордена почетнаго легіона или мнѣ до полученія званія фельдмаршала прусскихъ войскъ. Если-бы, кажется, можно было вдохнуть душу мадмуазель Кончиковой въ тѣло мадмуазель Побѣгунчиковой, а душу мадмуазель Побѣгунчиковой — въ тѣло мадмуазель Кончиковой, то отъ этого, какъ отъ перестановки мѣстъ множителей, произведеніе нисколько не измѣнилось-бы.

— Ну, скажи!... умоляющимъ тономъ говоритъ мадмуазель Побѣгунчикова, роясь, выбора ради, въ стоящей рядомъ тарелкѣ съ орѣхами.

— Помучу тебя, не скажу!... Больше интересу будетъ.

— Ну-у!... Покажи, какой онъ стихъ написалъ!... Чуствительный?...

— Очень чуствительный. Я разъ тридцать и читала, и даже плакала...

— Счастливица!... Да, можетъ, не онъ написалъ... Можетъ, ему этотъ сочинитель написалъ, что̀ на Большомъ пришпектѣ живетъ?...

— Что ты!... Сьчасъ умереть — самъ онъ написалъ!... Онъ всякія сочиненія можетъ сочинять. Ахъ, какой стихъ!... Я даже въ книжку записала... Ну, ужъ полно тебя мучить, читай.

Изъ ста штукъ барышень Петербургской стороны едва-ли у трехъ-четырехъ имѣются альбомы или, вообще, книжечки, имѣющія своею исключительно цѣлью отъизображеніе нѣжныхъ чувствъ. Всевозможныя чувствительныя посланія, нѣжныя полупризнанія и страстныя сердечныя стенанія въ прозѣ и стихахъ, преимущественно въ формѣ акростиховъ — все это изливается гг. кавалерами-чиновниками по большей части или въ на-скоро-сшитыхъ изъ департаментской бумаги маленькихъ тетрадочкахъ, или въ книжкахъ, имѣющихъ какое-либо хозяйственное назначеніе. На этомъ основаніи мадмуазель Кончикова беретъ „Полную поваренную книгу“ сочиненія женщины-писательницы Авдѣевой и тщательно перелистываетъ ее.

— Вотъ гдѣ-то тутъ... говоритъ она, нетерпѣливо перекидывая страницы.

— Ахъ, скорѣе!... До страсти хочется прочесть!... погоняетъ мадмуазель Побѣгунчикова.

— Не торопи, душка... Я знаю, что на той страницѣ, гдѣ сказано о приготовленіи заливнаго поросенка по способу г-жи Никитиной...

— Нѣтъ, не должно быть!... На этой самой страницѣ, я помню, Колечкинъ нарисовалъ тебѣ розу и изобразилъ, какъ швейцарка въ соломенной шляпкѣ доитъ корову...

— Ахъ, нѣтъ, не то!... Развѣ, не тутъ-ли?...

Мадмуазель Кончикова беретъ „книжку для записыванія бѣлья“ и, быстро развернувъ ее, восклицаетъ:

— Вотъ, вотъ онъ, стихъ этотъ!...

— Читай!... Нѣтъ!... Давай, я прочту!...

Мадмуазель Побѣгунчикова еле разбираетъ:

Шесть паръ рубахъ, два полотенца...
Кальсоновъ пара... простыня...

— Ахъ, нѣтъ!... Ниже... Давай мнѣ!... Вотъ этотъ стихъ:

Я не могу вамъ разсказать,
Что въ сердцѣ у меня таится...
Лягушка, будто, такъ сказать,
Тамъ у меня все шевелится...

— Ахъ, это на счетъ сердца!... Это онъ хотѣлъ выразить, какъ евоное сердце бьется!... восклицаетъ мадмуазель Побѣгунчикова. — Только, должно быть, не самъ это онъ сочинилъ... Или вычиталъ, или этотъ сочинитель ему сочинилъ.

— Самъ, я тебѣ говорю — самъ!...

— Счастливица!... И всего-то пять дней до сватьбы осталось!...

— Онъ меня до страсти любитъ...

— А ты его еще больше...

— Еще-бы!... Такой милашка, добрый, чувствительный... А красавецъ какой!... Какіе глаза, ротъ, носъ, волоса!... Я ночей не сплю, думамши объ немъ!... Дуракъ этотъ Свистулькинъ хотѣлъ перебить у него меня!... Ха, ха, ха!... Чтобы я моего душку Егорушку промѣняла на кого-нибудь!... Да я сколько слезъ выплакала, когда папаша большую перину не хотѣлъ за мной отдать!...

— А самовары?... Оба самовара отдаетъ?...

— Еще-бы!... И два кофейника. Ахъ, голубчикъ, Егорушка!... Скоро-ли эти пять дней пройдутъ!...

— Потерпи, пройдутъ, успокоиваетъ мадмуазель Побѣгунчикова.

Но мадмуазель Кончикова не скоро успокоивается. Несносные пять дней, остающіеся до страстно ожидаемаго ею соединенія съ милымъ Егорушкой, не даютъ ей покоя. Она негодуетъ на время, мечтаетъ о блаженствѣ жизни съ Егорушкой и безпрестанно цѣлуетъ его карточку...

ГЛАВА II.

Во Введенской гостинницѣ, у буфета.

— Ахъ, Вася, терпѣнія моего нѣтъ!... говоритъ молодой чиновникъ, тоскливо подперевъ голову и еще тоскливѣе смотря на проходящихъ по Большому проспекту.

— Ну, полно, Егорушка!... Вѣдь не за горами: пять дней всего осталось. Пей чай-то.

— Эхъ, не до того, Вася!... Ужъ очень люблю я ее!... Вотъ что.

— Знаю, что любишь, да имѣй-же и терпѣніе. Вѣдь ужъ теперь никто не отобьетъ твою Машу. Оба вы другъ друга любите — ну, значитъ, и... выпить можно. Дайте-ка еще по рюмочкѣ.

— Да ужъ что по рюмочкѣ, вставляетъ буфетчикъ: Егору-то Пантелеичу не грѣхъ и графинчикъ поставить... передъ счастьемъ, значитъ.

— Ну, тащи графинъ.

Черезъ четверть часа графинъ такъ истощается и приходитъ въ такое плачевное состояніе, что ни одинъ силачъ — будь это самъ Геркулесъ — не могъ-бы выжать изъ него ни единой капли. Расположеніе духа Егорушки переходитъ изъ тоскливо-мрачнаго въ какое-то бѣшено-изступленное.

— Кто?... Свистулькинъ?!.. реветъ онъ, поражая кулакомъ ни въ чемъ неповинный столъ. Свистулькинъ, какая-нибудь мразь, думалъ... думалъ, что отобьетъ у меня Машу!... Ска-а-тина!...

— Вы потише-съ. Они тутъ въ билліардной... замѣчаетъ буфетчикъ.

— Кто въ билліардной?... а?...

— Они самые-съ: господинъ Свистулькинъ.

— А!... Онъ тутъ? — тѣмъ лучше!... Я ему сейчасъ мордасы... Пойдемъ, Вася...

Егорушка такъ начинаетъ ломиться въ билліардную, гдѣ

ему чудятся мордасы соперника, что буфетчикъ и прислуга соединенными силами едва успѣваютъ успокоить его и усадить на мѣсто.

— Успокойся, Егорушка!... Ну его!... говоритъ пріятель.

— Нѣтъ, Вася... Пока я живъ — не уступлю Машу!...

— Да никто и не беретъ ея у тебя... и не можетъ...

— А!... Не можетъ?...

И Егорушка какъ-то торжественно улыбается.

— Не можетъ? То-то и есть, что не можетъ... Ты меня любишь, Вася?...

— Ты самъ знаешь это самое.

— Ну, знаю. Ты мой шаферъ?...

— Знаешь самъ. Не двадцать разъ говорить тебѣ.

— Ну, такъ я тебѣ скажу, что я люблю ее... мою Машу...

Егорушка снова подпирается рукой и плачетъ.

— Полно, Егорушка, утѣшаетъ пріятель.

— Нѣтъ, Вася, не могу... Пять дней еще терпѣть... Люблю я ее... Ты не знаешь, что это за ангелъ такой...

— Да пей чай-то, Егорушка!... Экъ раскуксился!... Чего плачешь?...

— Я плачу, потому люблю ее... Ты знаешь — какъ Козявкина ладила за меня выйдти,—да нѣтъ, шутишь: Машу ни на кого не промѣняю... Что мнѣ Козявкина? — тьфу!...

— Пей-же, пей чай-то!... Вѣдь надо подкрѣпиться — ты ночей не спишь, Егорушка.

— Не могу спать — все объ Машѣ моей думаю... Самъ-то Кончиковъ думалъ большую перину оттягивать — чортъ съ ней!... Что мнѣ перина?... Я люблю Машу... Мнѣ сочинитель и стихъ ей написалъ...

— Ну, полно... не хнычь, Егорушка, народъ смотритъ...

— Пущай смотритъ!... Ахъ, Машечка моя!...

Егорушка вынимаетъ изъ кармана кусочикъ департаментской бумаги, осторожно развертываетъ его, достаетъ изъ него фотографическую карточку и чмокаетъ ее такъ громко, что стоящая у окна извощичья лошадь трогается съ мѣста.

— Ахъ, душонокъ... Какія губки, глазки, ротикъ какой... произноситъ онъ приэтомъ, забывъ обо всемъ окружающемъ.

ГЛАВА III.

У домашняго очага, два мѣсяца спустя.

Въ концѣ Плуталовой улицы маленькая квартирка, состоящая изъ одной средней величины комнаты и... только. Правда, помѣщеніе, собственно говоря, не особенно велико, но за то оно сосредоточиваетъ въ себѣ всѣ удобства, какихъ можно требовать отъ квартиры всякаго порядочнаго чиновника. Тутъ-же въ комнатѣ и русская печка, въ которой можно изжарить гуся съ капустой и на-славу испечь пирогъ съ визигой, тутъ и вѣшалка для пальто и шинелей, тутъ и большая двуспальная кровать — чего, значитъ, хочешь, того и просишь.

Часовъ восемь зимняго утра. На двуспальной постелѣ, раскинувшись въ полузабытьи, лежитъ молоденькая женщина; а въ другомъ углу комнаты, на небольшомъ старенькомъ диванѣ, сидитъ, потягивая трубку, молодой чиновникъ.

— Чего дрыхнешь, рыло!... произноситъ онъ наконецъ.

Дама открываетъ глаза.

— Молчи, прохвостъ, пока зубы не выбила!...

— Я-те выбью!... Свои береги!...

— Ахъ ты скотина!... И какъ это я только вышла за такого подлеца!... Жрать не даетъ, а туды-же командуетъ!... Почище тебя женихи-то сватались, мразь ты этакая!... Свистулькинъ не чета тебѣ. Двадцать три рубли получаетъ!...

— Врешь — двадцать два семьдесятъ одну!...

— Все равно, а ты на семьнадцати сидишь, лѣшій!...

— Врешь!... Семьнадцать рублей шестьдесятъ три получаю, дубина!... Невѣсты-то почище тебя были!... Козявкина, по-крайности, достойная дѣвица!...

— Ахъ рыло ты, рыло!... Да кто за тебя, за чучелу эдакую, пошелъ-бы!...

— Посмотри на себя, образина!... Ишь, морда какая!... Ротъ-то, что ворота въ Аверина домѣ!... Сядь на краю, да ногой болтай!...

— Смотри, мразь Егорка, туфлю возьму!...

— Молчи!... Сапогомъ какъ начну тузить — ну-у!... Ишь, буркулы свои выпялила!... Чистый чортъ!...

— Молчи, дьяволъ!... Два мѣсяца маюсь съ тобой, съ чортомъ!

— А лѣшій тебѣ велѣлъ вязаться ко мнѣ? Я ужъ давно на Козявкиной женился-бы... По-крайности, дѣвица достойная!...

— А чортъ тебя сунулъ къ папашѣ подластиться?... Я давно за Свистулькинымъ была-бы!... Двадцать три получаетъ, да и лицо-то не такое, какъ твоя рожа!

— Молчи, уродина!...
— Что-о?... А туфля?!...
— Уродина!!...
— Что-о-о-о?! Сапога хочешь?...
Бацъ!...
Бацъ!...

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

....Удивительный, удивительный мужчина, — и въ жизнь такого не видывала, право...

Такъ заканчивала свою многорѣчивую характеристику обитателей нашего околодка моя квартирная хозяйка, относя послѣднія слова свои къ моему сосѣду, а своему жильцу — Ивану Петровичу.

— А что-же онъ?... спросилъ я.

— Да онъ-то ничего, а только ужь очень удивительный. Возьмите, къ-примѣру, другихъ молодыхъ людей или тамъ молодыхъ чиновниковъ: каждый соблюдаетъ свой интересъ, каждый старается содрать съ кого ни-на-есть копѣйку, а ужъ Иванъ Петровичъ и вниманія этого не возьметъ. „Зачѣмъ, говоритъ, мнѣ желать чужаго, когда и своего довольно“, а самъ получаетъ десять рублей въ мѣсяцъ!...

— Но какъ-же онъ живетъ?...

— Какъ живетъ? — Вотъ въ томъ-то и штука, что живетъ почти-что, можно сказать, въ свое удовольствіе. Только не обѣдаетъ, а то всего у него хватаетъ. Какъ чай, какъ кофеишко, какъ на счетъ одежи — все у него есть. Ходитъ чисто, даже перчатки носитъ, и въ тіатръ два раза въ мѣ-

сяцъ ходитъ, и въ банѣ каждую субботу бываетъ и шесть папиросокъ въ день выкуриваетъ.

— Почему-же именно шесть?...

— А ужъ у него такое положеніе, потому всякая копѣйка на счету. А коли ежели, что касается въ долгъ — копѣйки и той не возьметъ. Станешь, это, говорить ему, что какъ это, молъ, онъ умѣетъ сообразиться, такъ только ухмыляется. „Мнѣ-съ, говоритъ, нельзя не соображаться, потому, какъ ежели мнѣ нечего будетъ ѣсть, да не во что одѣться — я долженъ буду или убить себя, или взять въ долгъ“.

Человѣкъ, у котораго „убить себя“ и „взять въ долгъ“ — синонимы, остановитъ на себѣ поневолѣ вниманіе. Я рѣшился познакомиться съ Иваномъ Петровичемъ и черезъ недѣлю мы сдѣлались чуть не друзьями.

Это былъ коротко остриженный, небольшаго роста человѣчекъ. Отъ природы нѣсколько нелюдимый и мало сообщительный, онъ пускается въ откровенность только съ тѣмъ, кого судьба сводила съ нимъ, что называется, на близкую ногу.

Съ первыхъ-же дней знакомства съ Иваномъ Петровичемъ, я былъ удивленъ сколько оригинальностью его домашней жизни, столько-же и эксцентричностью его взглядовъ на вещи. Это былъ высоко-практическій человѣкъ. Получая жалованье, котораго другому не хватило-бы на сапоги и стирку бѣлья, и не имѣя понятія о томъ, что значитъ дѣлать долги, мой сосѣдъ умѣлъ жить, по собственному его выраженію, „въ свое удовольствіе“. Ясно, что это удовольствіе давалось ему не легко, и что всѣ домашнія работы, взваливаемыя обыкновенно на хозяйку, сосѣдъ долженъ былъ исполнять самъ; но это исполненіе, казалось, нисколько не тяготило его. Напро-

тивъ, онъ, повидимому, съ особенною любовью мылъ и гладилъ свои манишки, починялъ, штопалъ и даже за́-ново созидалъ какіе-то уму непостижимые пиджаки и жакеты.

Только услышишь, бывало, что сосѣдъ возвратился изъ должности — закуришь папиросу и заходишь поболтать.

Засуетится Иванъ Петровичъ.

— Ахъ, извините-съ!... за хозяйствомъ застали-съ... Что дѣлать-съ, человѣкъ я съ ограниченными возможностями, все самому приходится... Извините-съ...

Однажды — это было уже съ мѣсяцъ отъ начала нашего знакомства — я засталъ Ивана Петровича за самымъ прозаическимъ занятіемъ: засучивъ рукава, онъ преусердно перемывалъ въ большой чашкѣ, чайную посуду.

— Ахъ, виноватъ-съ... Хозяйничаю, знаете-ли-съ... проговорилъ, сконфузясь, онъ.

— Ничего, ничего. Я пришелъ васъ звать къ себѣ чайку выпить...

— Очень пріятно-съ...

— Только ужъ вы потрудитесь сами разлить, сказалъ я, когда мы вошли ко мнѣ и усѣлись за самоваромъ.

— Со всѣмъ моимъ удовольствіемъ-съ... Вы, я вижу, не охотники хозяйничать... Вамъ-бы надо хозяюшкой обзавестись, право-съ!... хе, хе, хе!...

Съ нѣкотораго времени Иванъ Петровичъ особенно охотно сводилъ рѣчь на женитьбу.

— Мнѣ жениться? спросилъ я. — Вы, сосѣдъ, безбожно подтруниваете надо мною. Развѣ можно жениться, не имѣя положительныхъ и достаточныхъ средствъ къ жизни?

— Да какъ же-съ, да помилуйте-съ!.. Разумѣется можно-съ.

Даже-съ, я вамъ доложу, бѣдному человѣку необходимо жениться.

— Ну нѣтъ! Я не такого мнѣнія, и если буду когда-нибудь богатъ — женюсь, а нѣтъ — такъ не стану и думать о женитьбѣ, какъ о вещи невозможной.

При словѣ „богатъ“ Иванъ Петровичъ поставилъ даже чайникъ, не доливъ стакана.

— Какъ-съ?!... воскликнулъ онъ, уставившись на меня своими блѣдно-голубыми глазами. Вы желали-бы, значитъ, быть, то есть, богатымъ?!...

Этотъ вопросъ былъ сдѣланъ такимъ убійственно-насмѣшливымъ тономъ удивленія, какъ-будто-бы я изъявилъ желаніе быть повѣшеннымъ.

— Что-же вамъ кажется страннымъ?... спросилъ я.

— Да какже-съ!... Если-бы, то есть, вы сказали, что желаете быть счастливымъ—такъ; а то вы, какъ-то совсѣмъ иначе— извините меня—судите объ этомъ самомъ предметѣ. Ужъ гдѣ богатство завелось, тамъ не бывать счастью.

— По вашему, значитъ, богатство — помѣха счастію?...

— То есть... какъ вамъ это выразить... Люди бываютъ разные... Я-бы вамъ разсказалъ, да говорить по книжному не умѣю-съ... Ежели, напримѣръ, какой-нибудь этакій пустой человѣкъ — ему богатство нужно, чтобы, то есть, величаться, а ежели который порядочный человѣкъ и душу имѣетъ — тому ихныя коляски, да золоченыя палаты не нужно. Вотъ что-съ.

— Но вѣдь и вы отъ нихъ не отказались-бы, я думаю?...

— Кто, я-съ? — Избави меня Господи!...

— Почему?..

— Видите-ли, въ чемъ дѣло-съ... Ежели-бы я умѣлъ выразить свои этакія душевныя мнѣнія — я разсказалъ-бы вамъ... Я такъ думаю, что ежели всѣ эти тамъ коляски, да люстры, такъ это мнѣ все равно, что наплевать. Опять-же при богатствѣ я не могу не другомъ обзавестись, ни жениться-съ...

— Это отчего?...

— А оттого-съ, что ежели, къ примѣру, я бѣднякъ, да ко мнѣ ходитъ человѣкъ и проводитъ со мной время — онъ мнѣ, значитъ, другъ.

Я и ночи могу спать спокойно — знаю, что онъ другъ мнѣ, а не блюдолизъ, не прихлебатель. И на счетъ женщинъ тоже-съ. Если я, примѣрно, богатъ, да сорю деньги на какую-нибудь этакую Шарлоту, или тамъ, Юлію — очень ясно, что она будетъ вѣшаться ко мнѣ — съ позволенія сказать — на шею, и увѣрять, что жить безъ меня не можетъ, да только я на счетъ ейной этой любви не буду спокоенъ — дудки-съ!... Не въ колоскахъ моихъ ты пріѣзжай ко мнѣ и говори, что любишь меня — нѣтъ!... приходи за пять верстъ ко мнѣ бѣдняку въ истоптанныхъ башмаченкахъ: — тогда повѣрю тебѣ, тогда буду спокоенъ и счастливъ. Вотъ что-съ!...

Мой сосѣдъ все болѣе воодушевлялся. Я молчалъ и слушалъ.

— Да какже-съ, да помилуйте-съ!... продолжалъ онъ, не слыша съ моей стороны возраженій: — кто мнѣ докажетъ, что она любитъ меня, а не мои, то есть, деньги?... Любовница-ли, жена-ли — все одно-съ: коли только богатъ — рѣдко которая побрезгаетъ; да только, что мнѣ въ этомъ толку, если за меня пойдетъ дѣвушка, когда я не знаю, любитъ-ли

она меня?... Если, примѣрно, за меня, при моемъ сиротичествѣ и бѣдности, пойдетъ дѣвушка — такъ тутъ и сомнѣнія не будетъ, что любитъ, коли пошла со мною горе терпѣть.

— А вы — извините нескромный вопросъ — намѣрены жениться?...

— Да какже-съ!... При моемъ жалованьи трудно одному жить.

— Значитъ, вы хотите, все-таки, взять сравнительно богатую невѣсту?...

— Избави меня Господи!... И покупать любви не хочу, и своей продавать не намѣренъ-съ!... По моему мнѣнію, говядину покупать можно и даже очень, можно сказать, благородно, а ужъ на счетъ любви, или, тамъ, женщинъ, такъ что ужъ, какъ я понимаю, не говядина-съ.

Сдѣлавъ такое глубокомысленное заключеніе, Иванъ Петровичъ даже плюнулъ: такъ соединеніе понятій о любви и презрѣнномъ металлѣ казалось его простой и честной душѣ омерзительнымъ.

— Но неужели-же вы думаете,— сказалъ я, — что женатому, при одинакихъ средствахъ, жить легче, нежели холостому?...

— Очень ясно-съ, отвѣчалъ мой эксцентричный сосѣдъ. Впрочемъ, это какъ кому-съ. Иной для молодой жены надѣлаетъ долговъ и плачется. А если, то есть, жить съ разсчетомъ, такъ какже можно холостому противъ женатаго!... Двѣ-ли руки, да одна голова работаютъ, или четыре руки и двѣ головы — это разница-съ!... Если жена, при ограниченныхъ возможностяхъ, ломаетъ изъ себя бѣлоручку, сидитъ со своими кринолинами, да смотритъ, какъ мужъ потомъ и

кровью хлѣбъ добываетъ — ну, это ужъ не женщина-съ, а сволочь-съ. А если жена любитъ мужа — всегда почти вдвое жить дешевле.

— Странно... я никогда этого не слышалъ.

— Да ужъ повѣрьте мнѣ-съ. Я, при моей бѣдности, живу съ разсчетомъ, знаю всему цѣну и на счетъ хозяйства могу мнѣніе имѣть-съ. Вы теперь возьмите-съ: что̀ одному, что̀ двумъ — квартира все одно сто́итъ. Теперь дрова и свѣчи тоже въ одномъ количествѣ-съ; чай засыпать въ чайникъ, что̀ для одного, то для двухъ — все одно-съ. Разница, значитъ, главная только въ пищѣ-съ. Положимъ-съ, тутъ будетъ разница на пять рублей-съ, а женщина рукодѣльемъ, не утруждая себя, заработаетъ 12 рублей въ мѣсяцъ. Теперь, я, возьмите, только пришелъ изъ должности — за работу: самъ чищу, глажу, мою, убираю, шью; а когда хозяйничать будетъ жена—у меня еще часовъ пять въ сутки свободны; а въ пять часовъ времени перепиской я могу доставать каждый день гривенъ по шести, по семи-съ. Чтоже если касается до платья-съ — иная женщина и двадцать платьевъ будетъ имѣть и будетъ ходить оборванная, а иная и при двухъ всегда можетъ быть опрятно и прилична одѣта-съ. Вотъ что-съ.

Далеко за полночь разстались мы съ сосѣдомъ. Улегшись и погасивъ свѣчку, я долго еще продумалъ о Иванѣ Петровичѣ.

И не разъ послѣ того соломоновская мудрость моего сосѣда-философа вызывала меня на размышленіе. Чѣмъ дольше я жилъ въ сосѣдствѣ съ Иваномъ Петровичемъ, тѣмъ болѣе узнавалъ его, тѣмъ болѣе удивлялся ему. Въ самомъ дѣлѣ, это былъ замѣчательный, въ своемъ родѣ, человѣкъ. Поло-

жимъ, получать въ мѣсяцъ десять рублей и не умереть съ голода — еще не штука: цѣлыя тысячи живутъ еще меньшимъ; но съумѣть при такой грустной обстановкѣ жизни не роптать на судьбу, не брать ни копѣйки въ долгъ, и впродолженіе двѣнадцати лѣтъ откладывать еще по рублю въ мѣсяцъ на черный день — для этого нужно быть Иваномъ Петровичемъ. Разумѣется, отсутствіемъ ощутительныхъ недостатковъ мой сосѣдъ былъ обязанъ своей необыкновенной практичности и аккуратности — не той плюшкинской аккуратности, которая бываетъ слѣдствіемъ низкаго корыстолюбія, но разумной и благородной аккуратности, вытекающей изъ самой необходимости. Если рѣдкому гостю моего затворника-сосѣда случалось выпить у него два стакана чаю и выкурить пару папиросъ — можно было быть увѣренымъ, что этотъ сосѣдъ на другой день выпьетъ чаю двумя стаканами менѣе обыкновеннаго и выкуритъ вмѣсто обычныхъ шести папиросъ — четыре, пополняя цѣною собственнаго лишенія, случайный ущербъ въ хозяйствѣ. И не смотря на все это, не смотря на необходимость самопожертвованія, Иванъ Петровичъ могъ служить образцомъ радушія, хотя случаи къ этому представлялись чрезвычайно рѣдко, по причинѣ его крайней необщительности. Эта необщительность простиралась до такой степени, что даже родственники Ивана Петровича, разсѣянные по разнымъ угламъ Петербурга, только догадывались о существованіи этого чудака на бѣломъ свѣтѣ. Могу сказать смѣло, что я принадлежалъ къ числу очень и очень немногихъ людей, пользовавшихся откровенностью и довѣріемъ Ивана Петровича, человѣка по природѣ чрезвычайно сосредоточеннаго и скрытнаго.

Съ наступленіемъ весны, мнѣ уже рѣже приходилось бесѣ-

довать съ сосѣдомъ, пропадавшимъ иногда по цѣлымъ днямъ. Даже хозяйка моя — имѣвшая, впрочемъ, привычку удивляться всему на свѣтѣ — приходила въ совершенное недоумѣніе отъ частыхъ отлучекъ Ивана Петровича.

— Ишь-ты, нашъ-то!... говорила она, входя за какою-нибудь надобностью ко мнѣ въ комнату и многозначительно покачивая головою.

— А что?... спрашивалъ я.

— Да какъ, что?... Вѣдь, сегодня изъ должности и носа домой не показалъ — прямо куда-то проперъ.

— Вѣрно, въ гости куда-нибудь, говорю я, но сейчасъ-же вспоминаю, что у моего сосѣда знакомыхъ вовсе нѣтъ.

— Въ гости?... Да куда ему въ гости-то, прости Господи? — и некуда, да и не изъ такихъ, чтобы знакомства велъ, потому самъ въ гости идешь — и къ себѣ долженъ звать; а ему изъ чего звать, да угощать-то. Опять-же скупенекъ — нече грѣха таить. Повѣрите: какъ родился — ни разу на извощикѣ не ѣздилъ!... ей-Богу, не ѣздилъ!... „Зачѣмъ, говоритъ, извощикъ: намъ Богъ ноги далъ“. А ужъ ходить какой здоровый и прыткій — просто бѣда! Въ посту ходила я, это, съ нимъ на рынокъ. Вотъ-съ идемъ мы...

— Но гдѣ-же, вы думаете, пропадаетъ Иванъ Петровичъ? спросилъ я, поспѣшивъ остановить потокъ краснорѣчія, готовый вылиться изъ устъ хозяйки.

— Да я такъ думаю, что зазнобушка у него гдѣ нибудь-есть проявилась — вотъ что. Отэтого, отъ самаго, нужно полагать, онъ такой непутястый сдѣлался.

Наступилъ май. Пользуясь прекрасной погодой, я цѣлые вечера просиживалъ у открытаго окна, лѣниво потягивая сигару и еще лѣнивѣе глазѣя на проходящихъ.

Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ я былъ удивленъ выраженіемъ особенной суетливости, написанной на пухломъ лицѣ хозяйки, торопливо проходившей мимо моего окна. Я хотѣлъ даже остановить ее, чтобы узнать причину этой суетливости, но хозяйка предупредила мое желаніе.

— Нашъ-то!... нашъ-то!... съ какимъ-то торжествомъ проговорила она, остановясь у окна.

— А что? спросилъ я.

— Да какъ, что?... Приходитъ сегодня изъ должности— переодѣлъ другой сертукъ и говоритъ: „Я иду въ гости, говоритъ, — „а вы, Прасковья Петровна, сдѣлайте такую милость, поставьте къ семи часамъ самоварчикъ, купите лимончикъ, сливочекъ на три копѣйки, да сухариковъ на пять... У меня будутъ гости, знаете-ли...“

Все сказанное Прасковьей Петровной сопровождалось покачиваніемъ головы, размахиваніемъ рукъ и другими, не менѣе приличными обстоятельствамъ, жестами и тѣлодвиженіями. И въ самомъ дѣлѣ, Иванъ Петровичъ, во всю жизнь не ѣздившій ни разу на извощикѣ, позволяетъ себѣ роскошь во образѣ сухарей и лимона! Иванъ Петровичъ, вѣчно ставившій самоваръ собственноручно и бѣгавшій, какъ чумы, общества, — проситъ хозяйку приготовить чай, объявляя, что у него будутъ гости!... Не заслуживало-ли все это и того вида изумленія, и тѣхъ тѣлодвиженій, съ которыми Прасковья Петровна остановилась у моего окна?

Часа два спустя, продолжая еще созерцать красоты переулка и проходящихъ, я издали завидѣлъ красный форменный околышъ Ивана Петровича, подвигавшійся, противъ обыкновенія, очень тихо. Само по себѣ это обстоятельство не заключало въ себѣ ничего особенно важнаго, потому что Иванъ

Петровичъ столько-же разъ возвращался домой, сколько уходилъ изъ дома; но если-бы кому-нибудь пришлось замѣтить, что на этотъ разъ мой сосѣдъ шелъ подъ руку съ дамой, да еще молоденькою — онъ удивился-бы не меньше моего. Первымъ дѣломъ моимъ было приписать это явленіе дѣйствію коварнѣйшей изъ иллюзій; но чѣмъ пристальнѣе я вглядывался въ приближающуюся чету, тѣмъ болѣе убѣждался, что одну половину ея состовлялъ Иванъ Петровичъ, а другую — премиленькая брюнетка, лѣтъ двадцати двухъ-трехъ, граціозно повиснувшая на рукѣ своего спутника. Когда чета повернула въ калитку, когда, наконецъ, я услышалъ ея тихій говоръ за забитой наглухо дверью, отдѣлявшей мою комнату отъ обители Ивана Петровича, — тогда сомнѣнію не была и мѣста.

„Эге!... каковъ гусь!“ подумалъ я.

Сначала содержаніе интимной бесѣды Ивана Петровича съ интересною брюнеткой оставнлось для меня, несмотря на близость, совершенной тайной: до меня долетали только неясные и неопредѣленные звуки сдержаннаго и прерывистаго говора. Наконецъ, я сталъ, мало-по-малу, слышать яснѣе, и по интонаціи голосовъ рѣшилъ, что разговоръ сосѣдей принялъ форму легкаго спора, и что дѣло идетъ о томъ, пригласить-ли меня. Несмотря на то, что предложеніе Ивана Петровича посвятить меня въ интимную бесѣду встрѣтило легкую оппозицію со стороны его гостьи, я скоро услышалъ стукъ сосѣда у моихъ дверей.

— Войдите, Иванъ Петровичъ.

— Здравствуйте-съ. Я зашелъ просить васъ чашечку чаю съ нами... съ лимончикомъ... Прошу познакомиться съ моей невѣстой-съ...

— Съ невѣстой?!...

— Да-съ... Послѣзавтра наша свадьба-съ... А что ежели я не говорилъ вамъ, такъ ужъ вы извините-съ... Прежде времени, знаете-ли-съ, какъ-то это совсѣмъ лишнее-съ — всѣмъ, то есть, разсказывать...

— Вы не шутите, Иванъ Петровичъ?!...

— Помилуйте-съ!... Вѣдь я христіянинъ-съ... эдакими вещами я шутить не могу-съ.

— Поздравляю... поздравляю... поздравляю... какъ-то машинально произносилъ я, все еще не опомниваясь отъ изумленія.

Черезъ пять минутъ я уже рекомендовался интересной брюнеткѣ. Хотя она была нѣсколько хуже, нежели показалось мнѣ въ окно, но все-таки не назвать ея миловидной— было-бы совершенно безбожно. Одѣта она была болѣе, нежели просто, но чисто и опрятно.

РУССКІЯ ЛИТКИ.

(съ натуры).

Въ винный погребъ входитъ среднихъ лѣтъ довольно высокаго роста мужчина. По его озабоченному виду, легко замѣтить, что онъ кого-то ищетъ и ищетъ не ради какого нибудь пустячнаго дѣла. Быстро обводя глазами первую комнату и безпокойно заглянувъ во вторую, онъ, какъ пораженный громомъ, оставливается, въ раздумьи почесываетъ, по обычаю прадѣдовъ, затылокъ и видимо приходитъ въ положеніе человѣка, всѣ упованія и надежды котораго рушились.

— Что, не бывалъ еще?... спрашиваетъ онъ, наконецъ, прикащика.

— Кто, Борисовъ-то?... Нѣтъ, Ѳедоръ Иванычъ, не бывалъ. Съ-тѣхъ-самыхъ-поръ, какъ вы въ первый разъ заходили — не былъ...

— Ахъ, убилъ просто!... безъ ножа зарѣзалъ!... Шутка-ли, вѣдь ужъ, люди говорятъ, двѣнадцатый часъ — многоли до шести-то осталось...

— Сдѣлаетъ, Ѳедоръ Иванычъ, будьте безъ сумлѣнія.

Вѣдь если пьянъ былъ-бы, што-ли, а то ни въ одномъ глазу, какъ есть тверезъ. Яковъ Николаевъ хотѣлъ поподчивать его стаканчикомъ — не пьетъ: мнѣ, говоритъ, безпремѣнно нужно къ шести часамъ давальцу работу снести — это про васъ-то.

— Зарѣзъ!... Ну что, какъ не кончитъ? Повѣришь-ли, Саша, какъ угорѣлый бѣгаю все утро. Смотри: всѣ пальцы вылѣзли, а въ шесть часовъ хоть лопни, а на мѣсто ступай.

— Что говорить!... ужъ ваше дѣло такое.

— Ехъ, бѣда!... Вѣдь эдакъ изъ-за него весь карьеръ потеряешь, безпремѣнно потеряешь... Сдѣлай милость, Сашуха, скажи ему, что я его въ честь прошу... Скажи; за мной не пропадетъ — угощу... Мнѣ таперича бѣжать надать...

— Скажу, Ѳедоръ Иванычъ. Какъ только прійдетъ — скажу.

Ѳедоръ Иванычъ быстро направляется къ выходу, но въ дверяхъ сталкивается съ небольшаго роста индивидуумомъ въ усахъ и грязнѣйшемъ рабочемъ передникѣ.

— Борисовъ?... Ну спасибо, что зашелъ!... Спроси-ка у Сашки — все нутро у меня выворотило, бѣгавши за тобой!..

— За товаромъ въ кожевенную ходилъ, Ѳедоръ Иванычъ. Вы сами себя не безпокойте — будутъ готовы. Тамъ и дѣлать-то не много осталось.

— Будь другъ, Борисовъ, не погуби!... Сашуха, скажи ты ему, какъ я все утро бился, бѣгавши за нимъ!...

— Сдѣлаетъ, Ѳедоръ Иванычъ, утѣшаетъ прикащикъ.

— Да ужъ будьте покойны, въ шесть часовъ, какъ пить дамъ, принесу, говоритъ Борисовъ, кладя товарь на столъ и присаживаясь. Закасчикъ тоже садится.

— Такъ ужъ будь благодѣтелемъ, Борисовъ,—выручи!... умоляетъ онъ.

— Ахъ, какіе вы невѣроятные, Ѳедоръ Иванычъ. Вѣдь слово — олово...

— Ну, то-то. Зарѣзъ, вѣдь, просто.

— Знаю, знаю. Неужто вы, Ѳедоръ Иванычъ, думаете, что я скотина и никакого чувства не понимаю?...

— То-то, Борисовъ. Вѣдь ты знаешь — я тебѣ впередъ почитай больше половины передавалъ денегъ-то... Теперь и купилъ-бы другіе сапоги, да изъ-за этого денегъ не хватаетъ... Опять-же и угощеньемъ ты отъ меня обиженъ, кажись, не былъ.

— Что говорить!... Завсегда похвалу вамъ можно произнести и вашей чести приписать. Давальцы — первый сортъ.

— Сдѣлай милость, голубчикъ... Ужъ я, ты знаешь, не жалѣю для тебя никогда, только выручи.... Сашка!.... скажи-ка Евлампію, чтобы далъ намъ по стаканчику. Ну-ка, Борисовъ, чокнемся...

— За ваше здоровье, Ѳедоръ Иванычъ... Уважу...

— За твое также... Вѣкъ не забуду...

— Благодарю за угощеніе, Ѳедоръ Иванычъ... Ухъ, какъ важно!... Вчера, признаться, былъ зарядивши — ну, съ похмѣлья-то было словно какъ неловко, а теперь вальготнѣй работать... даже къ половинѣ шестаго кончу.

— Будь другъ, Борисовъ?... Вѣдь коли эдакаго мѣста лишусь — куда тогда сунешься?.. Восемь мѣсяцевъ безъ мѣста проходилъ, весь износился... Сказано безпремѣнно въ шесть часовъ прійти... Будь другъ...

— Слово — олово, Ѳедоръ Иванычъ.

— Къ шести будутъ готовы?...

— Провалиться на этомъ мѣстѣ — будутъ готовы. Тамъ и осталось-то немного. Ужъ коли такому давальцу уваженія не сдѣлать — это скотъ есть, а не человѣкъ, потому долженъ понимать.

— Ну, такъ я въ надеждѣ, Борисовъ. Прощай, я въ шестомъ часу зайду.

— Прощайте, Ѳедоръ Иванычъ. Будьте безъ сумлѣнія. Благодарю за угощеніе.

Ѳедоръ Иванычъ выходитъ, но, пройдя по тротуару нѣсколько шаговъ, въ сомнѣніи останавливается. Простоявъ съ минуту въ глубокомъ раздумьи, онъ вдругъ круто и стремительно поворачивается и снова входитъ въ погребокъ.

— Я опять вернулся, Борисовъ... потому какъ меня сумлѣніе беретъ. Дай ты мнѣ руку, что будутъ къ шести готовы... Вѣдь зарѣзъ просто...

— Ахъ, какіе-же вы невѣроятные!... И чего не верить-то?... Вѣдь только осталось задники проточать, да обсоюзить.

— Въ честь тебя прошу!... Не погуби, сдѣлай божескую милость!...

— Да неужто-жъ вы думаете, Ѳедоръ Иванычъ, что я никакой благодарности не имѣю?... Вотъ покурю только и пойду додѣлывать... Теперь, слава Богу, опохмѣлился маленечко — дѣло живо пойдетъ. Благодарю васъ на этомъ.

— Ну, это что!... Ты знаешь, я для тебя не жалѣю. Коли хочешь — выпей еще.

— Будетъ ужъ, пажалуй... Бѣжать надо...

— Выпей, выпей стаканчикъ, а только сдѣлай Божескую милость, не погуби!... Саша, дай ему стаканчикъ, я не жалѣю...

— Одинъ не стану — ни ни!... Съ вами — пожалуй...

— Ну, давай два стакана!

Ѳедоръ Иванычъ присаживается.

— За твое здоровье, Борисовъ... Выручи — вѣкъ не забуду...

— За ваше также, Ѳедоръ Иванычъ... Уважу во-какъ...

— Сдѣлай милость, Борисовъ... Ужъ я въ надеждѣ...

— Да ужъ будьте благонадежны, Ѳедоръ Иванычъ... А вы нѳ слышали — сказываютъ, французъ ужъ началъ войну и трепку задалъ нѣмцу?...

— Д-да... Въ газетахъ еще не пишутъ, а одинъ генералъ — на Выборгской живетъ — письмо получилъ... наполеонскій адъютантъ у него пріятель, такъ отписывалъ оттуда.

— А-а-а!...

— Да. Пишетъ, что ужасти какъ французъ разгулялся. Тамъ эдакій городишко есть небольшой, — домовъ съ двадцать и всего-то будетъ, — такъ при немъ самая эта битва и была... Трехъ лошадей у нѣмца, шельмецъ, убилъ, четырехъ генераловъ, да одному офицеру брюхо распоролъ...

— Брюхо?... это зачѣмъ-же?...

— А такъ, свою гордость показать, потому ужъ народъ такой. И какъ, это, распоролъ — на большущую палку, да и показываетъ нѣмцу; вотъ, молъ, какъ мы вашего брата колбасника.

— Ишь, бестія... А какъ нѣмецкій принцъ узнаетъ — разсерчаетъ, не бось?...

— А то какже!... Что хорошаго? — одно озарничанье. Драться, такъ дерись, какъ слѣдуетъ быть, а не то чтобы такъ. И какая пріятность?...

— Да ужъ что хорошаго... Одначе бѣжать нада-ть... Благодарю за угощеніе, Ѳедоръ Иванычъ... Въ шесть часовъ будутъ готовы...

— Безпремѣнно?...

— Не сойти съ этого мѣста.

— Выручи, голубчикъ, зарѣзъ просто... Ты видишь — я не нѣмецъ, какой-нибудь, не скупецъ: завсегда готовъ угостить человѣка. Нѣшто я жалѣю? Пей сколько хочешь, а только выручи!...

— Да ужъ сказано: слово — олово... А только пить ужъ довольно-бы...

— Я не жалѣю — пей стаканчикъ.

— Ну, ужъ одинъ ни въ жизнь не буду... съ вами развѣ...

— Сашка!... Насыпь-ка два стакашка!...

— Сто лѣтъ здравствовать, Ѳедоръ Иванычъ!... Благодарю... ужъ уважу...

— И тебѣ также, Борисовъ... Не погуби только... къ шести часамъ...

— Да разрази меня Господь... Неужто вы думаете, Ѳедоръ Иванычъ, что я какая ни-наесть скотина безчувственная или неодушевленный человѣкъ?... Я знаю, супротивъ кого благородно поступить, ко времени и стачать... и обсоюзить... и мѣрку снять... Я благодарность завсегда имѣю... Я этого не люблю, чтобы пакость супротивъ человѣка.... д-да-а....

Языкъ Борисова нѣсколько плохо уже ворочается, а налитые кровью глаза показываютъ, что обсоюзивать ко времени сапоги гораздо труднѣе, нежели собирать сообщенныя

живущимъ на Выборгской сторонѣ генераломъ новѣйшія политическія извѣстія.

— А что, Ѳедоръ Иванычъ, — вмѣшался любознательный мальчикъ-прикащикъ, — самая эта Пруссія — большая земля?...

— Да-да... порядочная. Одначе ты молодъ, Саша, а все знать хочешь?...

— Любопытно знать, Ѳедоръ Иванычъ... Таперичи мнѣ охота знать — кто кого побѣдитъ: французъ нѣмца, али нѣмецъ француза?...

— Француз нѣмца.

— А-а!... Чтожъ онъ — больше войска имѣетъ?

— Нѣтъ, не больше, а только гдѣ-же нѣмцу противъ француза?... У француза ружья длиннѣе.

— Длиннѣе?... А отчего-жъ у нѣмца...

— Дуралей!.. Всякъ по состоянію. Вѣдь ты возьми въ примѣръ: ежели теперича одно ружье сдѣлать длиннѣе — это казнѣ ихной плёвое дѣло, а ежели триста милліоновъ войска,—такъ ты и сообрази... Одначе съ тобой тутъ разсуждай, все тебѣ объясняй, а свое горе забывай — это ужъ не ладно... Борисовъ!... Голубчикъ!... Ступай ты, сдѣлай милость, доработывай!... Я въ шесть часовъ прійду...

— Иду, иду, Ѳедоръ Иванычъ... Иду... Благодарю... за угощеніе благодарю...

— Да, что угощеніе?... Ты думаешь, я жалѣю?... Я... я тебѣ, коли желаешь, штофъ поставлю... только выручи... Который часъ, Саша?...

— Половина втораго, Ѳедоръ Иванычъ.

— Ай-ай-ай!... Ступай, Борисовъ!...

— Иду... Не сумлѣвайтесь... чтобы я... чтобы я за угощеніе пакость сдѣлалъ — ни въ жизнь...

— Голубчикъ... голубчикъ Борисовъ... ты про угощеніе не говори... Нѣшто мнѣ жалко?... Я не такой человѣкъ.... Я... я всякаго могу угостить...

— Ей-же Богу одинъ не стану!... и не невольте!...

— Ну, выпьемъ вмѣстѣ.

Чокнулись.

— А что это такое значитъ те-ле-грам-ма?... спрашиваетъ у Ѳедоръ Иваныча уткнувшійся въ газету любознательный Сашка.

— Это ты про войну тамъ читаешь?...

— Про войну... те-ле-грам-ма, сказано.

— Это... это значитъ пушка такая особенная... большущая...

— Ишь-ты!... Мнѣ бы охота, чтобъ нѣмца побили.... больно шустеръ... Вотъ тоже и въ Питерѣ тутъ: портерныя вездѣ позавелъ — торговлю совсѣмъ отбиваетъ...

— Нѣмца?... протягиваетъ съ трудомъ Борисовъ. — Нѣмца бить надо... всего надо нѣмца перебить... потому какой онъ давалецъ?... Вонъ третьяго-дня головки отнесъ... далъ на косушку?... а?... Ни шиша не далъ...

— Бестія нѣмецъ... одно слово — ракалія... лепечетъ вдругъ сильно опьянѣвшій Ѳедоръ Иванычъ. — А ты, Борисовъ, мой другъ... да... поцѣлуемся...

— Я люблю... Я васъ, Ѳедоръ Иванычъ... я очень люблю... Нѣмецъ что?... Я головки опойковыя... на ранту... а что онъ далъ?... Ни шиша... А вы угостили, Ѳедоръ... Иванычъ...

— Я?... Я нѣшто нѣмецъ?... Нѣшто я жалѣю?... Сашка!... тащи полуштофъ...

Еще черезъ полчаса давалецъ и сапожникъ, утомившись политическою бесѣдою, склоняютъ головы на столъ... Прикащикъ Сашка расталкиваетъ ихъ, клянется, что уже четверть шестаго, что спать въ заведеніи не годится; но ничто не помогаетъ. Только въ одиннадцать часовъ — часъ запора погреба — человѣкъ среднихъ лѣтъ и индивидуумъ въ усахъ и грязномъ передникѣ выносятся на тротуаръ и сваливаются на извощиковъ...

ВСТУПИЛИ ВЪ БРАКЪ.

(Разсказъ).

I.

Обыкновенно случалось такъ, что когда, вслѣдствіе какихъ-нибудь внѣшне-вліяющихъ обстоятельствъ, кончикъ конусообразнаго, нѣсколько удлиненнаго носа Кирилыча принималъ не всегда свойственные ему оттѣнки и краснѣлъ болѣе обыкновеннаго, то сожительница его (т. е. не носа, а Кирилыча) приходила въ неописанное смятеніе, разводила руками, качала головой и пускалась въ нескончаемыя назиданія.

— Стыда въ тебѣ нѣту, Кирилычъ!... говорила она, уставившись на провинившагося. — Жимши я съ тобой шесть лѣтъ — и никакой не вижу утѣхи или мнѣнія, чтобъ ты какъ есть порядочнымъ человѣкомъ былъ!... Все это винище треклятое, чтобъ ему пусто было!...

— Да я, Авдотьюшка, ей-же Богу... мямлилъ, опустя глаза, Кирилычъ.

— Не перечь мнѣ, слушай меня. Все это винище тре-

клятое, чтобъ ему пусто было!... Безъ всякаго презрѣнія совѣсти, шляешься ты по неподобнымъ мѣстамъ, шалодырничаешь съ непутящими товарищами и лакаешь водку... Образованности никакой ты при себѣ не имѣешь и какъ есть нельзя твоей чести приписать, чтобъ ты могъ быть порядочнымъ человѣкомъ... Посмотри ты на себя въ зеркало — какой ты есть человѣкъ?...

Кирилычъ смущенно сидѣлъ на своемъ сапожничьемъ барабанѣ и машинально повертывалъ въ рукахъ колодку. Съ одной стороны, сознаніе своей виновности, съ другой — наскозь пронизывающій и полный укора взглядъ сожительницы дѣлали его положеніе невыносимо-щекотливымъ и приводили его въ крайнее смущеніе. То ковырнетъ онъ, неизвѣстно для чего, шиломъ колодку, то возьметъ толстый полосатый мѣшокъ, предназначенный для храненія разнаго рода сапожныхъ инструментовъ, и долго роется въ немъ, какъ будто что-то отыскивая.

— Чего глазами-то хлопаешь?... Чего въ мѣшкѣ-то ищешь — вчерашняго дня, небось?... продолжала, быстро очищая ножомъ картофель, Авдотья.

— Да вотъ, вчерашнему давальцу каблукъ-бы надать...

— Ишь ты!... Каблуки хочетъ дѣлать!... Ну, какой ты есть работникъ сегодня?... Взгляни ты на глаза свои безстыжіе — вѣдь ты и заплатки-то ломовому извощику теперь не сдѣлаешь, а не то, что каблукъ хорошему давальцу!... Стыда въ тебѣ нѣту ни на одинъ франкъ!... Кошонъ — ферфлюхтъ!...

Энергическое ругательство, произнесенное Авдотьей, представляло собою уже не смѣсь французскаго съ нижегородскимъ, а, какъ видитъ читатель, происходило отъ смѣло им-

провизированной помѣси французскаго съ нѣмецкимъ и было плодомъ трехмѣсячнаго пребыванія Авдотьи съ господами за границей. Хотя сказанное путешествіе относилось ко днямъ давно минувшимъ и оставило по себѣ въ памяти Авдотьи воспоминанія самыя смутныя и неопредѣленныя, но, тѣмъ не менѣе, она успѣла и въ Кирилычѣ и въ большинствѣ „сродственниковъ“ поселить непоколебимую вѣру въ свои лингвистическія знанія и заставить благоговѣйно преклоняться передъ ними.

— И для кого я только погубила свою образованность!... продолжала она, безпощадно преслѣдуя смущеннаго Кирилыча своимъ упорно-пытливымъ взглядомъ. — Какія я радости вижу отъ тебя, отъ непутящаго мужчины?... Одна низкость во всѣхъ въ твоихъ обстоятельствахъ, и никакой, какъ есть, образованности ни на одинъ франкъ!... У меня-ли жениховъ не было?... И жандары были, и калигвардскіе, и чиновники, и бранмейстеръ въ любви открылся — „жить, говоритъ, не могу, за себя желаю взять“. Ну, Кирилычъ!... Ужь говорю я тебѣ, что уйду я отъ тебя!.. Провалиться на этомъ мѣстѣ — уйду, коли ты чувства никакого не имѣешь!...

Кирилычъ, положивъ мѣшокъ, порывисто всталъ и, устремивъ на Авдотью исполненный мольбы взглядъ, протянулъ ей свою мозолистую руку. Во взглядѣ этомъ было столько кротости, покорности, столько вызывающаго на всепрощеніе, что, казалось, во мгновенномъ водвореніи полнѣйшаго согласія и мира между сожителями не могло быть и сомнѣнія. Но Авдотья любила, что̀ называется, поломаться, „покуражиться“, любила при удобномъ случаѣ дать знать цѣну себѣ, и разчувствовавшемуся Кирилычу, вмѣсто бѣлой и дебелой руки сожительницы, удалось поймать только бывшій въ ней

средней величины картофель, такъ какъ бѣлая и дебелая рука была быстро отдернута.

— Не желаю твоихъ нѣжностевъ. съ притворною злобою продолжала Авдотья. — Я только говорю тебѣ, что нѣтъ моего терпѣнія больше съ тобой — вотъ что. Какія я пріятности отъ тебя видѣла, окромя горя и неудовольствіевъ?... Какъ ты есть человѣкъ фи-донъ, такъ и останешься, потому нѣтъ въ тебѣ образованности, чтобъ ты могъ чувство имѣть. И зачѣмъ только я твоей полюбовницей согласилась быть?...

Кирилычъ снова опустился на барабанъ, осторожно положилъ на столъ случайно пойманный картофель и. свѣсивъ голову на грудь, съ видомъ осужденнаго, продолжалъ хлопать устремленными въ полъ глазами.

— И за что только я маюсь, за что такую майскую жизнь веду съ тобой?... продолжала безжалостная къ мукамъ сожителя Авдотья. — Вѣдь мнѣ всего двадцать девятый годъ — въ дочери гожусь тебѣ, ты почувствуй это. Вѣдь волосъ на твоей на лысой головѣ столько нѣту, сколько за меня жениховъ образованныхъ сваталось, — пойми ты это!... Да и посейчасъ тоже. Вонъ вчера къ офицерской сестрѣ работу относила, такъ офицеръ такъ и льнетъ: „Я, говоритъ, тысячи не пожалѣю за одинъ за поцѣлуй вашъ, мамзель....“

Легкій стукъ въ дверь заставилъ, въ это время, Авдотью остановиться.

— Никакъ стучатся... проговорила она. прислушиваясь.

— Я пойду отворю, приподнимаясь, проговорилъ Кирилычъ.

— Ишь ты, шустрый какой!... Небось, пріятелевъ опять

ждешь!... Ну, ей-Богу, Кирилычъ, не пущу, ежели Михей Ивановъ!...

И Авдотья быстро направилась въ сѣни.

— Кто тамъ?... приставивъ ухо къ двери и не поднимая щеколды, спросила она.

— Я-съ.... Захаръ Кириличъ дома-съ?... послышался нѣсколько хриплый и басистый голосъ.

— Да кто вы?... Зачѣмъ вамъ его?...

— Михей Ивановъ-съ... Оченно нужно-съ. Авдотья Андреевна... Давальца хорошаго нашелъ-съ...

— Его нѣту дома, работу понесъ... Да намъ давальцевъ новыхъ и ненужно, одно пьянство только...

— А можетъ, онъ и дома-съ, только сказать не хотите-съ... Ей-же Богу, Авдотья Андреевна, съ фуражнаго двора Ѳедоръ Ѳедорычъ прислалъ — перетяжки безпремѣнно надоть сдѣлать, да обсоюзить... Восемь рублей въ гостиномъ за штиблеты далъ — всѣ въ недѣлю полопались...

Авдотья отперла дверь — на порогѣ показалась довольно неряшливая, небритая личность, небольшого роста, въ нанковомъ сюртукѣ и до безобразія короткихъ брючкахъ. Физіономія личности отличалась сладко-заискивающимъ выраженіемъ и носила на себѣ отпечатокъ сильной привязанности къ чаркѣ.

— Какъ ваше наидрагоцѣнное-съ, Авдотья Андреевна?.. шаркнувъ ногой, произнесла личность.

— Мое-то ничего, а только вотъ что я скажу вамъ, Михей Иванычъ: коли ежели вы за дѣломъ пришли, такъ Кирилычъ дома, а ежели смущать его, да по питейнымъ заведеніямъ водить — это ужь атанде-съ, ке-ле-ву сля!...

Это ужь необразованность одна и можно къ вашему стыду приписать!...

— Напрасно изволите обижать-съ, Авдотья Андреевна-съ. Я окромя хорошаго ничего Захару Кирилычу не желаю и единственно только одну пользу ему доставить хочу-съ... А у васъ сегодня, Авдотья Андреевна, цвѣтъ лица оченно пріятный-съ...

— Ну, ужъ вы завсегда съ комплиментами!... Взойдите — кофейку чашечку выкушайте... Але-донъ.

Михей Ивановъ снова щелкнулъ каблукомъ о каблукъ и какъ-то бочкомъ, на цыпочкахъ взошелъ въ комнату.

— Захару Кирилычу всякаго закаблучья!... сострилъ онъ, протягивая полгода немытую руку...

II.

Если какъ вообще утверждаютъ, врагъ силенъ, то Михей Ивановъ, и не будучи врагомъ Кирилыча, былъ, по отношенію къ нему, полонъ самой вражеской силы, недопускающей возможности сопротивленія. Едва успѣли старинные пріятели выйти отъ напутствовавшей ихъ наставленіями Авдотьи, едва успѣли они пройти шаговъ двадцать-тридцать, какъ Михей Ивановъ, тихонько подтолкнувъ локтемъ Кирилыча, таинственно проговорилъ:

— Кирилычъ... а?...

— Чево такое?... какъ будто не догадываясь, спросилъ тотъ.

— Зайдемъ, что-ли?...

— Нѣтъ, Михей Иванычъ... Ну его!...

— Да полно тебѣ!... Чего боишься-то!... Баба!...

— Не боюсь я, а только что̀ хорошаго?... Моя Авдотьюшка совсѣмъ сегодня разсерчала... Никогда этого самаго не было, завсегда душа въ душу жили, а тутъ — на́-поди...

— Эка бѣда какая!... Посерчаетъ, да и перестанетъ!...

— А какъ уйдетъ отъ меня?...

— Не уйдетъ!... Сама, небось, боится, чтобъ ты ея, примѣромъ, не бросилъ. Да и нѣшто можно рабочему человѣку безъ рюмочки прожить?... Вѣдь ты не пьяница какой, а коли ежели современемъ, выпьешь — это наплевать, потому иначе никакъ невозможно, работа спориться не будетъ.

— Такъ-то такъ, а только я не пойду, Михей Иванычъ, право слово не пойду... Надо все тихо-смирно, чтобъ все по хорошему было...

— Эка баба, прости Господи!... Ну, хошь стаканъ баварскаго выпей.

— Баварскаго-то, пожалуй, можно... Только все-же, почитай, разить будетъ... узнаетъ...

— Эхъ, баба, баба!...

Минуты черезъ двѣ вражья сила одолѣла — Кирилычъ сидѣлъ съ Михеемъ Ивановымъ въ погребкѣ и медленно прихлебывалъ баварское.

— Нельзя, братецъ ты мой, надо все по хорошему... говорилъ онъ, покачивая головой. — Опять-же я тебѣ скажу — шесть лѣтъ не шесть денъ: прожимши мы дружно этакое время, перечить другъ дружкѣ не должны, потому, что̀ хорошаго?... Авдотья супроти меня красавица писанная, да и моложе не въ примѣръ... Не такіе жили-бы съ ней, да не хочетъ она...

— Ага!... Не хочетъ!... А возьми-ка въ голову свою—

отчего не хочетъ?... Ты думаешь, что она не любить тебя?.. Эхъ, Кирилычъ, Кирилычъ!... Много я на своемъ вѣку произошелъ — и могу тебѣ доподлинно сказать, что она не въ примѣръ больше боится, что ты ее бросишь, потому полюбовницу всегда прогнать можно. Одначе, пей еще стаканъ.

— Нѣтъ, Михей Иванычъ, больше не стану — разить будетъ... Авдотья и то сегодня сказала мнѣ: „Ну, Кирилычъ, оставлю я тебя, попомни мое слово!“...

— Хе, хе, хе!... Ахъ ты баба, баба!... И отчего-жь ты, къ примѣру, не повѣнчаешься съ ней?...

— Да у насъ давно ужь надумано законъ принять, а только такъ, день за день все... Вѣдь знаешь, Михей Иванычъ, тоже расходы...

— Такъ неужто вѣкъ будете такъ жить, не по закону?...

— Зачѣмъ вѣкъ!... А только что́-жь?... Дѣтокъ у насъ нѣтъ, живемъ въ такомъ ладу, что дай Богъ и въ законѣ другимъ такъ жить... А главная причина — съ деньжатами надать пособраться... Знакомства у насъ тоже не мало, какъ-нибудь нельзя... Авдотья, вѣдь, у меня не какая-нибудь — образованность имѣетъ, въ заграницѣ жила, на разные языки учена...

— Такъ-то такъ, а только, мотри, какъ вѣнчаться — меня въ шафера!...

— Ладно, Михей Иванычъ... Я, ты знаешь, во какой другъ тебѣ, а только какъ Авдотья... Случается, куралѣсимъ мы съ тобой... Одначе пора и къ давальцу идти.

Не дальше, какъ черезъ полчаса, Кирилычъ былъ уже дома, вмѣстѣ съ принесенной имъ довольно выгодной работой, рекомендованной Михеемъ Ивановымъ.

— Садись, голубчикъ, пей кофей, встрѣтила его Авдотья. — Михей Ивановъ не надулъ, кажись?...

— Нѣтъ, чево ему надувать, Авдотьюшка.... А ты ужь на меня, голубушка, не сердчаешь?...

III.

Засѣли Кирилычу въ голову слова Михея Иванова. „А и что, въ самъ-дѣлѣ“, думалъ онъ, постукивая молоткомъ, „отчего и взаправду не принять законъ?... Дѣтокъ хоша у насъ и нѣту, да, вѣдь, на все воля Божья — впередъ не загадаешь... Ну, и опять-же передъ людьми лучше: всякій будетъ знать, что въ законѣ живемъ, не зазорно“...

До главныхъ мотивовъ своего давнишняго затаеннаго желанія Кирилычъ даже въ бесѣдѣ съ самимъ собой никогда не договаривался. Ему и передъ собой не хотѣлось сознаться, что онъ настоящій союзъ свой съ Авдотьей считаетъ какъ будто не совершенно обезопашеннымъ отъ... да мало-ли отчего?... Не то, чтобъ онъ сомнѣвался въ безразсчетной привязанности Авдотьи, какъ нельзя краснорѣчивѣе доказываемой ея долгимъ сожительствомъ съ нимъ, человѣкомъ, еле заработывающимъ хлѣбъ насущный; не то, чтобъ онъ боялся чьего-нибудь соперничества, а такъ... „все-бы, словно, лучше мужемъ да женой быть, ничѣмъ полюбовниками...“

На этомъ частенько вертѣлись самобесѣдованія Кирилыча. Достаточно, бывало, одной, въ сущности совершенно пустой и ничего незначащей фразы Авдотьи: „Право, Кирилычъ, уйду я отъ тебя“, чтобъ Кирилычъ цѣлые дни потомъ задавался втайнѣ соображеніями о скорѣйшемъ принятіи „закона“.

Авдотья въ душѣ тоже не менѣе Кирилыча желала обвѣнчаться съ нимъ. Она, съ своей стороны, хотя еще меньше имѣла поводовъ и шансовъ подвергать малѣйшему сомнѣнію полнѣйшую привязанность къ себѣ сожителя, но, тѣмъ не менѣе, потому только не заявляла открыто о своемъ желаніи видѣть союзъ закрѣпленнымъ, что, вопервыхъ, безпрестанно видѣла доказательства любви къ себѣ Кирилыча, а вовторыхъ, всякое заявленіе личныхъ пожеланій въ этомъ случаѣ считала несовмѣстнымъ со своими достоинствами, въ которыхъ была увѣрена.

Такимъ образомъ, вопросъ о бракѣ въ глазахъ обоихъ сожителей считался вопросомъ болѣе или менѣе щекотливымъ, и если, впродолженіи ихъ шестилѣтняго импровизированнаго, но вполнѣ счастливаго союза, изрѣдка былъ возбуждаемъ, то только однимъ Кирилычемъ и то въ формѣ, бо́льшею частью, шуточной, невызывающей ни серьезныхъ опроверженій, ни серьезнаго обсужденія.

— А что́-бы намъ, голубчикъ Авдотьюшка, веселымъ пиркомъ, да и за свадебку... скажетъ иногда, смѣясь, Кирилычъ.

— Чево?... лукавитъ Авдотья.

— Да за свадебку-бы, говорю...

— Ну, ладно!... Приспичило его!... И такъ часто видимся!...

— Хе, хе!... Все-бы тово... Дѣтки, авось, будутъ...

— Ладно — не сегодня будутъ!... Ты-бы, лучше, калоши въ гостиный кончилъ, да вотъ свеклу помогъ-бы мнѣ чистить!...

Такъ или почти такъ, по бо́льшей части, разрѣшался или, лучше сказать, обходился случайно возбуждавшійся между

сожителями вопросъ о бракѣ. Проходили, такимъ образомъ, недѣли, мѣсяцы, прошли и годы, а результатъ все получался одинъ и тотъ-же: Кирилычъ не рѣшался и не имѣлъ поводовъ серьезно настаивать, а Авдотья считала всякій вызовъ съ своей стороны положительнѣйшимъ „фи-домомъ“, заключающимъ въ себѣ унизительную для бывшей „въ заграницѣ“ женщины навязчивость. Только Михей Ивановъ случайно съумѣлъ заронить въ душу Кирилыча искру серьезнаго и непреодолимаго почти желанія привести давно-желаемый планъ въ исполненіе. Долго Кирилычъ мучился, соображалъ, рѣшался и, наконецъ, рѣшился.

„Что и въ сам-дѣлѣ, канитель-то тянуть!...“ заключилъ онъ свои соображенія, и направился въ кухоньку къ мывшей бѣлье Авдотьѣ.

Авдотья выслушала, шику ради нѣсколько покобенилась и, разумѣется, согласилась.

Черезъ нѣсколько дней скопленные общими трудами сожителей два пятипроцентные билета были размѣнены, а еще черезъ нѣсколько — Кирилычъ и Авдотья сдѣлались законными супругами. Отставной фельдшеръ скотопригоннаго двора, Михей Ивановъ, несмотря на нѣкоторый отпоръ не совсѣмъ долюбивавшей его новобрачной, успѣлъ-таки быть шаферомъ Кирилыча — своего, какъ онъ всегда выражался, наидрагоцѣннѣйшаго друга. Свадьба была хотя, вообще говоря, и не особенно блестяща, но ее почтили своимъ присутствіемъ даже нѣкоторые изъ почетнѣйшихъ заказчиковъ Кирилыча, въ томъ числѣ и новорекомендованный Михеемъ Ивановымъ почтенный давалецъ Ѳедоръ Ѳедорычъ Антрацитовъ, изрядно выпившій въ честь молодыхъ портерцу и весь вечеръ поднимавшій, вслѣдствіе этого, къ самому носу каждаго гостя

свои ноги, съ цѣлью показать, какія отличныя головки сшилъ ему Кирилычъ. Словомъ, свадьба была хоть куда...

IV.

Хотя, вслѣдствіе предшествовавшихъ обстоятельствъ, съ момента свадьбы жизнь и отношенія Кирилыча и Авдотьи de-facto почти совершенно не измѣнились, но, тѣмъ не менѣе, нельзя сказать, чтобъ совершившееся событіе прошло безслѣдно и не произвело-бы на нихъ нѣкотораго дѣйствія. Въ самомъ дѣлѣ, съ первыхъ-же дней замѣтно стало, что оба они какъ будто нѣсколько переродились, какъ будто стали увѣреннѣе въ себѣ, самостоятельнѣе. На другой-же день свадьбы, Кирилычъ, порядкомъ натянувшись съ шаферомъ зелена вина, сталъ въ несвязныхъ рѣчахъ увѣрять окружающихъ въ своемъ необыкновенномъ счастіи и категорически объявилъ, что онъ, на радостяхъ, три дня сряду работать не будетъ. Авдотья, съ своей стороны, на такое небывалое проявленіе самостоятельности со стороны Кирилыча, не менѣе категорически объяснила ему, что это можетъ сдѣлать только „кошон-ферфлюхтъ“, а что образованный человѣкъ такъ говорить не можетъ.

Но и на этотъ разъ врагъ оказался сильнѣе всяческихъ женинныхъ аргументовъ: пока молодая бесѣдовала за кофеемъ съ посѣтившею ее городовихою — новобрачный и шаферъ успѣли уже очутиться въ сосѣднемъ погребкѣ. Михей Ивановъ, охрипшимъ отъ свадебной попойки голосомъ, распорядился — и полуштофъ очищенной очутился передъ пріятелями.

— Только живѣй, Михеюшка... Дербанемъ по стакан-

чику, да и тово... Домой мнѣ надо, а то моя... моя Авдотьюшка разсерчаетъ... проворочалъ языкомъ Кирилычъ.

— Домо-ой?... протянулъ удивленно Михей Ивановъ. — Да кого-же ты, къ примѣру, боишься таперича?...

— Авдотьюшка разсерчаетъ...

— Гм... Да она кто тебѣ, къ примѣру, приходится... а?...

Кирилычъ захлопалъ пьяными глазами.

— Нѣтъ, ты скажи: кто она тебѣ?...

— Же... жена-а... какъ-то глупо улыбнувшись, промямлилъ Кирилычъ.

— И ты ее, примѣрно, боишься?...

— Н-не храшо-о...

Отставной фельдшеръ пожалъ плечами и возвелъ глаза къ потолку.

— Ахъ ты, фалалей!... произнесъ онъ, наконецъ, всплеснувъ руками. — А слышалъ-ли ты, что въ церкви-то вчера читали?...

— В-в-вѣнча... в-вѣнчается ра-абъ бо... началъ, еле ворочая языковъ, мямлить Кирилычъ.

— Дурра-акъ!... Читали: „Мужъ — глава есть; же-ена да бо-ит-ся му-у-жа!...“ Понялъ?... Какой же ты есть мужъ, когда не можешь, примѣрно, главой быть?... а?... Законъ принялъ — въ законѣ, значитъ, и держать должонъ. Я самъ на скотопригонномъ двоихъ женъ схоронилъ — знаю эту музыку!... Ухъ, бывало, какъ я съ ними, съ бабами эфтими, расправляться умѣлъ!... Н-ну-у!...

— Не хрращо-о... Тихо-смирно... по хорошему надо...

— По хорошему? Ахъ, дуракъ, дуракъ!... Что́-же, и

теперь, небось, боишься, чтобъ не ушла?... а?... боишься, небось?...

— Не хоррршо... зачѣмъ такъ?... лепеталъ Кирилычъ.

— Эхъ ты!... Да можетъ-ли, примѣрно, жена законная... Да ежели коли уйдетъ — полиція на веревочкѣ приведетъ!...

— Это точно... Мужъ гла-ва... а только разсерчаетъ...

Еще съ добрый часъ бесѣдовали новобрачный съ шаферомъ. Михей Ивановъ долго еще говорилъ о правахъ мужа и обязанностяхъ жены. Благодаря воспріимчивости Кирилыча, этотъ первый урокъ не прошелъ безслѣдно, и если не вызвалъ серьезныхъ столкновеній между новобрачными, то, по мѣньшей мѣрѣ, не прибавилъ радостей и утѣхъ къ первымъ днямъ ихъ медоваго мѣсяца...

V.

Прошло недѣли три. Хотя нельзя было сказать, чтобъ Кирилычъ сталъ, противъ обыкновенія, слишкомъ злоупотреблять временемъ и манкировать работой, хотя онъ почти, попрежнему, просиживалъ зачастую до глубокой ночи надъ какими-нибудь спѣшными подѣлками, но отношенія его съ женой почему-то не были похожи на прежнія. Въ Авдотьѣ стали замѣчаться проявленія сильнѣйшей, сравнительно съ прежнимъ, самостоятельности и какихъ-то безпричинныхъ капризовъ, соединенныхъ съ самою сварливою придирчивостью. И сѣлъ-то Кирилычъ не такъ, и всталъ не такъ, и ложку-то онъ держитъ по мужицки, и говоритъ-то не по человѣчески — и Богъ знаетъ что́. Кирихычъ также, со дня свадьбы, позналъ себѣ цѣну и нерѣдко сталъ отпускать женѣ

фразы, въ родѣ: „у бабы волосъ дологъ“, „жена мужу не указчикъ“ и проч., а вслѣдъ за этимъ бралъ шапку и направлялся къ двери.

— Куда идешь?.... спрашивала Авдотья. — Небось, опять къ Михею?...

— Молода — въ Саксондіи не была. Не все тебѣ знать, отвѣчалъ онъ, и возвращался черезъ нѣсколько времени съ покраснѣршимъ кончикомъ носа.

— Шалодрыжный!... встрѣчала она. — Пьяница этакій!... Куды шлялся-то?...

— Молчи. не твое дѣло!... Мужъ глава есть!...

— Глава... Харя ты эдакая пьяная!... За что́ я только загубила себя, мондье!... Сколько ходомъ ухаживало за мной офицеровъ, жандары въ любви открывались...

— Что́?!... Жандары?!... Какъ ты мужу, это, про жандаровъ?... а?!...

— А я тебѣ кто?.. а?.. Полюбовница я тебѣ, што-ли, досталась?... Нѣтъ шутишь!... Ты думалъ, что какъ старую туфлю меня бросить можешь?... Нѣтъ, братъ, вре-ешь: же-е-на я тебѣ законная — долженъ кормить!... Жимши съ тобой шесть лѣтъ, я боялась, что ты бросишь меня, а теперь — натка, выкуси!...

И Авдотья выразительно протянула къ покраснѣвшему носу Кирилыча красиво сложенный шишъ.

Случилось однажды, что легковѣрная Авдотья, неподозрѣвавшая всей силы увѣренности Кирилыча въ своемъ главенствѣ, попробовала постращать его, по старой привычкѣ, что уйдетъ отъ него.

Буря поднялась неописанная.

— Что́?!... Ты?... ты?... Законная жена моя — уйдешь

отъ меня?!... Ахъ ты потаскуха!... На веревкѣ тебя черезъ полицію!... Да я тебя, бестію, за слова за эдакія!... Я тебя...

Дѣло, на этотъ разъ кончилось маленькой взаимной потасовкой.

Теперь уже мѣсяца три прошло со свадьбы Кирилыча и Авдотьи. У обоихъ ихъ синяковъ не оберешься...

СЧЕТОВОДЫ.

(съ натуры).

Въ трактиръ „Зеленая лошадь“, помѣщающійся въ одной изъ отдаленныхъ окраинъ столицы входятъ четыре мужика. По висящимъ за спинами котомкамъ и узламъ, и вообще по дорожному костюму ихъ можно заключить, что они возвращаются съ заработковъ изъ Петербурга въ деревню. Сложивъ пожитки свои, они усаживаются за отдѣльный столъ и требуютъ чаю.

— Четверымъ на пятнадцать нельзя-съ—на семнадцать подаемъ, бойко говоритъ оборвышъ-мальчишка.

— Экій ты, братецъ, какой... мы завсегда въ Ямской на пятнадцать....

— То въ Ямской, а то тутъ. Да и въ Ямской не напьетесь.

— Сьчасъ умереть, завсегда пили. Экій ты невѣроятный!.. Врать грѣха не возьмемъ, вотъ что.

— Нельзя на пятнадцать, закону такого нѣтъ!.. важно вмѣшивается буфетчикъ.

Мужички смотрятъ другъ на друга, почесываютъ въ затылкахъ, и рѣшаются сдаться.

— Ташши на семнадцать!.. махнувъ рукою произнесъ одинъ изъ нихъ.

Невыносимо дребезжа чашками, мальчишка „собираетъ“ чай и съ громомъ ставитъ подносъ на столъ. Изъ-за пазухъ мужики вынимаютъ завернутыя въ сахарную бумагу селедки— каждая въ небольшую извощичью лошадь величиною — и огромныя краюхи полубѣлаго хлѣба. Начинается чаепитіе, причёмъ одинъ изъ мужиковъ безпрестанно опускаетъ въ свой чай хвостъ селедки и тщательно обсасываетъ его.

— Ну, таперя, братцы, можно и за дѣлежку... Кто будетъ старшой?..

— Ягоръ пущай дѣлитъ. А то буфетчика поспрошать... Онъ цыфирь знаетъ.

— Не замай его — мы сами раздѣлимъ... безъ цыфиря, значитъ. По крайности, голова, сами разложимъ... вѣрнѣя...

— Ну, ладно. Дядя Матвей—раскладай?..

Дядя Матвей, видимо обидѣвшійся такимъ позднимъ признаніемъ его счетоводныхъ способностій и первоначальнымъ выборомъ въ казначеи Егора, начинаетъ кобениться.

— Сказали Ягоръ—ну, пущай Ягоръ и раскладаетъ... произноситъ онъ.

— Нѣту-ти, нѣту-ти!.. Ты, дядя Матвей!..

— Да отчаво-жъ не Ягоръ?..

— Нѣтъ!.. ты, дядя Матвей!.. ты ловчѣй раскладешь!.. горланятъ всѣ. Дядя Матвей смягчается. Съ видомъ спеціалиста, беретъ онъ въ лапы большую кучу депозитокъ, кладетъ передъ собою и, закрывъ ее широкою ладонью лѣвой руки, съ минуту о чемъ-то думаетъ. По выраженію его загорѣлаго

лица можно предположить, что онъ доскональнѣйшимъ образомъ знаетъ и двойную, и италіанскую бухгалтеріи и вообще собаку съѣлъ въ дѣлѣ счетоводства.

— Это можно сьчасъ... Пятьсотъ девятнадцать, значитъ, рублевъ на чатыри рыла...

— На чатыри рыла, подтверждаютъ всѣ.

— И чтобы, значитъ, на кажинаго пришлось по правилу... какъ на тебя, Ягоръ, какъ на Пантюху, какъ на всѣхъ.

— Это вѣрно. По душевному, значитъ, снова поддакиваютъ всѣ.

Въ это время въ трактиръ входитъ новое лицо—чрезвычайно развязная и франтоватая синяя чуйка.

— Че-эйку!.. командуетъ она.

— Одному или на двоихъ?.. спрашиваетъ мальчишка.

— Дуракъ! Нѣшто не видишь—одинъ персонъ пришелъ!..

Чуйка садится, креститъ лобъ, засучиваетъ рукава и принимается за чай.

— И чтобы, значитъ, все по душевному, продолжаетъ Матвей.

— По душевному, подтверждаютъ всѣ.

Чуйка вслушивается.

— Пятьсотъ девятнадцать рублевъ на чатыри рыла... Вотъ тутъ есть всякія, выходитъ, бумажки... и синенькія, и зеленыя, и красныя... Такъ кругомъ и раскладать надать...

Чуйка лукаво подмигиваетъ буфетчику.

— Необразованность... около денегъ не бывали, значитъ... Впервой, почитай, и сумму-то такую видятъ... произноситъ онъ громко. На квасъ, да на хлѣбъ кажинный день берутъ

у хозяина по пятиалтынному, а какъ разсчетъ возьмутъ—и сосчитать не въ моготу!

— Кто къ чему привыченъ... опять-же люди темные—камотесы, полагать надо, также не стѣсняясь отвѣчаетъ буфетчикъ.

— Необразованность... сѣры больно...

Дядя Матвей поворачиваетъ голову къ чуйкѣ.

— Вы, хозяинъ, не замайте насъ—вотъ что. Какъ вы чаемъ проклажаетесь, и проклажайтесь, потому нашихъ дѣловъ вамъ не слѣдъ знать, внушительно и довольно строго произноситъ онъ.

— Ишь ты, поди-жъ ты!.. Ерусланъ какой бранденбургскій выискался!.. Туды-же — анбицыю имѣетъ, а трехъ сосчитать не можетъ!

— Раскладемъ безъ вашей чести. Сидишь, такъ сиди за своимъ столомъ. Вотъ-те и сказъ!.. огрызается Матвей.

— Раскладешь!.. Да чего раскладать-то?.. Пятьсотъ на четыре человѣка — по сту двадцати пяти на каждаго, да девятнацать на четырехъ...

— Не замай—сами разложимъ. Ну, впередъ долги... Я тебѣ, Ягоръ, долженъ семь съ полтиной—получи.

— Давай.

Изъ общей суммы, подлежащей раздѣленію на четыре равныя части, казначей Матвей откладываетъ Егору семь съ полтиной.

— А ты мнѣ долженъ за двѣ рубахи, да за косушку рубъ сорокъ кепѣекъ. Я, вотъ, беру...

И казначей изъ той же суммы беретъ себѣ рубль сорокъ копѣекъ.

— Таперя Гришуха Пантюхѣ долженъ пять рублевъ. Получи, Пантюха...

Тотъ беретъ.

— А Пантюха долженъ тебѣ сколько Ягоръ?..

— Три съ четвертакомъ, значитъ... Да третевось за полуштофъ, да за тешку полтину... чатыри цалковыхъ, выходитъ...

— На, получи чатыри цалковыхъ... На чести, по-душевному чтобы было...

— Это вѣрно.

— Ну, таперича раскладать надать, продолжаетъ Матвей. по кучкамъ распредѣляя рублевыя, трехрублевыя, пяти и десятирублевыя.

— Вотъ хоть съ Пантюхи начнемъ... Тебѣ. вотъ, красненькая, тебѣ красненькая, Гришуха... тебѣ, Ягоръ... мнѣ.

И десятирублевки заходили вокругъ. Скоро онѣ —въ количествѣ семнадцати штукъ— истощаются.

— Ну, теперь синенькія... Вотъ хошь, примѣрно, съ тебя. Ягоръ... Такъ кругомъ и пойдетъ...

— И, къ великому удовольствію чуйки и буфетчика, тридцать одна пятирублевка заходила вокругъ стола. Каждый, взявъ свою, убиралъ ее въ кошель и протягивалъ руку за новою. Затѣмъ слѣдовали трехрублевки, рублевки, четвертаки. гривенники, пятаки и копѣйки.

— Экіе лѣшіе!.. Со смѣху лопнешь, право... обращается чуйка къ буфетчику.

— Извѣстно — народъ безъ всякой образованности, глубокомысленно отвѣчаетъ буфетчикъ.

— Ну, таперь и пивка можно выпить, говорятъ му-

жички, окончивъ дѣлежку. Мальченко!.. тащши двѣ пары пива!...

— Три пары давай да полуштофъ!.. Чаво тутъ жаться Денегъ-то, слава Господу, не занимать стать, хошь мы и сѣрые...

— Знамо дѣло. Ну, спасибо, робята... По-душевному, по крайности.

Алексѣй Александровичъ
Арефьевъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
Ржавчина (исключительное происшествіе)	1
Милые шалуны	14
Тернистый путь (изъ переписки гувернантки съ подругой)	25
Карьера Алешки	39
Карпъ Самойловичъ Нечепоренко	49
Нечистая сила (сцена съ натуры)	60
Маленькій комендантъ (Петерб. типъ)	68
«Никогда не буду!»..	84
Первая ночь новобрачнаго	97
Филантропы (разсказъ)	112
Трезоръ (быль)	127
Карьера Евлашки (невымышленный разсказъ)	138
Ужасное происшествіе въ городѣ N.	152
Аферистка (разсказъ)	162
Александръ Пахомычъ Мирянинов	174
Романъ въ трехъ главахъ	191
Иванъ Петровичъ	202
Русскія литки (съ натуры)	214
Вступили въ бракъ (разсказъ)	223
Счетоводы (съ натуры)	237

С.П.Б.
УЧИЛИЩА ТОПОГР.
ЛИТЕЙНЫЙ ПР. № 45
В. И. Клочковъ
ПОКУПКА

LIBRARY OF CONGRESS
00024213389